

КАФЕДРА ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ им. М.В.ЛОМОНОСОВА

ГАВРИЛОВ Д.А.

ТРИКСТЕР

ЛИЦЕДЕЙ В ЕВРОАЗИАТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Москва
Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ»
2006

УДК 008:29
ББК 71:86.62
Г 13

Печатается по решению Учёного Совета
философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

ГАВРИЛОВ Д.А.

Г 13 ТРИКСТЕР. Лицедей в евроазиатском фольклоре. – М.:
Социально-политическая мысль, 2006. –239 с.

ISBN – 5-902168-72-4

В книге рассматривается роль трюкача и лицедея на материале некоторых фольклорных и литературных текстов ряда индоевропейских и азиатских народов. Особое внимание уделено особенностям Трикстера как культурного героя при смене социально-культурных эпох и мировоззренческих парадигм.

Рекомендуется студентам, аспирантам, научным работникам по специальностям: культурология, философия культуры, этническая психология, религиоведение.

ISBN – 5-902168-72-4 © Д.А. Гаврилов, текст и оформление, 2006
© «Социально-политическая МЫСЛЬ», изд-во, 2006

Научное издание

Сдано в набор 04.07.2006. Подписано в печать 18.07.2006.
Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15. Уч.-изд. л. 14,4.
Тираж 1000 экз. (первый завод 500 экз). Заказ № 364

Оригинал-макет и корректура текста *О. Ю. Сазоновой*

Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 7720376@mail.ru
141200, Московская обл., г. Пушкино, Московский проспект, д.55. Тел.772-03-76

Типография 000 «Телер», 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д.12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Предисловие к первому изданию	6
ЧАСТЬ I. О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ ТРИКСТЕРА	9
ЧАСТЬ II. ЛОКИ И ОДИН КАК ЭДДИЧЕСКИЕ ТРИКСТЕРЫ	34
II.1. Нарушитель спокойствия и сеятель раздоров	34
II.2. Провокатор и инициатор	37
II.3. Посредник	40
II.4. Господин магических искусств, добытчик знаний и благ	45
II.5. Воплощение Дикой первобытной природы	52
II.6. Оборотень, трюкач, игрок	57
II.7. Мудрец и юнец	59
ЧАСТЬ III. ТРИКСТЕР В ФОЛЬКЛОРНЫХ СЮЖЕТАХ ЕВРОПЫ И АЗИИ	66
III.1. Диоген Синопский и киники	68
III.2. Уленшпигель и пир дураков	74
III.3. Молла, ходжа, афанди – Насредин и суфии	99
ЧАСТЬ IV. ГЕРМЕС И ОДИССЕЙ — ТРИКСТЕРЫ АНТИЧНОСТИ. ЭПИГОНЫ И ПРЕДШЕСТВЕННИКИ.	115
IV.1. Бог-трикстер Гермес-Меркурий	115
IV.2. Одиссей, Автолик и Сизиф	138
ЧАСТЬ V. ЧЕРТЫ ТРИКСТЕРА В ЭПИЧЕСКОМ ОБРАZE ИЛЬИ МУРОМЦА	154
V.1. О русском эпическом творчестве	154
V.2. Трюкачество в былинах об Илье Муромце. Воровство силы	155
V.3. Гиперсексуальность Ильи Муромца	158
V.4. Илья Муромец как оборотень и провокатор	161
V.5. Возмутитель спокойствия	165
V.6. Магический вызов Ильи Муромца	169
ЧАСТЬ VI. ТРИКСТЕР В МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРЕ СЛАВЯН. БОГ ВЕЛЕС И СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ	174
VI.1. Чёрт, Иной сотворец Мира	174
VI.2. Велес, властитель Иного	185
VI.3. Русский бог Николай Чудотворец	194

ЧАСТЬ VII. ТРИКСТЕР МЕРЛИН, СЫН НЕЧИСТОГО	207
VII.1. Источники сведений о Мерлине	207
VII.2. Безумие Мерлина	208
VII.3. Истоки Силы Мерлина	210
VII.4. Пророчества, речи и деяния Мерлина	213
VII.5. Инициаторская деятельность Мерлина	220
VII.6. Мерлин-оборотень	221
VII.7. Гибель Мерлина	226
ВВЕДЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНУЮ МИФОЛОГИЮ. ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ	227
1. Субъективизм	227
2. Инициационность	230
3. Архетипичность	231
4. Недостаточность определения язычества и Традиции как политеизма	233
5. Мифологизм мышления	234
6. Эвгемеризм	238
7. Диалектичность, или же Инвариантность	243

ОТ АВТОРА

В книге «Трикстер» мною рассматривается роль трюкача и лицедея на материале некоторых фольклорных и литературных текстов ряда индоевропейских и азиатских народов. Особое внимание уделено особенностям Трикстера как культурного героя при смене социально-культурных эпох и мировоззренческих парадигм. В первом томе книги – «Лицедей в евроазиатском фольклоре» – предлагаемом вниманию читателя, мной будут проанализированы классические трюкачи: языческие боги – Локи, Один, Гермес, Велес; традиционные персонажи – чёрт, Насредин, Уленшпигель, а также и те, за которыми ранее не усматривали трикстерных свойств – Диоген Синопский, Одиссей, Илья Муромец, Мерлин, св. Николай. Во втором томе книги будут рассмотрены трюкачи из сказок народов Азии и Европы, а также трикстеры из литературных произведений XVIII-XX вв. и, наконец, сама идея ученичества у дьявола или колдуна.

Приступая к работе, уже проделав значительную её часть в качестве умозаключений, я понимал, сама неординарная тема этого исследования окажет соответствующее влияние на его характер. И потому, я сознательно не стал устранять некоторую неоднородность стиля изложения, который варьируется от строго научного стиля — до художественного. Это следствие противоречивости главного героя данной работы, а, стало быть, бороться с этим не просто бессмысленно, но в данном случае не вполне правильно.

Более того, я должен предупредить моего читателя, что чтение этой книги может (по меньшей мере, на сам период чтения, а то и на последующие времена) внести коррективы в его обыденную жизнь. И на обложке следовало бы поместить картинку: «Осторожно, Трикстер!», приблизительно так, как добросовестный производитель алкоголя и табака сообщает мелкими буквами о вреде питья и курения для здоровья. Нет! Я вовсе не хочу внушить своему читателю мысль, о вредности Трикстера, но тот, кто с трудом переносит перемены и не склонен радоваться сюрпризам, должен отложить эту работу до лучших времен. Тот, кто смел, пусть читает до конца! И готовится к внесению разнообразия в свою обыденную, повседневную жизнь.

Как автор я, что называется «на собственной шкуре», испытал все прелести общения с Трикстером, и, выполнив свою миссию, скромно надеюсь, что внимание этой Силы теперь переключится на читателей, а всякие «мелкие безобразия» в моей жизни сойдут постепенно на «нет».

Доброй Удачи! *Дмитрий Гаврилов*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Пересмешник, трюкач, пройдоха, шут, «дурак» – Трикстер, без него жизнь стала бы правильной, серой и скучной. Без его едких шуточек и далеко не безобидных проказ мы заостенели бы от скуки ещё при жизни, став серьёзными, как трупы. Очень хорошо, что он бродит по дорогам этого бренного Мира, расшевеливая отупевшие мозги обывателей.

Тема Трикстера, несмотря на то, что о нём уже немало написано, малопонятна и недостаточно раскрыта. Карл Густав Юнг, основоположник самого понятия архетип, к сожалению, до конца не прояснил всю многозначность и противоречивость такого феномена человеческой психики как Трикстер. Но тем, вероятно, дал возможность другим исследователям попытаться самим раскрыть цели и задачи данного архетипа, что, на мой взгляд, достаточно успешно и попытался сделать автор данного труда.

Собранная автором воедино классификация признаков архетипа Трикстера заслуживает внимание, хотя и не является полным его изобретением. В какой-то мере автор поддался очарованию авторитета Юнга и пошел у него на поводу. Это касается определения архетипа Трикстера как Тени, что не совсем верно. Сама Тень не является в прямую архетипом, а скорее местом вытесненного сознанием материала, который по каким-либо причинам индивид не желает осознавать или перерабатывать, и подразделяется на «тень личного бессознательного» и «тень коллективного бессознательного». Содержание Тени получило довольно ёмкое определение как «скелета в шкафу». Содержание личной тени стремится прорваться в область сознания, подчас обладая при этом чертами Трикстера.

Сам же архетип вполне может находиться в Тени коллективного бессознательного и со своей плутовской ухмылкой при случае выскакивать оттуда как «чёртик из коробочки», внося свои поправки в планы индивида или социума. Поэтому можно было бы сказать, что Трикстер находится в тени героя, а не является Тенью героя, как утверждает Д. Гаврилов. Находясь в тени культурного героя, Трикстер делает происходящее более объёмным, более живым и реальным, выполняя по отношению к герою некоторые компенсаторные функции. Он необходим герою настолько же, насколько и сам герой необходим Трикстеру.

Как ни парадоксально, но 22 карты Старших Арканов Таро лучше помогут разъяснить, продемонстрировать и проиллюстрировать проявления данного архетипа. Карты в образах показывают путь героя от начала до его самоопределения и самоутверждения, то есть чествования героя (карта за № XXI «Мир»). Начинается путь героя с нулевой карты Шут – это архетип «ребёнок» он же и есть Трикстер. Цели Трикстера: осознание себя, поиск

собственного пути, познание, обучение, накопление опыта, сепарация от родителя или объекта власти его заменяющего, передача накопленного опыта в дальнейшем следующему поколению. Если понаблюдать за поведением любого здорового ребенка, то его поведение легко укладывается в схему семи признаков Трикстера разработанную автором. Ребёнок всюду сует свой нос, стремительно и хаотично двигается, переходя от объекта внимания к новому объекту, тащит всё попавшееся в рот, играет со своими частями тела, в том числе и с гениталиями. Ребёнок неосознан, не дифференцирует себя по половому признаку, а быть девочкой или мальчиком его ещё придется научить. Копируя то маму, то папу «обезьянничает», он безответственен, необуздан в своих желаниях, то есть не умеет отсрочить свои желания, можно даже сказать, дик, жесток и циничен исходя из правил социума, его морали и этических норм. Ребёнок антисоциален.

Но ребёнок при этом заставляет взрослого по-новому увидеть мир, он творит свой собственный мир, пусть и неумело, то есть больше портит, чем создает. Тем самым ребёнок выполняет свою задачу, он мотивирован на познание и накопление опыта. При этом ребёнок всемогущ потому, что из чего угодно создает всё, что ему угодно. Если обратиться к Библии, то именно Адам, а не Бог, дает названия всему сотворенному. Ребёнок есть Маг, ребёнок есть Творец, он бессмертен, потому, что не знает, что это такое «Смерть». При этом ребёнок, как правило, не оправдывает завышенных идеализированных требований родителей, разрушая их стремления видеть себя идеальным. Ребёнок наивно хитрит, устраивает всевозможные проказы, вечно что-то «лямязит», за что бывает, как правило, наказан.

Трикстер – это архетип ребенка коллективного бессознательного, вобравшего в себя весь опыт развития человечества, поэтому он одновременно и стар. Это всё та же нулевая карта «Шут» в конце пути героя, но теперь он старый мудрец. Русская культурная языковая традиция сближает эти две противоположности в поговорке «старый, что малый». К Трикстеру вполне применимы слова: «Я есть альфа и омега – начало и конец». Трикстер старше любого из Богов, которые тоже являются архетипами коллективного бессознательного и олицетворяют собой определенные паттерны поведения, но уже куда более социализированного. Фазу Трикстера в своем развитии проходит любой человек, да и любое новое начинание идет с подачи Трикстера и наполнено энергией этого архетипа, без него ничего не начинается ни у отдельно взятого человека, ни у человечества в целом. Фазу Трикстера проходят и Боги, чем архаичнее Бог, тем больше в нем трикстеровых черт.

Несомненным достоинством данного труда является обилие примеров, на которых строит свое повествование автор. Собранный фольклорный,

исторический и художественный материал подается автором в свободной, увлекательной и легкой манере, что, безусловно, будет интересно для широкого круга читателей и вполне вероятно разбудит чей-то пытливым ум, натолкнув на собственные размышления. Интересны и не избиты устремления автора отыскать черты архетипа Трикстера в поведении былинного героя Ильи Муромца, христианского святого Николая Чудотворца, древнего Бога славян Велеса, легендарного Мерлина – героя Артуровского цикла.

Несколько искусственны, на мой взгляд, построения автора в отношении Одиссея. Полагаю, что будучи в плавании «в море», Одиссей, однако, не находится в реальном мире, как под стенами Трои или в стычке с женихами на Итаке. Образ моря и леса связывают с иным миром, с миром бессознательного, а все действия Трикстера направлены в область сознания. Он действует из области бессознательного, но его там не мотаает без руля и ветрил. Уход же Одиссея в иной мир и все его приключения происходят «не по своей воле», он ведом. Ведом, например, той же Афиной, по дорогам бессознательного. Не находясь рядом с ним в его бессознательном, она, тем не менее, видит его образы и при случае помогает Одиссею «выбраться». В этом продолжительном плавании, его можно сравнить с героем, который отправился в нижний мир, но если герой делает это осознанно, то Одиссей игрушка в руках Судьбы и Богов, герой поневоле. Потому он ничего не приобрел в этом путешествии, как сделал бы это осознанный герой.

Впрочем, у автора может быть иное мнение на этот счёт и свои аргументы. Насколько они весомы, судить читателю. Автору же хотелось бы пожелать продолжить изыскания в данной области, не останавливаясь на достигнутом.

*Психолог-консультант,
магистр педагогики
Минкина Валентина Владимировна*

ЧАСТЬ I. О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ ТРИКСТЕРА

Основатель аналитической психологии, Карл Густав Юнг утверждал, что существуют психические структуры (архетипы), присутствующие в каждом из нас.¹ Как гены определяют наше физиологическое развитие, так архетипы, словно инварианты, определяют характер нашего психологического развития. Наиболее распространенная формулировка определения архетипа звучит скупой и примерно так: «форма без собственного содержания, определяющая и канализирующая психический материал». Юнг поясняет смысл архетипа, образно сравнивая его с пересохшим руслом реки, которое и определяет направление будущего потока, но не характер течения. Архетип сам по себе бессознателен, но может быть представлен в сознании в виде совершенно разных образов, в частности, это зависит и от культуры, к которой принадлежит человек, и от его личных представлений об окружающем мире.

Одним из этнопсихологических инвариантов Традиционной культуры² является Трикстер. Ему посвящен ряд работ, подчас опровергающих одна другую. Это совершенно не удивительно, как я указал выше, с учетом всё той же противоречивости самого образа Трикстера и его задач. В первой части книги я рассмотрю различные точки зрения предшественников, отдавая должное их смелости о Трикстере писать. В последующих частях настоящей книги будут рассмотрены конкретные примеры роли этого хитреца и лицедея в Традиционной культуре.

Уже термин «Трикстер» в буквальном переводе означает: «обманщик, хитрец, ловкач». Слово происходит от корня «trick» – трюк, хитрость, обман; шутка, шалость; глупый поступок; фокус, умение, сноровка. Производные формы: tricky – ненадежный, обманчивый, шаловливый, игривый, разодетый, нарядный; tricky – сложный, запутанный, мудреный, хитрый, ловкий, находчивый, искусный – в зависимости от контекста.³ В

¹ Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. –Мн.: «Харвест», 2004.

² Понятие о Традиции (традиционной культуре) и её особенностях представлено нами ранее: *Гаврилов Д.* Особенности традиционной культуры //Вестник Традиционной Культуры: статьи, извездник. вып №1, М., 2004. СС. 18-26; а также в нашем обширном введении к книге Наговицына А.Е.: *Гаврилов Д.* Традиционная культура и современный мир/ Наговицын А.Е. Древние цивилизации: общая теория мифа. –М.: Академический проект, 2005. –656 с. СС. 3-28. По тексту книги ещё не раз будет употребляться этот термин, и потому для удобства данную нашу статью в сокращенном виде мы помещаем в Приложении № 1.

³ *Мюллер В.К.* Новый англо-русский словарь. –М.: «Русский Язык», 2002, С. 773.

современном русском языке для данного понятия есть много синонимов или близких по смыслу: шут, скоморох, плут, обманщик, лицедей, «дурак» – или иностранного корня – паяц. Все они в той или иной степени отражают стороны Трикстера, как вещи, объединяющей их в себе. Слово «дурак» я намеренно заключил в кавычки, и причину этого можно понять, вспомнив слова Шекспира, говорящего устами Виолы, о шуте Фесте в одной из самых знаменитых комедий:

«Он хорошо играет дурака.
 Такую роль глупец не одолеет:
 Ведь тех, над кем смеешься, надо знать,
 И разбираться в нравах и привычках,
 И на лету хватать, как дикий сокол,
 Свою добычу. Нужно много сметки,
 Чтобы искусством этим овладеть.
 Такой дурак и с мудрецом поспорит,
 А глупый умник лишь себя позорит».⁴

«Когда Юнг впервые встретился с образом трикстера, последний сразу же напомнил ему карнавальные традиции, для которых характерна обращённость традиционного иерархического социального порядка, а также средневековые традиции, в которых чёрта называли «дураком от Бога». Юнг заприметил в Трикстере довольно большое сходство с алхимической фигурой Меркурия, с присущей для последнего тенденцией к лукавству, совершенно то забавных, то злых проделок, способностью к мгновенному перевоплощению, обладанию двойственной божественно-животной природой, подверженностью подвергаться пыткам и мукам самого разного рода, близостью к образу целителя и спасителя. Но, несмотря на присущие ему качества героя, в результате свойственной ему глупости Трикстер создаёт то, на что другой даже затратив свои самые лучшие силы оказывается не пригодным.

Юнг открыл, что в качестве мифического образа Трикстер соответствует ещё и внутренним переживаниям. Когда бы и где бы он ни появлялся, несмотря на свой невзрачный вид, Трикстер обладает способностью превращать то, что казалось ранее бессмысленным, в явление, наделённое смыслом... Активация образа Трикстера означает, что появилась беда или, по меньшей мере, возникла опасная ситуация. Когда Трикстер появляется в сказках, художественных произведениях, синхронизированных событиях, ошибочных действиях, фантазиях-проекциях и личных переживаниях... коллективная фигура Трикстера воссоздаётся вновь и вновь, она наделяет человека пробуждающей его энергией, а также божественным образом потенциального целителя и

⁴ Уильям Шекспир. Двенадцатая ночь, или что угодно (пер.Э.Л.Линецкая).

спасителя».⁵

Первым рассмотрел образ Трикстера в его эволюции Поль Радин, сделал он это применительно к первобытной мифологии индейцев.⁶ Иррациональное поведение Трикстера представляется ему, как возможность выхода низменных страстей, не признанных моральными устоями племени и строя. Этими безрассудными выходками Трикстер зачастую ломает имеющиеся традиции и зачинает новые. Так, по словам Радина, в мифологии индейского племени Виннебаго присутствует мотив перехода Трикстера в Культурного героя, стоящего на более высокой ступени развития.

Карл Густав Юнг в статье, изданной в качестве послесловия к книге Радина⁷, отметил: «так как рассказы о трикстерах грубо примитивны, неудивительно, если человек видит в мифе просто плод раннего, архаического сознания...»⁸

⁵ *A. Samuels*, *A Critical Dictionary of Jungian Analysis*, London, 1968.

⁶ *Радин П.* Трикстер. –СПб.: «Евразия», 1999. Однако в нашей книге мы не будем рассматривать тот архаический пласт мифов и сказок народов на стадии разложения первобытно-общинного строя, в которых трикстерами выступают кролики, шакалы, лисы, вороны и прочие люди, надевшие звериные маски (или птичьи перья) и сменившие человеческие имена на прозвища (вспомнить хотя бы собрание басен – сатирический средневековый «Роман о Лисе»). Этот пласт архаики хорош либо для ребенка, либо для академического исследования. И наш читатель вряд ли потешится, если мы здесь классифицируем и эту «живность». Осознанно не касаюсь того, что многократно описано нашими предшественниками, ещё и потому, что это уже не представляет для меня интереса. Русских читателей отправляю также к работе:

Петрухин В.Я. Мифы о творении мира. –М.: Астрель, АСТ, ЛЮКС, 2005.

⁷ *Radin P.* *The Trickster: A Study in American Indian Mythology (with commentaries by C.G. Yung and Karl Kerqny)*. London, 1956.

⁸ *Юнг К. Г.* Психология образа трикстера/ *Юнг К. Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. –Мн.: «Харвест», 2004. СС. 338-358.

Взвешиватель жребиев бог Гермес-Меркурий, античное изображение

«Мотив трюкача, – пишет Юнг, – проявляется не только в мифической форме, но также присущ ничему не подозревающему современному человеку, когда он чувствует себя игрушкой в руках «случая», который парализует его волю и действия своим откровенно злым умыслом. Мы тогда говорим о «вещах, приносящих несчастье», «заколдованности» и «зловредности» объекта. Здесь Трикстер представлен противоречивыми тенденциями бессознательного... и в некоторых случаях – подобием второй личности детского или подчиненного характера...»

Первыми симптомами у тех, кто подвергся трикстерному действию, я бы назвал крушение самых точных и выверенных наперед планов – порождение многовариантности в любой, даже самой определенной, ситуации, словно за левым плечом какой-то бес, и следует за вами тенью.

«Я думаю, – пишет Юнг далее, – что нашёл подходящее определение для этого компонента характера, когда назвал его Тенью. На культурном уровне он воспринимается как личные ошибки, или промахи, которые затем рассматриваются как дефекты сознательной личности. В карнавальных и им подобных обычаях мы находим пережитки коллективного образа Тени, которая доказывает, что личная Тень частично коренится в коллективной фигуре сознания. Эта коллективная фигура постепенно разрушается под воздействием цивилизации, оставляя в фольклоре следы, которые трудно распознать. Но основная её часть олицетворяется и становится предметом личной ответственности».

Итак, «дух трикстера» по Юнгу обнаруживается ярко в средневековье, главным образом выражаясь в празднике «Пир дураков», во время которого, как сообщается в хронике 1198 года, было совершено *«столь много мерзостей и постыдных действий»*, что святое место было осквернено *«не только непристойными шутками, но даже пролитием крови»*. Спустя 250 лет в хрониках можно прочитать, что во время этого

праздника «даже священники и духовные лица выбирали архиепископа, епископа или папу и называли его Папой дураков». «В самой середине церковной службы маски с нелепыми лицами, переодетые женищинами, львами и фиглярами, плясали, пели хором непристойные песни, ели жирную пищу с угла алтаря возле священника, правящего мессу, играли в кости, бегали и прыгали по всей церкви».

В романе сэра Вальтера Скотта⁹ действует шут Вамба, а действие романа приходится как раз на конец XII века. По ходу романа шут переодевается священником, чтобы проникнуть во вражеский замок, а затем избавляется от рясы, нарядив в неё своего хозяина, сакса Седерика, чтобы тот напротив, сумел выбраться из того же замка. Устами своего героя писатель дал ясно понять о насмешливом отношении к церковникам в народной среде, как во времена написания романа, так и в описываемую им эпоху:

« – Боюсь, – сказал Чёрный Рыцарь, – что здесь никого не найдется, кто бы годился на роль отца-исповедника.

Все переглядывались между собой и молчали.

– Ну, я вижу, – сказал Вамба после короткой паузы, – что дураку на роду написано оставаться в дураках и совать шею в такое ярмо, от которого умные люди шарахаются. Да будет вам известно, дорогие братья и земляки, что до шутовского колпака я носил рясу и до тех пор готовился в монахи, пока не началось у меня воспаление мозгов и осталось у меня ума не больше чем на дурака. Вот я и думаю, что с помощью той святости, благочестия и латинской учёности, которые защиты в капюшоне доброго отшельника, я сумею доставить как мирское, так и духовное утешение нашему хозяину, благородному Седрику, а также и его товарищам по несчастью.

– Как ты думаешь, годится он на это? – спросил у Гурта Черный Рыцарь.

– Уж право не знаю, – отвечал Гурт. – Если окажется негодным, то это будет первый случай, когда его ум не подоспеет на выручку его глупости».

⁹ Вальтер Скотт. Айвенго, Собр. соч, т. 8/20, –Мн.: «Валев», 1994.

Шут Вамба и Гурт, герои романа “Айвенго”, рис. В.Бундина, 1957 г.

Не прошло и одной главы, как шут снова оборачивается шутком, побывав в шкуре монаха, и предлагает её вельможе, саксу Седрику:

«Они переоделись, но тут у Седрика возникло новое затруднение.

– Я никаких языков не знаю, кроме своего родного наречия да нескольких фраз по-нормански; как же я буду выдавать себя за настоящего монаха?

– Вся штука в двух словах, – сказал Вамба. – Что бы ни говорили тебе, отвечай: «Рах vobiscum!» При встрече или прощаясь, благословляя или проклиная, повторяй: «Рах vobiscum!» – и всё тут. Для монаха эти словечки так же необходимы, как помело для ведьмы или палочка для фокусника.

Произноси только низким голосом и с важностью: «Рах vobiscum!» – и против этого никто не устоит. Стража ли, привратник, рыцарь или оруженосец, пеший или конный – безразлично: эти слова на всех действуют как заклинание. Если меня завтра поведут вешать (что ещё очень сомнительно), я непременно испытаю силу этих слов на палаче.

...

– А разве там, за стенами, есть надежда на выручку? – спросил Седрик, взглянув на шута.

– И ещё какая надежда! – воскликнул Вамба. – Да будет вам известно, что, натянув мой балахон, вы одеаетесь в мундир полководца. Пятьсот человек собралось под стенами этого замка, и сегодня я был одним из

главных предводителей. Моя дурацкая шапка сошла за каску, а погремушка – за маршальский жезл. Вот увидим, много ли они выиграют, сменив дурака на умного человека. Право, я боюсь, как бы они, разжившись премудростью, не потеряли храбрости. Итак, прощай, хозяин, будь милостивее к бедному Гурту и сжался над его собакой Фангсом, а мой колпак повесь на стену в Ротервуде, в память того, что я отдал свою жизнь за хозяина как верный... дурак.»

В некоторых местах, по-видимому, сами священники были приверженцами «Пира дураков», а со временем таковыми стали и высшие властители, вплоть до Ивана Грозного и Петра I.

Как пишет в своей статье Трахтенберг Л.А. («Всешутейший собор» и связанные с ним празднества Петровской эпохи: проблемы происхождения), основанный Петром Великим, «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор» просуществовал не менее тридцати лет. Его устройство являлось пародией на иерархию Русской Православной Церкви. В нем были, например, «дьяконы», «архидьяконы», «попы», «ризничий», «архиереи», в том числе «митрополиты», а также «диаконысы», «архиигуменья» и «князь-игуменья» (этот список, впрочем, неполный). У членов «собора» были особые одеяния, которые тоже представляли собой пародию на облачения священнослужителей: к примеру, вместо архиерейской панагии они носили флягу, а на митре «князя-папы» был изображен Бахус. «Всешутейший собор» и пародические «титулы» его членов неоднократно упоминаются и в частной переписке, и в особых документах, связанных с его функционированием, – например, в программах «избрания и поставления князя-папы», автором которых был Петр I. Впрочем, в деятельности «всешутейшего собора» пародировалась не только Русская Православная Церковь, но и церковь римско-католическая: это доказывается, к примеру, употреблением таких «титулов», как «папа» и «кардиналы», или тем, что митра «князя-папы» была похожа на митры католических епископов.

Генетических параллелей к «всешутейшему собору» достаточно много. Его прототипом могли быть, например, засвидетельствованные в XVII веке *«игрища <...> на коих святых нарицают, и монастыри делают, и архимарита, и келаря, и старцов нарицают»*. Из этого свидетельства допустимо сделать вывод, что игры, в которых пародировалась иерархия церкви, в данном случае устройство монастыря, могли быть распространены на Руси в допетровскую и в Петровскую эпоху. Разумеется, неизвестно, насколько распространенными они были: сведений недостаточно, чтобы об этом судить, но такая параллель, надо думать, как минимум вполне возможна: ведь не надо забывать о том, что культурно-историческая ситуация не способствовала сохранению сведений о подобного рода играх, которые могли считаться антицерковными.

Альбрехт Дюрер, кон.XV — нач.XVI вв.

Ещё одна параллель – западноевропейские «дурацкие общества», «шутовские гильдии», «которые регулярно устраивали смотры-парады, пародирующие выступления епископов, словопрения судей, въезды королей в города и т. д.», «постоянно действующие комические «ордена», «общества» и «республики»». Эти факты интересны тем, что в данном случае речь идет не просто об отдельных праздниках или обрядах, но о постоянно действующих организациях: ведь и «всешутейший собор» существовал именно как особого рода организация на протяжении более чем тридцати лет. Впрочем, нельзя не отметить и очевидное различие: «всешутейший собор» состоял всё же не из одних шутов. Членами его были нередко известные государственные деятели, например: Головкин, Стрешнев, Апраксин или Мусин-Пушкин. Даже второй глава «собора», «князь-папа» Зогов, имел чин тайного советника, не говоря уже о том, что членом всё того же «всешутейшего собора» в «звании» «диакона», «архидиакона» или «протодиакона» был и сам Петр I.

Юнг указывает, что этот «праздник» Дурака или «счастливый случай» давал волю более древнему слою сознания со своими язычеству необузданностью, распутством и безответностью ... Совершенно очевидно, что Трикстер является «психологемой», чрезвычайно древней

архетипической психологической структурой. «В своих наиболее отчетливых проявлениях он предстает как верное отражение абсолютно недифференцированного человеческого сознания, соответствующего душе, которая едва поднялась над уровнем животного».

Трикстер определен известным советским исследователем Е. М. Мелетинским¹⁰ через образ культурного героя: «Культурный герой (с чертами первопродка и демиурга) и его комический дублёр – Трикстер – центральные образы не только архаической мифологии как таковой, но и первобытного фольклора в целом. Это объясняется, во-первых, архаически-синкретическим характером указанных образов (они предшествуют отчётливой дифференциации религиозных и чисто поэтических сюжетов и образов) и, во-вторых, тем, что культурный герой (в отличие, например, от духов-хозяев) персонифицирует (моделирует) не стихийные силы природы, а саму родо-племенную общину.»

Раздвоение на серьёзного Культурного героя и его демонически-комический отрицательный вариант соответствует в религиозном плане этическому дуализму, а в поэтическом – дифференциации героического и комического. Яркий пример тому в литературе – Бог и черт, Фауст и Мефистофель, а если не брать столь очевидные пары антагонистов, вот, пожалуйста, романтик Теодоро и лакей Тристан, «которому по смерти обман воздвигнет изваянья, лукавство посвятит поэмы, Крит – лабиринты...», из комедии Лопе де Вега (1562-1635) «Собака на сене»...

Нарушая социальные нормы, герои трикстерного поведения разрываюют порочный круг мира, где всё предопределено («любовь предпочитает равных»), создавая многовариантность, свойственную в мифах богам хтоническим. Трикстер тем самым работает на переходе от жесткой системы к многовариантной.

Культурный герой по Мелетинскому – это изначально «мифический персонаж, который добывает или впервые создаёт для людей различные предметы культуры (огонь, культурные растения, орудия труда), учит их охотничьим приёмам, ремёслам, искусствам, вводит определённую социальную организацию, брачные правила, магические предписания, ритуалы и праздники. В силу недифференцированности представлений о природе и культуре в первобытном сознании (напр., появление огня в результате трения приравнивается к происхождению природных явлений грома и молнии, солнечного света и т. п.) культурному герою приписывается также участие в мироустройстве: вылавливание земли из первоначального океана, установление небесных светил, регулирование смены дня и ночи, времён года, приливов и отливов, участие в создании,

¹⁰ Мелетинский Е. М. Культурный герой / Мифы народов мира. т.2. –М.: «Советская энциклопедия», 1982. СС. 25-28.

формировании и воспитании первых людей и др. В древних версиях мифов, отражающих специфику присваивающего хозяйства, культурный герой добывает готовые блага культуры, а порой и элементы природы путём простой находки или похищения у первоначального хранителя (у старухи-прародительницы, у хозяйки царства мёртвых, у небесных богов, у духов-хозяев).»

«Демонически-комический дублёр культурного героя наделяется чертами плута-озорника (Трикстера). В мифах заметна тенденция отделить серьёзные деяния героя от озорных трюков. У некоторых североамериканских племён мифы о творческих деяниях Ворона, Койота и др. воспринимаются с полной серьёзностью и ритуализованы по формам бытования, а анекдотические истории с тем же Вороном и Койотом рассказываются для развлечения. Озорные проделки Трикстера большей частью служат удовлетворению его прожорливости или похоти. Обычно преобладает какое-нибудь одно качество: например, у индейцев северо-западного побережья Америки ворон – прожорливый Трикстер, а норка – похотливый; в мифологии догонов Легба отличается гиперэротизмом, а Йо – обжорством. Стремясь удовлетворить голод или ненасытное желание, Трикстер прибегает к обману, нарушает самые строгие табу (в т. ч. совершает кровосмешение), нормы обычного права и общинной морали (злоупотребление гостеприимством; поедание зимних запасов семьи или родовой общины). Нарушение табу и профанирование святынь иногда имеет характер «незаинтересованного» озорства, имеют характер пародии на серьёзные творческие деяния. Действуя асоциально и профанируя святыни, Трикстер тем не менее большей частью торжествует над своими жертвами, хотя в отдельных случаях он терпит неудачи. Сочетание в одном лице серьёзного Культурного героя и Трикстера, – пишет Е.М. Мелетинский, – вероятно, объясняется не только фактом широкой циклизации сюжетов вокруг популярных фольклорных персонажей, но и тем, что действие в этих циклах отнесено ко времени до установления строгого миропорядка – к мифическому времени. Это в значительной мере придаёт сказаниям о Трикстерах характер легальной отдушины, известного «противоядия» мелочной регламентированности в родо-племенном обществе, шаманскому спиритуализму и др. В типе Трикстера как бы заключён некий универсальный комизм, распространяющийся и на одураченных жертв плута, и на высокие ритуалы, и на асоциальность и невоздержанность самого плута.»

В. Я. Пропп показал, что «изучение атрибутов (действующих лиц) дает возможность научного толкования сказки. С точки зрения исторической это означает, что волшебная сказка в своих морфологических формах

представляет собою миф».¹¹ В. Я. Проппом разобраны общие мотивы плутовства и одурачивания в народном фольклоре. Он называет одурачиванием причинение неудачи или посрамление воли, причём иногда одураченный может оказываться посрамленным по собственной вине.¹² Среди прочих он выделяет, например, группу сказок о шутах. Так шут говорит, что у него есть плетка, которая оживляет мёртвых. «По сговору с женой он будто бы ссорится с ней, будто-бы ударяет её ножом, на самом же деле прокалывает заранее спрятанный пузырь с кровью, а потом ударяет её плеткой, и она оживает. Плетку эту он продает за большие деньги. Покупатель убивает свою жену и пробует оживить её плеткой. Плут над ним смеется. Сказка состоит из цепи подобных проделок. Его враги пытаются отомстить ему и уничтожить его, но это оказывается невозможным – он всегда выходит сухим из воды.»

«Такие сказки – продолжает Пропп, – для современного человека представляют некоторую загадку. Смех представляется здесь циничным и как будто бессмысленным. Но в фольклоре имеются свои законы: слушатель не относит их к действительности... победитель прав уже потому, что он побеждает, и сказка нисколько не жалеет тех доверчивых глупцов, которые делаются жертвой проделок шута.»

Если помните, в комедии драматурга Лопе де Вега «Собака на сене»¹³ (по совместительству носящего звание *familiar del Santo oficio de la Inquisicio'n* – добровольного слуги инквизиции), лакей Тристан, обладающий трикстерными чертами персонаж, разводит дважды на деньги недругов своего господина, придуриваясь наемным убийцей. Кроме того, переодеваясь греческим купцом, как вы помните хотя бы по фильму, он из-под земли в самой безвыходной ситуации достает Теодоро (культурному герою) богатого и знатного отца, без труда убеждая счастливого старика, что это и есть его похищенный пиратами и проданный в рабство сын:

Теодоро:

Ты здесь с убийцами моими
О чем-то говорил сейчас?

Тристан:

Нет дурня в городе у нас,
Достойного равняться с ними.
Вот цепь и тысяча эскудо
За то, чтобы я вас убил.

¹¹ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. –М.: «Лабиринт», 2003, СС. 80-84.

¹² Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. –М.: «Лабиринт», 2002, СС. 76-83.

¹³ перевод. М.Лозинского.

Теодоро:

Послушай, что ты натворил?
Смотри, не кончилось бы худо.
Я изнываю от тоски.

Тристан:

Когда бы вы меня слышали,
Вы мне бы вдвое больше дали,
Чем дали эти дураки.
По-гречески не так уж трудно
И говорить в конце концов:
Чередование всяких слов.
Зато же и звучит как чудно,
А имена зато какие:
Астеклия, Катиборратос, Серпалитония, Ксипатос,
Афиниас, Филимоклия...
Здесь главное – красивый звук,
И если кто точнее не вник,
Сойдет за греческий язык.

Теодоро:

Меня терзают сотни мук,
Волненья горести и страха.
Ведь если вскроется обман,
Я столько бедствий жду, Тристан,
Что наименьшим будет плаха.

Тристан:

С такими мыслями носиться!

Теодоро:

Ты – дьявол, вот кто ты такой.

Тристан:

Пусть всё течет само собой,
А там увидим, что случится.

Необыкновенно важна функция Трикстера как насмешника. «Общий вектор её развития – от непосредственной потребности в собственно увеселительных и оргиастических сторонах мифо-религиозной жизни к снятию определенных «напряжений» в культуре, разрядке обстановки в целом. Функция смеха – обнажать, обнаруживать правду, избавлять

реальность от покровов этикета, церемониального, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества. Герои-озорники были созданы как щит от страха, как отстранение от серьезности, отдых от законов и ограничений, чтобы выразить противоречивую и двуликую полноту жизни. Задача Трикстера и состоит в том, чтобы заставить смеяться над тем, что представляется высоким и священным. По совершенно верному замечанию Проппа, смех есть оружие уничтожения».¹⁴

Вот ещё один отрывок из романа Вальтер Скотта, в котором сакс шут Вамба осмеливается издеваться над завоевателями норманнами: христианским священнослужителем и рыцарем Ордена Храма – тамплиером.

«– Я вас спрашиваю, дети мои, – повторил настоятель, возвысив голос и перейдя на тот диалект, на котором объяснялись между собой норманны и саксы, – нет ли по соседству доброго человека, который из любви к богу и по усердию к святой нашей матери-церкви оказал бы на нынешнюю ночь гостеприимство и подкрепил бы силы двух смиреннейших её служителей и их спутников? – Несмотря на внешнюю скромность этих слов, он произнес их с большой важностью.

«Двое смиреннейших служителей матери-церкви! Хотел бы я поглядеть, какие же у неё бывают дворецкие, кравчие и иные старшие слуги», – подумал про себя Вамба, однако же, хотя и слыл дураком, остерегся произнести свою мысль вслух.

Сделаив мысленно такое примечание к речи приора, он поднял глаза и ответил:

– Если преподобным отцам угодны сытные трапезы и мягкие постели, то в нескольких милях отсюда находится Бринквортское аббатство, где им, по их сану, окажут самый почетный прием; если же они предпочтут провести вечер в покаянии, то вон та лесная тропинка доведет их прямехонько до пустынной хижины в урочище Копменхерст, где благочестивый отшельник приютит их под своей крышей и разделит с ними вечерние молитвы.

Но приор отрицательно покачал головой, выслушав оба предложения.

– Мой добрый друг, – сказал он, – если бы звон твоих бубенчиков не помутил твоего разума, ты бы знал, что *Clericus clericum non decimal*, то есть у нас, духовных лиц, не принято просить гостеприимства друг у друга, и мы обращаемся за этим к мирянам, чтобы дать им лишний случай послужить богу, оказывая, помощь его служителям.

– Я всего лишь осел, – отвечал Вамба, – и даже имею честь носить такие же колокольчики, как и мул вашего преподобия. Однако мне казалось, что доброта матери-церкви и её служителей проявляется, как и у всех прочих

¹⁴ Хлевов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I – VIII веках. –СПб.: «Евразия», 2002. С.169.

людей, прежде всего к своей семье.

– Перестань грубить, нахал! – крикнул вооруженный всадник, сурово перебивая болтовню шута. – И укажи нам, если знаешь, дорогу к замку...»

В то же время надо обратить внимание на такой существенный аспект. Если же всё вокруг Трикстера заражено смехом и веселостью, он ломает и эту идеальную реальность, отступая от правил, которых, впрочем, для Трикстера не существует.

Альбрехт Дюрер, кон. XV — нач. XVI вв.

Например, всё в той же комедии Шекспира «Двенадцатая ночь...» есть такой персонаж, выделяющийся среди всех. Это шут Фесте. Мы видим его в числе участников веселого розыгрыша, учиняемого над Мальволио, слышим его дерзкие шутки над теми, кому он обязан повиноваться. Он один из самых остроумных шекспировских шутов. Но есть в нем черта, отличающая его от всех предшественников в комедиях Шекспира, – что очень верно подмечено А. Аникстом в его примечаниях к отечественному изданию «Двенадцатой ночи». Фесте меланхоличен, в нем ощущается уже усталость от веселья, которым другие так непринуждённо наслаждаются в комедии. Он выступает как раз в качестве выразителя настроений, расходящихся с общим веселым, непринуждённым тоном. Трикстер ломает любое совершенство, даже если это совершенство смеха.

А завтра – что ж! – придет конец

Веселью и вину.
 Конец шуту и королю,
 И глупости, и уму.
 Король отправится во дворец
 И пьяный — к себе в кабак,
 Ведь всё не то, и всё не так,
 Но что есть «то» и «так»? ¹⁵

Надо указать, что смех в то же время есть и верный спутник любви, а потому шут и Трикстер выступает как любовником, так и сводником, торжествуя над ханжеством социума. Мефистофель сводит Фауста и Маргариту, Мерлин помогает Утеру добиться леди Игрейны, лиса в сказках выступает свахой культурного героя, да и знаменитый Кот в сапогах в этой части своему хозяину услужил, выдав безродного сына мельника за дочь короля.

А вот как звучат любовные куплеты шекспировского шута Фесте (в ряде переводов):

Где ты, милая, блуждаешь?	Что – любовь? Любви не ждется;
Стой, послушай, ты узнаешь,	Тот, кто весел, пусть смеется;
Как поет твой верный друг.	Завтра – ненадежный дар.
Бегать незачем далече,	Полно медлить. Счастье хрупко.
Все пути приводят к встрече;	Поцелуй меня, голубка;
Это скажут дед и внук.	Юность – рвущийся товар. ¹⁶

Не мною, но очень точно подмечено, что «любое лицо или понятие, взнесенное социальной иерархией вверх, шут прокидывает в материально-телесный низ и таким образом поддерживает в обществе память о том, что вообще-то все люди имеют одинаковую природу».

Одинаково смеются и плачут, любят и ненавидят.

Развивая вышеозначенную идею Мелетинского, Т. А. Струкова¹⁷ пишет:

«Мифологический культурный герой статичен – «стоп-кадр». Меняются декорации, в которых он действует, меняются чудовища, которых он побеждает, появляются в силу его податливости к соблазну и склонности к насилию всё новая необходимость к подвигу. Культурный герой влияет на реальность, преображает её, при этом сама реальность не затрагивает его, не

¹⁵ Уильям Шекспир (перевод – Давида Самойлова).

¹⁶ Уильям Шекспир. Двенадцатая ночь, или что угодно (пер. М.Л.Лозинский).

¹⁷ Струкова Т. А. Метаморфозы Трикстера в лабиринте обыденности// Бог. Человек. Мир (Материалы ежегодной научной конференции). –М.: «Издательство Русского Христианского гуманитарного института», 2000.

оставляя следа, «как вода на песке». Он статичен, и это дает мне с вами возможность рассмотреть, разглядеть, расчленить и препарировать мифологему Культурного героя.

Трикстер подвижен, неуловим, а потому неопределим. Его можно наделить атрибутами, часто противоречащими друг другу и всегда недостаточными. Завернутый в атрибутивный кокон, он прячет от нас свое лицо, и мы не можем ухватить его сущность. Несомненно, имя его табуировано. В текстах он называется то стариком, то внуком, то старшим братом, то вождем, то именами зверей и птиц. Сам Трикстер всё время называет себя и обращается к себе – «Глупец». Но, учитывая постоянно присутствующий мотив отражения реального, мифологический Трикстер возвращает это «глупец» нам.

Связь Культурного героя с местом его обитания несомненна и очевидна. Каждый раз, как бы далеко не уводил его путь служения, он, как бумеранг, всегда возвращается в некий сакральный центр. Пространство Культурного героя централизовано, объемно и неоднородно.

В мифологии Трикстера всегда отчетливо прослеживается мотив ухода, и никогда – возвращения. Возвращение всегда связано с «наживанием кучи неприятностей», а потому неприемлемо. Пространство Трикстера плоское, гомогенное и однородное, равное самому себе в каждой точке. Ситуационное многообразие Трикстера может быть сведено к удовлетворению им четырех потребностей: полового инстинкта (Трикстер-партнер выступает то мужчиной, то женщиной, то сильным, то бессильным), голода, потребности в сне и отдыхе, испражнения. Удовлетворение этих потребностей не регулируется ни определенными навыками, ни социальными нормам. Возникновение их всегда спонтанно и удовлетворяет он их при первом их появлении.

Путь у Культурного героя всегда связан со взваливанием на себя бремени ответственности за других. Что, конечно, требует особых моральных качеств и силы. Обычно герои и наделены сверхчеловеческими возможностями, хотя и лишены бессмертия, что объясняет отсутствие в них иронии и самоиронии. Путь у Трикстера – это всегда «бесцельное брождение», «просто путешествие», это всегда уход от ответственности. Трикстера отличает ирония и скепсис по отношению к общественному долгу».

Пусть все сегодня за вином
 Не ту играют роль,
 И шут пусть станет королем,
 И будет шутлом король
 Сегодня умный будет глуп,
 И будет умен дурак,

И всё не то, и всё не так,
Но что есть «то» и «так»?¹⁸

Человек трикстерной природы и мифологический Трикстер, по словам В.Н. Топорова, «всегда ищут свой единственный шанс на необщих путях... Готовность и умение усвоить себе особый тип поведения определяют активный полюс деятельности трикстера; отдача же себя ситуации рокового выбора, напротив, отсылает к пассивному полюсу, где сам трикстер оказывается игрушкой в руках Судьбы, если только на следующем этапе он не переиграет её за счёт особой, даже Судьбе неизвестной стратегии поведения» – подчеркивает Топоров особенность Трикстера находить выход из казалось бы безвыходной ситуации.¹⁹

«Мир рационального сознания – это мир буквальный, а Трикстер живет в мире смысловом, где есть «правда», но нет буквальности. И поэтому категории организованного мира просто не существуют для него: нет жизни и нет смерти (а значит, нет убийства, это лишь притворство), не существует никаких границ или ограничений... Трикстер находится на границе игры и действительности. Сама жизнь по Трикстеру оформлена особым игровым образом. По правилам, которые он задает, живут все окружающие его».²⁰

Левон Абрамян указывает: «сама историческая действительность обладает порой такими «мифологическими» свойствами, что может породить особых «мифологических» лидеров.»²¹ Он рассматривает личность В. И. Ленина в качестве Трикстера в период смены общественно-экономической формации, утверждая, что «в случае Ленина мы имеем не проницательного учёного, учащегося у истории в тиши кабинета, а политического деятеля, творящего импровизированную историю, причём при помощи таких же трюков, как и классический мифологический Трикстера. Научные штудии Ленина лишь создавали «научно-объективную» базу для трюкачества в истории, уже сами его труды несут на себе глубокий отпечаток трикстерности их автора.» Автор вычленяет ряд функций Трикстера и переносит их на образ «вождя мирового пролетариата».²²

¹⁸ Уильям Шекспир (перевод – Давида Самойлова).

¹⁹ Топоров В. Н. Образ Трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. СС. 5-23.

²⁰ Пяткова Н. Л. Организующая роль Трикстера в мифологии хантов и манси//Урало-сибирская научно практическая конференция. Екатеринбург: Уральский государственный университет. 2003.

²¹ Abrahamian L. Lenin As a Trickster // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1999. V.38. № 2. P. 7-26.

²² Аналогичную работу проделывает Екатерина Михайловская в своей монографии «Идеальная Россия в текстах политиков: проектирование мифов» в отношении лидера партии ЛДПР Владимира Жириновского. Она пишет:

Например, «мы пойдем другим путем», – говорит Ленин ставшую хрестоматийной фразу после казни старшего брата-террориста, подготавливавшего покушение на царя Александра III. Выбор обходного, необычного, кривого пути – один из типично трикстерных аспектов поведения. Работа Л. Абрамяна актуальна уже тем, что показывает практическую ценность и значимость исследования архетипа Трикстера, применительно к современным читателю политическим деятелям, а не только фигурам далекого прошлого и народного фольклора. «Ленина роднит с Трикстером уже то, – пишет Абрамян, – что он, будучи революционером, как и Трикстер, является изменителем мира и культуртрегером. При этом новый мир творится посредством хитрости, трюка. Свидетельство этому – научное наследие Ленина, особенно те сочинения, где он обосновывает правомерность и историческую неизбежность революции в России. Фактически Ленин переворачивает теорию революции классиков марксизма. Если те говорили о социалистической революции в будущем после достижения достаточно высокого уровня развития капитализма, причём в центре капиталистического мира, то Ленин переносит её в настоящее и на периферию, в наиболее слабое звено капиталистической системы. Но делает он это не по недоумию, подобно тому как, например, Хрущев переместил коммунизм из неопределенного будущего в конкретный, 1980 год, а в качестве хитроумного трюка. Т. е. типичный, наиболее широко известный трикстерный поступок – переворачивание – Ленин применил для другого типичного трикстерного поступка – хитроумного обмана, трюка. Впрочем, чисто карнавальное переворачивание тоже входит в арсенал ленинских поступков – вспомним, например, его знаменитое высказывание о кухарках, которые должны править государством. Но это скорее отражение общей карнавальности революции, а не специфически ленинская черта.»

«Никакие его (Трикстера) маски, превращения, тяга к перевертываниям (изнаночности), установка на абсурдные ходы и т.п. не могут скрыть сколько-нибудь прочно его доброго ядра».²³ Образ Ленина, как Трикстера,

«Жириновский (см. Последний бросок на Юг. М., 1993.) как бы встает над пороками и различиями человечества и занимает позицию одновременно спасителя (но не спасителя-жертвы, в христианском смысле, а спасителя-плуга, изобретателя рецепта мира и благоденствия) и законодателя для России, которая в некотором смысле органична для сказителя, рассказывающего сказку – ведь автор и вправду является законодателем, устанавливающим законы для своего текста, и спасителем, поскольку имеет возможность благоприятным образом завершить перипетии. через которые проходят его персонажи.» Сказка отождествляет слушателя с героем, что может объяснять успех пропаганды Жириновского. См. об этом: *О.М.Волозова*. Сон и сказка. В: Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения – 1. М., 1992. С 152.

²³ *Топоров...* С.17.

по Л. Абрамяну, приближается, судя по итогам его творений, к образу «неудачливого демиурга – одного из двух универсальных мифологических близнецов-демиургов. Подобно ему, Ленин хотел принести пользу людям, но на самом деле посеял лишь разлад и зло. Это мифологическое соответствие было подтверждено недавним крахом ленинской коммунистической вселенной... В противоположность данному результату, каноническая лениниана представляет мифологию удачливого брата-демиурга: многочисленные (официозные) тексты и образы рассказывают о Великом Праотце Ленине, который создал новую коммунистическую вселенную после того, как разрушил старую.»

Любопытно, что и в наиболее древних мифах Трикстер часто отождествляется с Демиургом, а потом – наоборот. Вот и Ленину при жизни и некоторое время после смерти приписывали Творение, а сейчас, когда Творение Ленина погибло, его выставляют коммунистическим Сатаной (что наблюдается и в отношении более мрачного Трикстера отечественной истории – Иосифа Виссарионовича Сталина). причём делают это ещё большие разрушители и провокаторы, чем он сам.

Ещё Мирча Элиаде отметил мифы такого рода у калифорнийского индейского племени помо. Бог в предании этого племени выше и вне космогонии, а непосредственный космогонический процесс осуществляет Трикстер Койот, который делает людей из птичьего пуха. Но появившиеся люди начинают смеяться над ним, он злится, устраивает пожар, затем наводнение и творит второе человечество, которое вновь смеется над ним, и Койот угрожает новой катастрофой. Но люди, хотя и обречены на тяжёлые испытания, по-прежнему не принимают его всерьёз. Здесь, пожалуй, нашла свое отражение одна из самых ранних традиций человечества, не допускающая никаких непрошенных «посредников» между Богом, отождествляемым с самим Абсолютом, и людьми, и, вместе с тем, не отдаляющая людей от Абсолюта, но напротив – за счёт факта игнорирования ими любых, даже материально создающих их (!) «творцов» – только сближающая, демонстрирующая проявление в человечестве подлинно божественного начала.

Однако весьма любопытно, что в относительно поздних традициях чертами Трикстера начинают наделяться именно божественно-героические персонажи. Таков Элегба в мифах африканского племени йоруба – мужское, фаллическое божество и установитель инициатических ритуалов, который впоследствии демонизируется, воспринимается как Трикстер и даже – как персонификация зла. А в мифах некоторых народностей героя-покровителя людей и главного Трикстера вообще зовут одинаково – таковы Ди'а у самоедов, Дяйку у нганасан, Иолофат у микронезийцев, Ича у селькупов и т.д. причём показательно, что в последнем случае данный персонаж эзотерически, ритуально и в контексте ранней космогонической мифологии

воспринимается как явное божество, и только в позднем фольклоре обретает черты трикстера. Что же касается гораздо более ранних традиций, то там, как правило, подобное смешение не допускается. А трикстерические персонажи всегда имеют явное отличие от божественных, хотя и могут на короткое время завладеть их миссией. Так, в китайской мифологии мышши-оборотни принимают облик государя, государыни и даже Бао-гуна – величайшего неподкупного судьи. И эту негативную ситуацию разрешает только вмешательство верховного даосского божества Юй-Ди.

Известный исследователь феномена игры и сущности Трикстера Йохан Хейзинга писал так: «Плутующий игрок... не портит игры. Он делает вид, что соблюдает правила, играет вместе со всеми, покуда его не ловят на плутовстве». Но что «соблюдать», если этими правилами со временем становится само плутовство?»²⁴

Например, в 1995 году партия В.В. Жириновского смогла провести в Государственную Думу России 50 депутатов. Наобещав в три короба на фоне узурпаторских действий Бориса Ельцина, расстрела Парламента и москвичей в 1993 году, Жириновский собрал голоса на переломе эпох. Этим он сумел на какое-то время разрядить общественно-политическую обстановку, как планировал Кремль, обманув ожидания тех, кто голосовал за него из чувства протеста. Разве психолог, разумеющий о Трикстере, мог предугадать такой печальный конец народных надежд на возмездие. Жириновский – игрок, лицедей, и очень талантливый, что признается и справа, и слева:

«За счёт его инструментальной функции, связанной с исполнением кремлевских заказов в наиболее неприглядных политических интригах, ему прощались любые выходки, предельная неполиткорректность дискурса, лобовая эксплуатация самых низменных инстинктов масс, где ксенофобия и шовинизм соседствуют с алчной жадной зрелищ и скабрёзностей. Жириновский воплощал бессознательные чаяния огромной люмпенской массы, где висцеральный национализм растворен в контекстах других разнообразных пошлостей. В общей партийно– политический неразберихе это сходило с рук, давало результат. Власть устраивала заведомо идиотская и подконтрольная версия «национал-популизма», многие видели в ЛДПР форму реализации низкопробного электорального юмора — о том, что кто-то проголосовал за Жирика, можно хвалиться так же, как рекордным количеством выпитого пива. Это действительно кому-то кажется вполне cool. При этом Трикстер Жириновский ловко примешивает к своему слабо структурированному потоку сознания фрагменты довольно разумных идей и взглядов, густо замешанных в общий хаотический маразм; тем самым он постоянно задевает нервы, дразня откровенных дураков намеками на

²⁴ *Шмена В.В.* Инверсия. –М.: АСТ, 1996.

содержание и эпатурия соображающих ладной бессмыслицей...»²⁵
 «Жириновский великий политик ельциновской эпохи. Тогда он был уместен, шулер, шут, хам и циник, превращающий в клоунату серьезные вещи, о которых стыдливо молчали «пристойные» партии, он выполнял роль «трикстера» из древних мифологий. Трикстер – фигура амбивалентная, как Локи у древних германцев. Он внедряет правильные идеи, но в ложных пропорциях, он говорит истину, но тут же высмеивает её, подавая в виде гротескного шаржа. Его время кончилось. Я думаю, что это был самый яркий, веселый и тлетворный из российских политиков прошлого периода. Смешнее его юмористов не было. Он безусловно, талант. Но его эпоха кончилась. Он как мавзолей или МММ символ нашего прошлого, недавнего и малоприятного. Его, действительно, никто уже не воспринимает, включая маргиналов. И его функции для обеспечения поддержки власти со стороны «националистов» и люмпенов также исчерпаны. Покойся с миром...»²⁶

Своевременное выявление Трикстера в своем или чужом окружении по этому шаблону может сыграть важную роль в борьбе за власть, которую ведет современный лидер в ближней и дальней перспективах.

Социальное воображение оперирует архетипическими образами. Но также оно оперирует образами и конкретной культуры, позволяя читателю включиться в социальную действительность, присвоив себе определенные стереотипы и модели поведения, примерив маски социума, как «защиту от плевков и от пощечин».

Трикстер проявляет себя всюду, отметим это особо, и читающий эти строки сам того не замечая, становился не раз объектом трикстерного действия. Являет Трикстер себя, в том числе, и в современной нам устной народной культуре – в анекдотах, как одной из форм реализации социального воображения. Как отмечает А.Е. Наговицын в устном сообщении (лекции), можно проследить динамику появления массовых анекдотов в СССР: «Первыми по времени появляются анекдоты о герое Гражданской войны Василии Чапаеве. Следует отметить, что анекдоты о политических лидерах были с самого появления советской власти, но они не носили массового всенародного характера. Массовое появление и распространение анекдотов о Василии Ивановиче, в принципе, не имело характера злопыхательства. Он предстает, таким алкоголиком, бабником и немного идиотом, попадающим в смешные ситуации. Однако сам образ

²⁵ Александр Дугин. Нужен ли России просвещенный национализм// «Время новостей», 05.05.2003.

²⁶ Говорит философ, лидер Общероссийского Общественно-Политического Движения «Евразия» Александр Дугин в интервью: «Будущее России зависит от нашей воли» <http://www.smi.ru/print/?id=250798>. Впрочем, по нашему мнению Дугин забывает, что и сама смерть Трикстера – это его инсценировка.

героя Гражданской войны, причём любого героя, практически, развенчивается в народном сознании. Следующими на очереди были анекдоты о Штирлице (полковнике Исаеве). Он предстаёт любителем выпить, обладает способностью «расслабиться» и вывернуться из любой ситуации. Нельзя сказать, что смеялись над русским разведчиком, но оттенок снижения героики Второй Мировой войны в народном сознании был. Почти одновременно, но несколько позже получают распространение анекдоты о генеральном секретаре КПСС Л.И. Брежнев и его ЦК (при Сталине за подобные вещи просто сажали далеко и надолго). Они высмеивают немощность и беспомощность власти, патологическую любовь Леонида Ильича к наградам и полное непонимание ситуации в стране. С этой серией анекдотов разрушается доверие людей к власти. Можно сказать, что смеховая культура является в определенном смысле критерием её устойчивости, т.к. от того, над чем смеются, легко отказаться. В этом плане отсутствие или наличие «политических» анекдотов в современном обществе анекдотов показателем стабильности или, напротив, критичности социальной ситуации».

Так А.В. Конева, рассматривая феномен анекдота, отмечает следующее: «Образ Трикстера непременно включает и любовь к коварным розыгрышам и злым выходкам, и способность изменять облик, и определенно двойственную природу. Он близок к природе – и анекдотический дед также либо живет в селе, либо (в образе папаши командира отряда ОМОН или папаши нового русского) описывается как дед-моховик, замшелый дедок и т.д. С точки зрения обнаружения в герое анекдота архетипа Трикстера любопытно, что в этой истории встречается упоминание о кролике. Дед-трикстер, который «разводит» кроликов – в высшей степени лукавый образ. Практически во всех культурах, где обнаружены мифы о Кролике, он исполняет двойную роль культурного героя и трикстера. Таким образом, дед-Трикстер «разводит» современных культурных героев, занимая освободившееся героическое место». ²⁷ В мифах культурному герою полагается позаботиться об изменении сил природы, лишении их изначальных деструктивных функций; а также об освобождении мира из-под власти монстров, людоедов и гигантов. Это и составляет основную функцию «деда из Запорожца». Снижение смысла, логическая подмена, смещение, парадокс – все эти трикстерные приемы позволяют создать серию конкретных узнаваемых анекдотичных образов, за которыми прочитываются обширные культурные пласты, свидетельствующие о единстве народной культуры и мира.

²⁷ Конева А. В. Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 года. –СПб.: «Санкт-Петербургское философское общество», 2002. СС.70-77.

В качестве ещё одного очевидного примера современного нам Трикстера, которого знает стар и млад, назову Карлсона, как лучшее из подтверждений, что языческое мифотворчество продолжается:

«Линдгрэн придумала идеального трикстера. Настоящего Трикстера прошедшего XX века. Это не (бог) Локи, горящий древним мифологическим огнем, это не средневековые плуты и проходимцы. Это не (бог) Меркурий, не (титан) Прометей, не Сет. Но как настоящий юнгианский Трикстер он приносит смысл туда, где раньше жизнь была бессмысленна. Это летающее бессознательное, это фигура тени, это рейнджер, валяющийся с неба на шведов и немцев, на русских и американцев... Искусство долгих полетов освоил настоящий швед – в меру упитанный мужчина в полном расцвете жизненных сил. И крыша у настоящего шведа была «что надо» – прочная, такая, что можно было поставить на ней домик с крылечком и зелеными ставеньками. Мы были рады Карлсону, между тем это настоящий негодяй, прожорливый врун – вечно лгуший обжора. Персонаж, чья башня сорвана, а крыша давно съехала – типичный трикстер. Часть той силы, что вечно желает зла, но по ошибке делает добро. Каждый ищет Карлсона по-своему. Один – для того, чтобы вместе с ним играть привидения, сыпать мусор на головы прохожим и дарить ему тефтели. Другой – заготовил кирпич в кармане, чтобы мстить за слезы домоправительниц, порезанные простыни, разбитую посуду. Ищет, чтобы истребить хаос. Убить пересмешника.

... Впрочем, Карлсону всё равно, найдут его или нет. Ему прекрасно живется в маленьком домике на крыше, на крыльце которого он курит трубку и смотрит на звезды.

Как-то раз один трубочист вдруг увидел домик Карлсона. Он очень удивился и сказал самому себе: – Странно... Домик? Не может быть! На крыше стоит маленький домик? Как он мог здесь оказаться?

Затем трубочист полез в трубу, забыл про домик и уж никогда больше о нем не вспоминал...»²⁸

Предлагая классификацию признаков Трикстера и насчитывая их шесть, Хайнс и Доти отрицают серьезность любых исторических реконструкций его образа.²⁹ И это должно быть так, хотя очевидно, что многие вполне исторические личности вели себя в соответствии с этим архетипом Юнга.

Барбара Бэбкок-Эйбрахамс доводит число признаков Трикстера до шестнадцати-девятнадцати, но в этой скупуплезности слишком акцентируется именно на литературный цикл индейцев Виннебаго, упуская более абстрактные вещи, которые роднят всех известных как в Америке, так и в Евразии трикстеров. Тем не менее, вот отдельные её рассуждения,

²⁸ Владимир Березин. Настоящий Трикстер// «Независимая газета», 07.02.2002.

²⁹ Hynes W.J., Doty W.J. (eds.). Mythical Trickster Figures. Contours, Contexts, and Criticism. Tuscaloosa and London, 1993.

которые, как мне представляется вполне подходящими, чтобы здесь подвести черту и перейти к рассмотрению конкретных примеров.³⁰ Бэбок пишет:

– No figure in literature, oral or written, baffles us quite as much as trickster. He is positively identified with creative powers, often bringing such defining features of culture as fire or basic food, and yet he constantly behaves in the most antisocial manner we can imagine. Although we laugh at him for his troubles and his foolishness and are embarrassed by his promiscuity, his creative cleverness amazes us and keeps alive the possibility of transcending the social restrictions we regularly encounter. (Ни один другой персонаж в литературе, устной или письменной, так не сбивает нас с толку, как трикстер. Он без сомнения идентифицируется с созидательными силами, часто принося такие определяющие понятия культуры, как огонь или основные пищевые продукты, но, в то же время, постоянно ведет себя самым антисоциальным образом, какой только можно себе представить. Мы смеемся над его бедами и его глупостью, нас приводит в замешательство его «промискуитет», но его созидательный разум восхищает нас и поддерживает в нас надежду на то, что мы можем преодолеть социальные ограничения, с которыми постоянно сталкиваемся).

– In the majority of his encounters with men, he violates rules or boundaries, thereby necessitating escape and forcing himself to again wander aimlessly. (В большинстве своих столкновений с людьми он нарушает правила и переходит границы, приговаривая себя к бегству и новым бесцельным блужданиям).

– The sum total of these nineteen episodes of rejection, reversal, and transformation, of ahistorical, abiological, and asocial acts is a developmental process. This process of increasing biological, psychic, and social awareness to the point where he returns to society and appears as an almost thoroughly socialized individual and, further, to a realization of his role and identity as culture-hero, is similar in structure to the *Bildungsroman* or developmental novel. Dealing as it does with an individual at odds with society, the seeming antistructure of picaresque narrative implies or assumes this structure or a developmental pattern. (Общий итог этих девятнадцати эпизодов неприятия, отторжения, полной перемены и трансформации, анти-исторических, анти-биологических и асоциальных актов – процесс развития. Этот процесс доводит биологическое, психическое и социальное осознание до такой точки, когда он возвращается в общество и выглядит как почти полностью

³⁰ *Babcock-Abrahams B.* «A Tolerated Margin of Mess»: The Trickster and His Tales Reconsidered // *Journal of the Folklore Institute.* 1975. V.11. 1. 3. P. 147-186. Из последних работ о Трикстере можно отметить также работу: *Hyde L.* *Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art.* New York, 1998.

готовый к жизни в обществе индивидуум. Более того, происходит осознание его роли и сущности культурного героя, что по форме похоже на *Bildungsroman* или эволюционную повесть. И, рассматривая индивидуальность, находящуюся не в ладах с обществом, кажущаяся антиструктурность авантюрного повествования предполагает или заключает в себе такую форму или модель развития).

– Trickster is a «creative negation» who introduces death and with it all possibilities to the world. Things «are» by virtue of and in relation to what they «are not»: structure implies antistructure and cannot exist without it. (Трикстер представляет собой «созидательное отрицание», привносящее в мир смерть, а вместе с ней и массу возможностей. Все вещи «являются» чем-то только в связи с тем, и благодаря тому, чем они «не являются»: структура подразумевает наличие анти-структуры и не может существовать без неё).

–Trickster, «the foolish one» – the negation offering possibility – stands in immediate relation to the center in all its ambiguity. And for this we not only tolerate this «margin of mess,» this «enemy of boundaries,» we create and re-create him. (Трикстер, этот «дурачок» – отрицание, предлагающее возможность – находится в непосредственной связи с центром во всей его неоднозначности и двусмысленности. И за это мы не только терпим это «существо на грани беспорядка», этого «врага всех границ». Мы создаем и воссоздаем его снова и снова).

Сколько-нибудь объемлющего, широкоизвестного и популярного отечественного труда на тему Трикстера мне не известно. Хотя попытку пересказать наиболее архаичные мифы на эту тему в свете акта Творения Мира недавно предпринял известный учёный В.Я.Петрухин.³¹

И это дает повод постараться также восполнить пробел, впрочем, тоже не претендуя на охват всего необъятного материала о ловкачах и обманщиках, шутах и «дураках», подстрекателях и провокаторах – инициаторах мифологического и социально-культурного действия. Этой работой только поднимается верхний пласт.

³¹ Петрухин В.Я. Мифы о творении мира. –М.: Астрель, АСТ, ЛЮКС, 2005. СС.116-183.

ЧАСТЬ II. ЛОКИ И ОДИН КАК ЭДДИЧЕСКИЕ ТРИКСТЕРЫ

Сформулируем в самом общем виде основные функции Трикстера. Для наглядности же обратимся сначала к традиционной культуре древних германцев, наиболее полно отраженной в Старшей и Младшей Эддах.

Сделаем это вот ещё из каких соображений. М.И. Стеблин-Каменский отмечает: «Эддические мифы до сих пор толкуются как сентиментальная картина борьбы «добрых» со «злыми». В действительности, однако, в этих мифах «добрых», в сущности, нет. Главные персонажи эддических мифов никогда не выступают как моральные идеалы или как установители или блюстители морали. Они действуют, как правило, не из этических, а из эгоистических побуждений. Если они мстят, то это месть не за нарушение морали, а за посягательство на их имущество или на них самих...»³²

И даже несмотря на это обстоятельство есть два бога, резко выделяющиеся среди всех прочих эддических персонажей своим трикстерным поведением – это Один и его побратим Локи – таким образом, что на их фоне другие кажутся образчиками общественной морали.

Правда, большинство исследователей не рассматривают Одина как Трикстера, польстившись на очевидное шутовское поведение Локи. Но здесь будет доказано, что «старый» Один сам не меньший Трикстер, чем его «молодой» побратим.

II.1. Нарушитель спокойствия и сеятель раздоров

Трикстер появляется для нарушения сложившихся устоев и традиций, он привносит элемент хаоса в существующий порядок, способствует деидеализации, превращению мира идеального в реальный.

«В меньшей степени можно усмотреть какие-либо этические мотивы в поведении Одина, – продолжает М. И. Стеблин-Каменский. – Он помогает героям одерживать победы вовсе не потому, что он поборник добра и справедливости, но потому, что вообще любит, когда сражаются, и нередко сам убивает тех, кому он раньше помогал. Его решения, кому должна достаться победа, заведомо несправедливы, и он помогает героям побеждать скорее хитростью, чем силой. Сам не любит сражаться. С волком Фенриром (сыном Локи), который в конце мира должен его проглотить, он сражается из самозащиты. То, что он добыл мед поэзии, объективно благо, но побуждением Одина явно было просто желание похитить чужое сокровище.

³² *Стеблин-Каменский М. И.* Древнескандинавская литература. –М.: «Высшая Школа», 1979. С. 49.

При этом Один устраивает так, что девять косцов перерезают друг другу шеи, и соблазняет дочь великана, у которого хранится мед. И то и другое он совершает совсем не потому, что в этом была какая-то необходимость, но просто он любит сеять раздор, а также соблазнять девушек или чужих жен и потом похвалиться своими победами. Не случайно Одину приписывается собрание правил житейской мудрости (строфы 1–95, 103 и 112–137 «Речей Высокого»), в которых он советует, в частности, платить обманом за обман, оболыщать женщин лестью и подарками, никому не доверять и т. п.»

*«Локи сказал:
Молчи-ка ты, Один!
с начала времен
людей ты судил неправо:
в распре не раз,
кто праздновал труса,
тому ты дарил победу».*

(«Перебранка Локи», 22)³³

Но если Один совсем не так уж «добр», то второй из выделенных здесь асов – «Локи, самый «злой» из персонажей эддических мифов – в сущности, не такой уж злой. У него, правда, есть на совести несколько злых дел: он отрезал волосы у Сив, жены Тора; он заманил Идунн к великану Тьяцци и тем оставил богов без омолаживающих яблок; он заманил Тора к великану Гейррёду; он сделал так, что Хёд убил Бальдра, и помешал вернуть Бальдра из Хель. Но Локи совершал свои злые дела не со зла, по-видимому, а иногда из любопытства, иногда из трусости или даже просто из самозащиты (например, когда он заманил Идунн к Тьяцци или Тора к Гейррёду) и т.д.»³⁴

Обратите внимание, что именно Один (под именем Харбарда) в «Песне о Харбарде» и Локи (в «Перебранке Локи») устраивают поэтическое состязание в поношении всех присутствующих: обвиняют в несоблюдении нравственных запретов, хотя сами их нарушают, в проявлении трусости, в невыполнении долга чести, в нарушении элементарных табу... и т.д. причём истинность обвинений при этом не обсуждается и не оспаривается.³⁵

³³ Старшая Эдда. В пер. В.Тихомирова / Корни Иггдрасиля (Эдда. Скальды. Саги), сб. под ред. О.Смирницкой, –М.: «Герра», 1997.

³⁴ Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература... С. 50.

³⁵ Трикстер финно-карельского эпоса Лемминкяйнен приходит на пир во враждебной ему стране Пяйвеле, он является незванным, непрошеным, поскольку не умеет себя вести, что называется «в приличном обществе», сквернословит и домогается любви женщин (инцест с собственной сестрой). Лемминкяйнен по одной из версий заколдовывает хозяев, но имеет неосторожность оставить в живых

Локи, явившись на пир богов, обвиняет аса Браги в трусости, что де он храбр лишь за чашей, и гораздый бегать от битвы, а это, конечно, для викинга серьезное оскорбление. Асино Идунн Локи обвиняет в блудодействе с убийцей Бальдра, то есть либо с Хёдом либо с самим собой. Если верить Локи, асиня Гевьон³⁶ отдается за подарки юнцам. Одина в дополнение к уже упомянутому обвинению в несправедливости, Локи корит в том, что он ведет себя как сейдовская баба, и это подробно рассмотрено ниже. Фриг достается от Локи за то, что изменяла мужу с его братьями. Фрейе – за то, что переспала со всеми асами и ванами, включая и собственного брата Фрейра.

Локи смеется и над ваном Ньёрдом: *«Ночами, как в чан, мочились тогда в рот тебе дочери Хюмира»*. Ньёрд, не опровергая этих сведений, заявляет, что зато у него самый прекрасный среди асов сын.

В отличие от «нида», чисто хулительного стиха, в перебранке допускается ещё и похвальба.³⁷ Как раз похвальбу в процессе перебранки можно опровергать, и Локи тут же обвиняет отца Фрейра в том, что тот зачал своего сына с собственной сестрой, и что этот прекрасный сын заложил меч, столь необходимый асом в момент Рагнарёка, опять же ради бабы.

старого старичка, который на проверку оказывается гораздо более могучим шаманом – Вайнемейненом. На вопрос, почему он не стал расправляться со стариком, Лемминкяйнен насмехается над этим богом и говорит, что тот «носил собак в утробе, всех лошадей перепортил». Вайнемейнен одерживает верх над трикстером, расчлняет его тело и отправляет обидчика на тот Свет в Туонелу. И даже вмешательство матери не спасает дурашливого насмешника Лемминкяйнена. Он вынужден оставаться в образе рыбы в Туони. (Локи прячется от асов в виде лосося). См. *Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. –М.: «Астрель» – «АСТ», 2003, СС. 121-131.

В более мягком варианте см. Пир в Пяйвеле. Посещение дев острова/ Рода нашего напевы. Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов. Петрозаводск: «Карелия», 1985, С.137. На вопрос Вайнемейнена, почему он обидел его, Лемминкяйнен отвечает: «Кобылиц зачем бесчестил, покрывал волосохвостых среди тины на болоте, на обширном том просторе. Потому тебя обидел». За Вайнемейнена заступает сын хозяина Пяйвеле, тогда Лемминкяйнен убивает его, а сам, по совету матери бежит от мести на девичий остров, где утешается, переспав с тысячью красавиц за ночь.

³⁶ Согласно «Младшей Эдде» Гевьон – дева, которой прислуживают умершие девственницами.

³⁷ Тут вспоминается перебранка Ильи Муромца с князем Владимиром на пиру, перебранка Садко с гостями и купцами именитыми, перебранка Василия Буслаева с новгородцами, перебранка Ильи Муромца с Идолищем или Калиным-царем, Одиссея – с женихами, распри олимпийских богинь Афины и Геры с одной стороны – Афродиты с другой стороны. Словом, жанр весьма традиционный.

Асу Тьюру отец лжи напоминает, как обрюхатил его жену, а Тюр отказался от мести.

Бесстрашного Тора Лофт высмеивает за трусость (как и Один-Харбард), напоминая, что громовец сидел тиши мыши в великанской рукавице Скрюмира... и т.д.

Несмотря на то, что Трикстер наделяется почти неизменным атрибутом – хулильными речами, – они носят также очистительный и возрождающий характер – это разоблачение, правда о старой власти, об умирающем мире. И хотя на пиру богов у морского великана Эгира Локи нарушает ритуальный мир, но задним числом Локи заставляет богов держаться рамок приличия. причём ругательства здесь абсолютно симметрично спроецированы на мир асов из мира людей – они имеют то же содержание, тональность и цель, что и ругательства, употребляемые в бытовых раздорах.

Это означает, что Трикстер действует не только в поле мифа, но и за его пределами, в той социальной среде, которая использует сам миф.

II.2. Провокатор и инициатор

Трикстер – это неподконтрольная никому фундаментальная Сила, результат действия которой непредсказуем, даже для самого Трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социально-культурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча.

При создании нового Мира Один выступает как разрушитель Мира старого, он убивает великана Имира и нарушает тот Порядок, что был при Имире, т.е. разрушает мир, существовавший до Одина и состоявший лишь из Муспелльхейма, Нифльхейма и Мировой Бездны.³⁸ Расчленив первовеликана вместе с братьями на куски, Один устраивает собственное мироздание, выступая тем самым Альфёдром – Всеотцом.

Старый мир, мир великанов, мир Бергелмира, Бора, Бури, Бельторна, Бестлы, Мимира великий Один перекроил на новый лад, упорядочив Бездну Мировой Энтропии. Но и созданный им же самим новый Порядок, Один тоже попирает сам, хотя несколько иным образом. Так произошло, когда асы нарушили данную великану при постройке стены вокруг Асгарда клятву, тем самым подорвав устои своего мира: *«Крепкие были попорнены клятвы, тот договор, что досель соблюдался...»*

Он, Один, тот, *«что в битвах Губитель»*, начал войну между асами и ванами, Хникар и Хникуд – имена Одина, что значит – *«сеятель раздоров»*.

³⁸ Нельзя не вспомнить и о Гермесе, убийце тысячеглазого исполина Аргуса, из которого было создано звездное небо. Один зашвырнул на небо глаза турса Тьяцци, и они загорелись там звездами, прежде он же сотворил звезды из сверкающих искр Муспелля, а из черепа Имира – сам небосвод.

Несоответствие жизни асов тем принципам, которые они провозгласили, – это источник разрушения мира. Асы сами породили своих противников – достаточно посмотреть, чем похвается Один в «Песне о Харбарде» и в каком блюде Локи упрекает прочих асов, а затем сравнить эти «добродетели» со следующим списком.

*«39. я видела, вброд
через тяжкие воды
клятвопреступники
и душегубы,
и те, кто чужих
жен соблазняли,
идут, и холодные
трупы гложут
Волк и Нидхегг.
Ещё мне вещать?
Или хватит? ...*

...

*45. брат на брата –
и гибнут в бранях,
родич на родича –
режутся рати,
мерзость в мире
настало время
меча и блуда,
щита разбитого,
ветра, Волка,
погибели мира,
человек человека
не пощадит».*

(«Прорицание вёльвы») ³⁹

Это все прямые следствия поведения Одина. Он сам разрушил свой мир, он же и вверг его в хаос.

Уточним, что Один сперва упорядочивает на свой лад прежний хаотичный с точки зрения богов мир великанов, а потом ввергает в неопределенность трикстерным своим поведением свой собственный мир, попирая собственные этические законы, лежащие в основе мироздания асов.⁴⁰

³⁹ Старшая Эдда. В пер. В.Тихомирова...

⁴⁰ Не следует, однако, опрометчиво противопоставлять одно другому (Хаос –

Локи в свою очередь тоже портит мир, сотворенный Одином, Вили и Ве (и выступает здесь как бы кривым отражением, Тенью Одина).

Локи и сам один из древнейших богов. Под именем Лодура Локи входит в одну из эддических триад. Как Лодур он участвует в создании первых людей наравне с Одином.

«И трое пришло из этого рода асов благих и могучих к морю, бессильных увидели на берегу Аска и Эмблу, судьбы не имевших. Они не дышали, в них не было духа, румянца на лицах, тепла и голоса; дал Один дыханье, а Хенир – дух, а Лодур – тепло и лицам румянца.»⁴¹

«Однажды три аса благих и могучих шли вместе по берегу моря домой. На побережье нашли они чаявших жребия – Бессильно лежавших там Аскра и Эмблу. Души и дыханья у них ещё не было, Теплоты и движенья, и жизненных красок. Гонир душу им дал, дал им Один дыхание, Дал Лодурр тепло и цветущие краски.»⁴²

Локи, согласно «Перебранке Локи», кровный побратим Одина. К тому же «братья его Бюлейст и Хельблинди», а Хельбдинди (Слепо-Хель) – это хейти Одина из знаменитого перечисления в «Речах Гримнира», что наводит на размышления о сопоставимости триад Один-Лодур-Хенир и Хельблинди-Локи-Бюлейст.

Тот же Локи предводительствует теми, кто пойдет в дни Рагнарека войной на светлых богов, как только вырвется на свободу. Война приведет к Гибели старых богов и перерождению Мира через смерть⁴³.

*«дрогнул Иггдрасиль,
яшень трепещет,
трещит сердцевина –
вырывается йотун:*

Порядку), ибо где кончается Воля богов-асов, царствует Хаос великанов, а там, где ими же, асами, ограничена свобода начинается «несвобода». Да и сами этические законы возникают лишь тогда, когда есть кому их отражать, т. е. хотя боги и порождены ещё более высшими Вселенскими силами, но и сами порождают Волю этого Космоса, существующего «независимо», круг замыкается. Иными словами, абсолютный беспорядок и есть, в то же время, сама абсолютная упорядоченность.

⁴¹ Старшая Эдда. В пер. А. Корсуна, под ред. М.И. Стеблин-Каменского/Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах, –М.: Художественная литература, 1975.

⁴² Старшая Эдда. Русская классная библиотека под ред. А.Н.Чудинова, СПб. 1897.

⁴³ Смерть и Одина, владыки нынешнего мира, и смерть Локи – якобы главного виновника бед вобщем-то нелепы, как у всякого Трикстера. Один погибнет первым – его должен проглотить Фенрир – сын Локи, чудовищный Волк. А Локи будет убит белым асом Хеймдаллем, причём рогом или головой. Из этого некоторые исследователи предполагают, что Хеймдалль в битве не вполне антропоморфен.

*всё устрашится
в подземных землях,
когда он явится,
родич Сурта...»*

«Враг на свободе» – это относится к Локи, который освободился от пут. Почему вырывается турс (или йотун)? Поскольку Локи лишь приемный ас, он родной сын великана Фарбауги и великанши Лоувейи, таким образом, он и родич Сурт(р)а. Сурт(р) – «черный» – великан, сидевший на краю Муспелльсхейма с начала мира. Он пойдет на асов войной вместе с Локи, убьёт Фрейра и сожжет весь мир.

*«...Нагльфар плывет
С востока в ладье
Муспелля люди
плывут по волнам,
а Локи правит;
едут с Волком
сыны великанов,
в ладье с ними брат
Бюлейста едет».*

Вот другой вариант перевода:

*«...Нагльфар плывет –
Муспелля войско
везет с востока
корабль по водам
(а кормщик – Локи),
везет он волка
и племя чудиц,
и Бюлейста брат
с ними плывет».*

II.3. Посредник

Трикстер традиционно выступает посредником между мирами и социальными группами, способствует обмену между ними культурными ценностями и переводу информации из области непознанного (Мир Иной) в область познаваемого (Белый Свет). Он делает неявное явным, вторгаясь в область неизведанного первым.

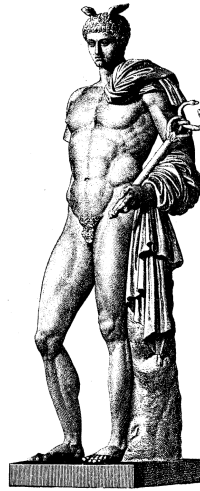
«Один в глазах скандинавов был не только военным вождем, зачинщиком битв и сеятелем раздоров, – указывает А. Я. Гуревич. – Он и вечный странник, никогда не остающийся на одном месте, старец в

надвинутой на глаза шляпе, в голубом плаще, склонный к перевоплощениям и мистификации. Верхом на восьминогом коне Слейпнире (конь почитался скандинавами как священное животное), в сопровождении волков и воронов, зовущихся «Память» и «Мысль», он постоянно охотится, как бы олицетворяя дух беспокойства и тяги к странствиям, овладевший скандинавами в эпоху викингов. Он же покровитель торговли. Наконец, Один – воплощение высшей мудрости, он считался источником магии и поэзии («меда Одина»). Чтобы стать всеведущим и получить знание рун, Один принес самого себя в жертву, повесившись на мировом дереве, прошив себя копьем, и отдал глаз в обмен на внутреннее зрение – мудрость».⁴⁴

Тождество бога древних германцев Одина-Вотана-Водена и римского Меркурия, восходящего к греческому Трикстеру – Гермесу, согласно свидетельству современников языческих верований, лишь подтверждает выдающуюся роль Одина в покровительстве добыче духовных и материальных ценностей, их обмену, торговле.⁴⁵ В древнеисландском тексте *Rumbegla* сказано: «... *Зевс, которого мы зовем Тором, и Меркурий, которого мы называем Одином...*»

⁴⁴ *Арон Гуревич. Избранные труды. В 4-х т.т. Том 1. Древние германцы. Викинги.* – М. –СПб.: «Университетская книга», 1999. С.174.

⁴⁵ О происхождении германцев, 9 / *Корнелий Тацит. Собр. соч. в двух томах. т.1.,* –Л.: «Наука», 1969; История бриттов, 98 / *Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина.* –М.: «Наука», 1984, СС. 5-137; *Павел Диакон. История лангобардов. I. 8. // Средневековая латинская литература IV-IX вв. М. 1970.*

Меркурий, античные скульптуры

Сам «Локи сделал ряд добрых дел: заставил карликов изготовить золотые волосы для Сив, корабль Скидбладнир для Фрейра, копьё Гунгнир для Одина; вернул Идунн с её омолаживающими яблоками асам; помог Тору вернуть себе молот от великана Трюма; помешал мастеру, который взялся построить стены Асгарда, закончить свою работу в срок и тем спас Фрейю, солнце и луну. Так что свирепое наказание, которому асы подвергли его (он должен до конца света сидеть под змеей, чей яд всё время капает ему на лицо), свидетельствует скорее о жестокости асов, чем об их справедливости».⁴⁶ *«Асы не раз попадали из-за него в беду, но часто он же выручал их своей изворотливостью»*⁴⁷.

Например, в «Младшей Эдде» говорится, что когда боги подло убили проникшего в Асгард великана Тьяцци, его дочь Скади отправилась мстить за отца. Асы предложили ей выкуп, и та потребовала, чтобы те дали ей в мужья прекраснейшего из богов. Она подразумевала, что это, конечно же будет сын Одина Бальдр, но боги предложили разборчивой невесте встречную задачу – узнать жениха, глядя только на его ноги. Скади не угадала, выбрав Ньерда. У неё в свою очередь было своё условие – асы

⁴⁶ Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература... С. 50.

⁴⁷ Младшая Эдда, в пер. О.А. Смирницкой, под ред. М.И. Стеблин-Каменского. – М.: НИЦ «Ладомир», 1994.

должны были рассмешить горюющую по отцу великаншу-несмеяну⁴⁸. У них долго ничего не получалось, наконец, изобретательный Локи привязал один конец веревки к бороде козы, другой – к своей мошонке. Подпрыгивая и крича от боли, Локи свалился на колени Скади, и та, не выдержав, рассмеялась. Мир был заключен.

Асы вследствие своих непродуманных (и несправедливых) деяний вроде бы сами загнали себя в безвыходное положение, когда поступили не по правде, и вынуждены признать эту неправоту. Богам это совершенно не хочется, ибо связано с понижением их божественного статуса. Поддержать имидж властителей помогает шут Локи.

А вот эпизод из романа Вальтер Скотта «Айвенго», по сути это совершенно та же ситуация. Норманнский принц Джон на турнире приказывает еврею Исааку сесть в зрительской ложе вместе со знатными саксами. Этим принц Джон предполагает унижить саксов. Оскорбление столь значительно по тем временам, что даже приближенные советуют правителю отменить дурацкое указание, опасаясь взрыва возмущения:

« – Полежай, нечестивый пес, я приказываю тебе! – крикнул принц Джон. – Не то я велю содрать с тебя кожу и выдубить её на конскую сбрую.

Услышав такое приглашение, Исаак начал взбираться по узкой и крутой лесенке на верхнюю галерею.

– Посмотрим, кто осмелится его остановить, – сказал принц, пристально глядя на Седрика, который явно намеревался сбросить еврея вниз головой.

Но шут Вамба предотвратил несчастье неожиданным вмешательством: он выскочил вперед и, став между своим хозяином и Исааком, воскликнул:

– А ну-ка, я попробую! – С этими словами он выхватил из-под полы плаща большой кусок свинины и поднес его к самому носу Исаака.

Без сомнения, он захватил с собой этот запас продовольствия на случай, если турнир затянется дольше, чем в состоянии выдержать его аппетит. Увидав перед собой этот омерзительный для него предмет и заметив, что шут занес над его головой свою деревянную шпагу, Исаак резко попятился назад, оступился и покатился вниз по лестнице. Отличная шутка для зрителей, вызвавшая взрывы смеха, да и сам принц Джон и вся его свита расхохотались от души.

⁴⁸ Похожую задачу успешно решал царь обезьян Хануман, вызвав смех Рамы. Да и полностью асоциальный Иван-дурак из русских сказок, стал мужем царевны Несмеяны и престолонаследником. Отсутствие смеха – это по нашему мнению непрменный указатель принадлежности к миру смерти, архетипу смерти, косвенное указание на нежизнеспособность. И Трикстер побеждает смерть, вызывая смех. Кстати, читатель может перерыть Библию, но нигде не найдет там ни одного смеющегося лица со всеми вытекающими последствиями.

– Ну-ка, брат принц, давай мне приз, – сказал Вамба. – Я победил врага в честном бою: мечом и щитом, – прибавил он, размахивая шпагой в одной руке и куском свинины – в другой.

– Кто ты такой и откуда взялся, благородный боец? – сказал принц Джон, продолжая смеяться.

– Я дурак по праву рождения, – отвечал шут, – зовут меня Вамба, я сын Безмозглого, который был сыном Безголового, а тот, в свой черед, происходил от олдермена.

– Ну, очистите место еврею в переднем ряду нижней галереи, – сказал принц Джон, быть может радуясь случаю отменить свое первоначальное распоряжение. – Нельзя же сажать побеждённого с победителем? Это противоречит правилам рыцарства.

– Всё лучше, чем сажать мошенника рядом с дураком, а еврея – рядом со свиньей.

– Спасибо, приятель, – воскликнул принц Джон, – ты меня потешил! Эй, Исаак, дай-ка мне займы пригоршню червонцев!

Озадаченный этой просьбой, Исаак долго шарил рукой в меховой сумке, висевшей у его пояса, пытаясь выяснить, сколько монет может поместиться в руке, но принц сам разрешил его сомнения: он, наклонясь с седла, вырвал из рук еврея сумку, вынул оттуда пару золотых монет, бросил их Вамбе и поскакал дальше вдоль края ристалища. Зрители начали осыпать насмешками еврея, а принца наградили такими одобрительными возгласами, как будто он совершил честный и благородный поступок.»

Вспомните, – отмечают А.Борцов и О.Боровой⁴⁹ – как часто радостно смеялись или улыбались Яхве, Христос, Аллах? *Ни одного* такого случая не

⁴⁹ Борцов А., Боровой О. К вопросу об архетипе Сатаны// Вестник Традиционной Культуры: статьи и документы. Вып. №3/ под ред. докт. филос. наук Наговицына А.Е., М., 2005. СС. 76-114.

зафиксировано, за исключением злобного хихиканья, потирая руки⁵⁰. Чувство юмора – неотъемлемая часть архетипа Трикстер⁵¹.

II.4. Господин магических искусств, добытчик знаний и благ

Трикстер – господин многих искусств, мастер на все руки, иногда спутник культурного героя или сам культурный герой, его проводник, или его тень, тот, кто проверяет претензии героя на Силу и Власть. Трикстер – добытчик знаний через нарушение социального или космогонического запрета, инициатор мифологического действия.

Локи сопровождает Тора в нескольких его походах к инеистым великанам, он же спутник Одина и Хенира. Устоявшийся эддический кеннинг Локи – *«родич и дядя, веселый попутчик и сотрапезник Одина и асов»*. Локи – изобретатель рыболовной сети как снаряжения для ловли рыбы (его изобретение, кстати, оборачивается против самого изобретателя).

Рассматривая в ряде энциклопедических статей образ Локи в контексте северо-германской культуры Е. М. Мелетинский и А. Я. Гуревич справедливо отмечают:

«Локи – вечный «добытчик» (посредством трюков), мифологических ценностей у карликов для богов, у богов для великанов и т. д., как оператор их вечной «циркуляции». Локи выступает как комический дублёр Одина в космогонии и его демонический противник в эсхатологии. У них обоих есть шаманские черты, но шаманские странствия Локи ограничены горизонтальной проекцией, тогда как образ Одина тесно связан с мировым деревом. Условно Одина и Локи можно соотнести как белое и чёрное шаманство. В качестве позитивного творца Один – отец асов, а Локи – отец хтонических чудовищ, Один – хозяин небесного царства мёртвых для избранных, а Локи – отец хозяйки подземного царства мёртвых и тайный

⁵⁰ Монотеистические боги тоже любят пошутить – только юмор у них специфический. Например: *«Зачем мнутя народы, и племена замыслиют тщетное? Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его. «Расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их». Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им. Нечестивый злоумышляет против праведника и скрежещет на него зубами своими: Господь же посмеивается над ним, ибо видит, что приходит день его»*. – Псалом 36:12-13. В Коране обстановка не лучше: *«Те, которые порицают добровольцев из верующих за милостыни и тех, которые находят, (что дать), только по своему усердию, и смеются над ними, – посмеется над ними Аллах, и им – болезненное наказание!»* – Сура 8 «Добыча», аят 80. Тоже весьма своеобразное чувство юмора.

⁵¹ Для всех антижизненных религий, помимо веры и поклонения, характерна также такая черта, как запрет смеяться над положениями религии. Самоирония не допускается.

виновник первой смерти (смерти Бальдра), которая является единственным жертвоприношением (реальный убийца слепец-Хёд – также, возможно, дублёр Одина)».

Плут Локи из любопытства и озорства идет на риск и жертвует собой в добывании разнообразных ценностей мира по неосторожности. Один – бог волшебства и мудрости, который ради знания неоднократно приносил в жертву глаз и повесив собственную плоть на стволе Иггдрасилля.

Владыка асов «темен» на один глаз, но в то же время Одину всё видно с престола Хлидскьяльв: *«видит он все миры и все дела людские, и ведома ему суть всего видимого»*, как видима она оку Вотана – Солнцу.

Один достиг просветления, добыл и даровал асам, ванам, карликам, альвам и людям смысл рун. Им же рождены многие искусства, включая поэзию. Впрочем, с поэзией не всё так просто. Специалисты⁵² пришли к заключению, что «нид» – хулительный стих – был первым из скальдических жанров. Таким образом скальды, которым Один покровительствует, это исполнители изначально хулительных, оскорбительных стихов, а искусство «скальдскап» – это, в известной степени, вызывающая поэзия.

Аватары Одина во всем соответствовали небесному Одину: *«Рассказывают как правду, что когда Один и с ним дии пришли в Северные Страны, то они стали обучать людей тем искусствам, которыми люди с тех пор владеют. Один был самым прославленным из всех, и от него люди научились всем искусствам, ибо он владел всеми, хотя и не всем учил»*.⁵³

«... Он владел искусством менять свое обличие, как хотел. Он также владел искусством говорить так красиво и гладко, что всем, кто его слушал, его слова казались правдой. В его речи все было так же складно, как в том, что теперь называется поэзией (skaldskapr). Он и его жрецы зовутся мастерами песней, потому что от них пошло это искусство в Северных странах... Всем этим искусствам он учил рунами и песнями, которые называются (galdrar)».

Один часто покидает Асгард и бродит по Миру, где испытывает повстречавшихся ему. Один наказал жадного Хрейдмара с помощью проклятого кольца Андвари («Речи Регина»), затем наказание за ту же жадность и подлость постигло Фафнира и Регина («Речи Фафнира»). Один испытывал великана Вафтруднира («Речи Вафтруднира») и «излечил» его от излишнего самомнения.

Здесь основной магической силой, позволяющей Одину побеждать врагов, является знание о происхождении вещей (особенно лично врага);

⁵² Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. Отв. Ред. Е. М. Мелетинский. –М.: РГГУ, 1999, СС. 488-491.

⁵³ Снорри Стурлусон. Круг Земной. –М.: «Наука», 1980.

рассказ о первотворении и первопричинах оказывается в Традиции вообще самым могучим оружием.⁵⁴

Он же, Один, неузнанным, явился при дворе короля Олафа и много интересного рассказал этому монарху о конунгах и древних событиях, сумел ответить на все вопросы короля обо всех странах и вещах. И даже подкинул королевскому повару жертвенное мясо – два больших и жирных куска говядины – считая, должно быть, забавным, если августейший монарх и фанатичный христианин отведаёт языческой требы («Сага об Олафе сыне Трюгви», LXIV).

«Сага о посошниках» содержит рассказ про норвежского кузнеца, что жил неподалеку от шведской границы, у которого Один остановился на ночлег, а наутро даже попросил подковать своего коня: «... они пошли в кузницу и кузнец спросил гостя: «Где ты был прошлой ночью?» «В долине Медальдаль». А это было далеко от Несьяр (где жил кузнец), потому хозяин резонно заметил: «Ты, судя по всему, большой обманщик, этого никак не может быть». Ковалось кузнецу из рук вон плохо, и подковы вышли такими большими, каких он никогда не видывал. Но когда их примерили, они оказались коню впору. Когда конь был подкован, гость сказал: «Ты человек неучёный и неразумный. Почему ты ни о чем не

⁵⁴ Можно и нужно вспомнить аналогичный словесный поединок Вьянемёйна и Еужахайнена. Второй пытается петь о происхождении мира, однако он лжёт и проигрывает («Калевала», III, 148-254), Вьянемёйн пением повергает его.

Как отмечено А.Л. Барковой («Калевала»: слово заменяет действие/ Тезисы. Опубликовано в сборнике «Слово как действие» М., 1998), подавляющее большинство поединков в «Калевале» – это битвы словесные, т.е. состязания в пении, мудрости и магии. Так, Лемминкяйнен и хозяин Похьелы прежде личного единоборства (тоже магического) творят различных животных, чтобы те убили друг друга (XXVII, 219-256). Вьянемёйн порезался и перевязка не может унять кровь (VIII, 187-204). Только рассказ о происхождении железа помогает герою (IX, 27-265), а заклятия полностью останавливают кровь (IX, 269-416). На Лемминкяйна нападает Мороз, и герой, чтобы сломить магическую мощь врага, прибегает к рассказу о его происхождении (XXX, 213-254), принуждая тем самым Мороза сдаться. По дороге в Похьелу Лемминкяйнену преграждает путь исполинская змея, он проговаривает историю происхождения змей, и этого оказывается достаточно, чтобы змея освободила путь (XXVI, 683-774). Здесь же нельзя не отметить, что впервые рассказ о происхождении змеи звучит при воскрешении Лемминкяйна его матушкой, когда он был убит стрелой-змеей, причём этот рассказ, кажется, знаменует окончательное исцеление героя (XV, 591-608). Другим примером функционирования рассказа о первотворении может послужить эпизод приготовления пива на свадьбу – без рассказа о том, как пиво было сварено впервые, оно не может быть сварено теперь (XX, 131-424); а также рассказ Вьянемёйна о происхождении медведя во время «медвежьего праздника» – чтобы убитый зверь не рассердился (XLVI, 355-460).

спрашиваешь?» Кузнец спросил: «Что ты за человек, и откуда явился, и куда держишь путь?» Тот отвечал: «Явился я с Севера и долго оставался тут, в Норвегии, но теперь думаю податься в Свейскую державу. И долго плавал я на кораблях, а теперь нужно привыкать к коню» Кузнец спросил: «Где же ты собираешься быть к вечеру?» «На востоке, в Спармёрке», – отвечал тот. «Этого не может быть, – сказал кузнец, – ведь туда не доскачешь и за семь дней». Гость вскочил на коня. Кузнец спросил: «Кто же ты?» Тот ответил: «Слышал ты об Одине?» – «Слышал я, как его поминают.» – «Теперь ты можешь его узреть, – говорит гость. – И если ты не веришь тому, что я тебе сказал, смотри же теперь, как я перескачу на моем коне через ограду.» Он прищипорил коня, тот перелетел через ограду и не задел её, а колья в ней были вышиной в семь локтей. Большие кузнец его не видел» (перевод А. Я. Гуревича).⁵⁵

Один провоцирует события в «Саге о Волсунгах»:

«Сказывают так, что было разложено много костров вдоль палаты той; и вот стоит посреди палаты большая эта яблоня⁵⁶, о которой была речь. И тут говорится, что, когда расселись люди вечером вокруг костров, то человек некий вошел в палату. Тот человек был людям неведом с виду. Тот человек так был одет: плащ на нем заплатанный, ступни босые, а на ногах холстинные штаны. Тот человек в руке держал меч и шёл прямо к родовому стволу, а на голове у него шляпа; был он очень высок и стар и крив на один глаз. Он взмахнул мечом и так вонзил его в ствол, что меч тот вошел в дерево по рукоять. Все люди приветствовали того человека; тогда он заговорил и сказал;

– Тот, кто этот меч вытащит из ствола, получит его от меня в дар, и сам он в том убедится, что никогда не держал в руках лучшего меча.

Затем выходит этот старик вон из палаты, и никто не знает, кто он такой и куда идет. Тут повскакали они с мест и заспорили о том, кому взяться за меч; думали, что достанется он тому, кто первым до него доберется. Наконец знатнейшие подошли первыми, один за другим, но не было тут такого, кому бы удалось это дело, ибо меч не шелохнулся ни в какую сторону, сколько за него ни хватались. И вот подошел Сигмунд, сын Волсунга-конунга, схватил меч и вырвал его из ствола, точно он там лежал свободно, дожидаясь Сигмунда. Это оружие так всем было по душе, что никто, думалось им, не видал ему равного...»⁵⁷

⁵⁵ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства, – М.: «Искусство», 1990, С.101. см. также. Kongesoger. Sverre-soga, Baglarsoger, Oslo, 1962, pp. 253-254.

⁵⁶ Родовое дерево.

⁵⁷ «Сага о Волсунгах», III. в пер. Б. Ярхо/ Корни Иггдрасиля (Эдда. Скальды. Саги), сб. под ред. О.Смирницкой, –М.: «Тerra», 1997.

Вокруг меча между Сигмундом и Сиггейром-конунгом разгорается спор, Сиггейр предлагает обмен меча на его тройной вес в золоте, Сигмунд отказывается. Тогда, затаив обиду, Сиггейр нападает на Волсунга с ратью, убивает его, а детей, включая Сигмунда, берет в плен... и т.д.

В дальнейшем, по тексту саги, Один ещё несколько раз является «неузнанным»: в качестве перевозчика-лодочника,⁵⁸ который исчезает на глазах Сигмунда вместе с трупом отравленного Боргхилдой Синфьотли; он же подстраивает гибель Сигмунда, лишая его и своего подарка и Удачи.

«Вот Сигмунд-конунг трубит в свой рог, что остался ему от отца, и побуждает дружину. Было у Сигмунда дружины много меньше. Завязалась тут жестокая битва, и хоть был Сигмунд стар, а всё же сражался он люто и всё время был впереди своих. Не устоит перед ним ни щит, ни броня, а он весь день идет прямо на вражескую дружину, и никто не знает, чем кончится бой между ними. Много там летало дротов и стрел, и так помогали ему вещице его дысы, что не был он ранен, и неведомо, сколько людей пало от него, и были у него обе руки в крови по самые плечи. А когда продлился бой тот некое время, явился на поле том человек в нахлобученной шляпе и синем плаще; был он крив на один глаз, и в руке у него – копьё. Этот человек выступил навстречу Сигмунду-конунгу и замахнулся на него копьём. А когда Сигмунд-конунг ударил со всей силы, столкнулся меч с копьём тем и сломался пополам на две части. Тут Сигмунда-конунга покинули Удачи, и многие пали из его дружины...» На вопрос, можно ли его выводить, раненный Сигмунд отвечает: *«Меня же обнажили боги, так что не позволю я себя лечить, не хочет Один, чтоб мы обнажили меч, раз сам он его разбил; бился я в битвах, пока это было ему угодно».*

Люди, их жизни – игрушки в руках играца Одина.

Вот уже он помогает сыну Сигмунда – Сигурду добыть себе жеребца из породы самого Слейпнира:

«... пошел Сигурд в лес и встречает он старика с длинной бородой, и был он ему незнаком. Старик спросил, куда Сигурд идет. Тот ответил:

– Надо мне выбрать коня. Присоветуй мне. Тот молвил:

– Пойдем и погоним коней к реке той, что зовется Бусилтьорн.

Они стали гнать коней в глубокое место реки, а те поплыли обратню к берегу, кроме одного жеребца, и его то взял себе Сигурд. Тот жеребец был серой масти и молод годами, велик ростом и красив собой; никто ещё не садился к нему на спину. Бородатый человек молвил:

⁵⁸ Отметим, что ещё один бог искусств, финно-карельский Вьяйнёмейнен может выступать лодочником-перевозчиком: словом он управляет лодкой («Калевала», ХLII, 193-215), он дважды творит лодку заклинанием («Калевала», XVI, 101-114, L, 485), пением творит для лодки гребцов («Калевала», XXXIX, 275-290).

– *Этот жеребец происходит от Слейпни(ра), и тщательно надо его взрастить, чтобы стал он всех коней лучше.*

И тут человек исчез. Сигурд назвал коня Грани, и был тот конь превосходен: Один его выбрал».

И перекован заново тот злополучный меч в знаменитый Гарм, которым будет убит змей Фафнир и добыто проклятое карликом Андвари богатство. Золото, из-за которого уже немало погибло героев, из-за которого смерть ждет опять-таки и самого Сигурда, и его возлюбленную, непокорную валькирию Брюнхилд, и многих других – речь о будущем сокровище Нифлунгов (Нибелунгов).

К слову, Брюнхилд (Сигдрива) – это ещё одна кукла в руках *«хитрого Хрофты»*. Она некогда ослушалась Одина и была им погружена в сон посредством волшебного шипа. Один лишил её права побеждать в битвах, но по дьявольской иронии оставил вещий дар, так что валькирия провидит всю тщетность своего желания быть счастливой с любимым.

Сигурд на коне, выбранном тем же Одним, достиг места, где за языками пламени и стенами щитов лежала валькирия, и разбудил её, вспоров перекованным мечом Одина плотную броню на теле девы. Дав валькирии клятву жениться на ней, он нарушил свое слово, став мужем Гудрун.

После смерти Сигурда в результате подстрекательства той же Брюнхилд, она покончила с собой, взойдя на его погребальный костер. Сюжет этот богато представлен в ряде песен Старшей Эдды и сагах.

В самом конце «Саги о Волсунгах» вновь появляется Один – *«некий муж, высокий, могучий и кривой на один глаз»* – и отчески подсаживает слугам Йормунрека-конунга (Германариха), как убить неуязвимых для железа детей Гудрун – Хамди и Сорли:⁵⁹ *«Загоните их камнями в Хел(ь)».*

Одной рукой Один одаривает тех, кто чтит его, а другой – отбирает. Выдающийся скальд Эгиль Скаллаграмссон, живший примерно в 910-990 гг. так сообщает об непостоянстве Одина (называя его каждый раз иносказательно) в песне «Утрата сыновей» (22-24):

*«Жил я в ладах
С владыкой сечи,
Не знал заботы,
Забыл про беды.
Нарушил ныне
Нашу дружбу
Телег приятель,*

⁵⁹ Хамди и Сорли мстили по настоянию Гудрун Йормунреку за смерть своей сестры Сванхилд, отрубив ему руки и ноги.

*Судья побед.
Рад я не чтить
Брата Вили,
Главу богов
Отвергнуть гордо,
Но Мимира друг
Дал дар мне дивный,
Все несчастья
Возмещая.*

*Сей боевой
Ворог Волку
Дал мне речь
Безупречну
И взор ясный,
Чтоб явью вражьей
Легко бы стали
Ковы лукавых». ⁶⁰*

В испытании, которое Один устраивает людям, он проявляет и свое коварство, и черное злодейство, хотя при этом он остается справедливым – высшим и жестоким посмертным судьёй. Вспомнить хотя бы, как Один наказал за жестокость конунга Гейррёда, что пытал Одина-Гримнира между двух огней, а в конце концов был зарезан своим же собственным мечом и погиб без оружия в руке, самым неподходящим для викинга образом:

*«Конец я твой знаю
ныне же к Иггу,
клинком упокоен, пойдешь;
дисы в гнев;
ныне дерзнешь ли
на Одина глянуть, представ». ⁶¹*

Таким образом, Гейррёд должен отправиться в Хель. Было бы странно думать, чтобы Один принял Гейррёда, своего мучителя, который не прошел испытания, в небесную дружину.

Вот весьма характерное сказание о трикстерном поведении Одина, запечатленное Снорри в его Эдде, в «Языке поэзии», и ставившее даже маститых исследователей в тупик своей бессмысленностью: *«Один отправился в путь и пришёл на луг, где девять рабов косили сено. Он спрашивает, не хотят ли они, чтобы он заточил им косы. Те*

⁶⁰ Поэзия скальдов. В пер. С. В. Петрова. –Л.: «Наука», 1979, С.21.

⁶¹ «Речи Гримнира», 53 / Старшая Эдда. В пер. В.Тихомирова.

соглашаются. Тогда, вынужденный из-за пояса точило, он наточил косы. Косцы нашли, что косы стали косить много лучше, и захотели купить точило. Он сказал, что пусть тот, кто хочет купить точило, заплатит за него в меру. Это всем пришлось по душе, и каждый стал просить точило для себя. Один бросил точило в воздух, но, так как все хотели схватить его, вышло, что они полоснули друг друга косами по шее.»

На этом трикстерные проделки Одина не завершились. Пробуривав вход в пещеру великана Суттунга, где был сокрыт «мед поэзии», и проникнув туда в образе змея, он соблазнил великаншу-хранительницу, назвавшись при этом именем Бэльверк (Злодей) («Речи Высокого», 97-98)⁶²

*«Солнечную
Биллинга дочь
нашел я на ложе;
мне ярла власть
не была так желанна,
как светлая дева.*

*Вечером, Один,
приди, чтоб деву
к согласью склонить;
будет неладно,
если другие
про это проведуют».*

Спустя три дня злодей Один превратился в орла и спешно улетел, отягощенный поживой. Великан Суттунг догадался, что у него украли мед, тоже обратился орлом и бросился в погоню. «Как увидели асы, что летит Один, поставили они во дворе чашу, и Один, долетев до Асгарда, выплюнул мед в ту чашу. Но так как Суттунг уже настигал его, Один выпустил часть меда через задний проход. Этот мед не был собран, его брал всякий, кто хотел, и мы называем его «долей рифмоплетов» – рассказывает Снорри Стурлуссон.

II.5. Воплощение Дикой первобытной природы

Трикстер аморален, с точки зрения существующей этической системы культурного героя. Он стоит на грани мира человеческого общества и первобытного мира Дикой Природы, поэтому с точки зрения социального человека смешон, нерассудителен или бессознателен. Обладает зачастую

⁶² Старшая Эдда. В пер. А.Корсуна... Обратим внимание на то, что карелло-финский Вйнемейнен похищает Сампо сначала усыпив пением похьяланцев, а затем разбив пением скалу, где скрыто Сампо («Калевала», XXXXII, 65-106).

ярко выраженными чертами соблазнителя – гиперсексуала и обжоры. Склонен к перемене пола.

Локи, как Трикстер, проявляет животную прожорливость и успешно соревнуется в поедании пищи с Логи – духом пламени во время знаменитого похода с Тором к Утгарда-Локи, который описан подробно у Снорри Стурлуссона в «Младшей Эдде». *«Никто не съест своей доли быстрее меня,»* – говорит Локи.

Животная природа Локи проявляется и в его детях, это волк (vargr) Фенрир и Мидгардский змей. Конь Слейпнир рождён Локи, обернувшимся в кобылицу, от великанского жеребца. Принадлежность к хтоническим существам, по-видимому, вообще ассоциировалась в скандинавской мифологии со способностью менять пол и обличье.⁶³ Локи – родитель всех ведьм.

*«Найдя на костре
полусгоревшее
женщины сердце,
съел его Локи;
так Лофт зачал
от женщины злой;
отсюда пошли
все ведьмы на свете».*

(«Песнь о Хюндле»)⁶⁴

Как я уже показал, Один легко удовлетворяет свою любовную похоть в случае с похищением «меда поэзии», главным образом за счёт красноречия. У Саксона Грамматика в «Деяниях датчан» присутствует ещё рассказ о сватовстве бога Одина к Ринд.⁶⁵ По Саксону, Ринд – дочь короля рутениев.⁶⁶ Одина предсказано, что именно от Ринд родится мститель за Бальдра, и потому он желает овладеть девой. Он переодевается человеком и приходит

⁶³ Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов... С. 469.

⁶⁴ Старшая Эдда. В пер. А. Корсуна...

⁶⁵ От Ринд у Одина будет сын Вали, который отомстит за Бальдра, убив слепца Хеда, и останется жив после Рагнарека, пережив проглоченного Волком Одина. Не лучшим образом с женщинами ведут себя и Одиссей, и Илья Муромец. Можно предположить, что есть категория Трикстеров, для которых характерен мотив оставления беременной сыном женщины, узнавания сына через много лет, с последующим конфликтом. Сын такого Трикстера может либо мстить отцу, либо соревноваться с ним. Одиссей убит одним из брошенных им детей. Илья Муромец напротив, сам прибывает своего Сокольника, который уже сам не проходит испытание на честь и силу.

⁶⁶ То есть прибалтийских русов-славян.

ко двору рутениев, называется военачальником, выигрывает решающую битву и требует Ринд себе в награду. Но Ринд он совсем не нравится. Девушка толкает его так, что он сильно ударяется подбородком об пол, Один гневается и обрушивается на Ринд руническое заклятие, написанное на коре дерева. Ринд сходит с ума. Тогда Один переодевается⁶⁷ женщиной-знахаркой, предписывает Ринд горькое лекарство и, чтобы девушка не вырывалась, советует привязать её к кровати. Его совет исполняют, и тогда он овладевает беспомощной Ринд силой. Прочие боги гневаются на Одина за столь неблагоприятный поступок и даже на время изгоняют его.⁶⁸

У Меркурия, с которым Одина отождествляли, позорно похотливая природа, и он – отец Пана, бога Дикой Природы. (*Цицерон. О природе богов* (56)). Тут, следуя античным и средневековым параллелям надо вспомнить, что и греческий Гермес – отец Пана, то есть породитель Дикой природы (*Аполлодор. Эпитома. VII.38*). Хотя сам Гермес-олимпиец превосходит всех богов благодетельностью, но от юноши Гермеса у нимфы Дриопы рождается Пан, сразу бородатый, с рогами и козлиными ногами и «чудище с виду» (*Гомер. XIX. К Пану, 1*). Нимфа бросила сына в ужасе, Гермес «очень душой веселился, глядя на милого сына», а потом понес сына на Олимп и, «покатились со смеху боги».

Гермес – владелец мира зверей, а, значит, и Меркурий, и сам Один стоят также вплотную к животному миру. Один, хоть и не рогат, но потомок Мировой Первокоровы.⁶⁹ Впрочем, Одина ассоциировали уже после эпохи викингов с рогатым Королем Леса, предводителем Дикой Охоты.

*«Огненноокие львы, белоклыкие вепри, собаки,
Овцы, сколько бы их на земле ни кормилось широкой, –
Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса!»⁷⁰*

⁶⁷ Мотив переодевания женщиной присутствует во многих рассказах с участием того или иного Трикстера. Это указание на магию, связанную с переходом в сознание человека противоположного пола. Это указание на сейд. Трикстер либо сам преобразуется (Один), либо переодевает других (Локи переодевает Тора в невесту великана, чтобы тот вернул молот и отомстил йотунам). Насреддин у Соловьева переодевается и сам, а также переодевает звездочета Гусейна Гуслею, чтобы посмеяться над правителем Бухары).

⁶⁸ Скандинавская мифология: Энциклопедия. –М.: Изд-во «Эксмо»; СПб.: «Мидгард», 2004. С.127.

⁶⁹ Младшая Эдда рассказывает, как Мировая Корова Аудумла лизала камни, и из них возник человек Бури (родитель), его сын Бор (рожденный) взял в жены Бестлу, дочь великана Бельторна. И она родила троих сыновей: одного звали Один...

⁷⁰ *Гомер. III. К Гермесу, 569-571.*

Власть над животным миром, а также черты его как оборотня и животная гиперсексуальность указывают на архаичность бога Гермеса, как и славянского Велеса.⁷¹

Владея шаманскими техниками и магией сейда, Один «на острове Самсей бил в барабан, среди людей колдовал, как делают ведьмы» – обвиняет Локи верховного аса, прибавляя: «ты – муж женовидный». Впрочем, это лишь его ответ на примечание Одина, что Локи «под землей сидел восемь зим, доил там коров, рожал там детей, ты – муж женовидный».⁷²

Обвинения стоят друг друга, насколько они оскорбительны, можно судить по реакции героя одной из исландских прядей, новообращённого христианина Торвальда Кодранссона, когда против него и епископа-крестителя язычники сочинили нид:

*«Родил детей епископ девять,
всем им Торвальд отец».*

Торвальд убил двух сочинителей. На вопрос епископа, за что, последовал ответ: «Так как они сказали, что мы имели детей вместе...»⁷³

Когда Хеймдалль (по другой версии Локи) советует Тору переодеться женщиной, чтобы выручить свой молот у великанов, громовержец возражает:

*«Меня назовут
женовидным асы,
если наряд я
брачный одену».*

(«Песне о Трюме», 17)

В нордической Традиции известны две взаимоисключающие формы древней магической практики: *galdr* (гальд) и *seidr* (сейд). И Один единственный из богов владеет обеими.

Тут надо отметить, что и шиваистская тантрическая магия подразумевает «дакшиначару» (тантру правой руки) и «вамачару» (тантру левой руки). Вероятно, это отражение представления о единении Рудры и Шакти-Дэви.

⁷¹ Образ Велеса подробно рассмотрен нами ранее: *Гаврилов Д.А., Наговицын А.Е.* Боги славян. Язычество. Традиция. –М.: Рефл-Бук, 2002. – 464 с.

⁷² «Перебранка Локи», 23-24. В пер. А. Корсуна.

⁷³ со ссылкой на «Прядь о Торвальде Бывалом» и «Сагу о крещении» (XIII-XIV вв.) *Гуревич Е. А., Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов... С. 468.

«Гальд – это магия заговоров, смесь поэзии и чародейства. Люди – во всяком случае, в период язычества – терпимо относились к практикующим гальд, чего нельзя сказать о сейде, который являлся практикой одновременно и вторичной, и вызывающей неприятие многих. Действительно, сейду свойственна некая «аура» антисоциальности и порочности, чему можно предложить множество объяснений. Занятие сейдом ввергало того, кто его практиковал, в состояние временной слабости, что делало этот вид магии неприемлемым для воинов; и действительно, заниматься сейдом было предоставлено женщинам. Позднее, с течением времени и соответственно обычаям, сформировалось мнение, согласно которому практика сейда стала считаться недостойной мужей... Сейд во многих отношениях сходен с шаманизмом, поскольку и тот, и другой подразумевают вхождение в состояние транса. С точки зрения воина, транс – состояние, малопригодное для мужчины, ибо делает его беззащитным перед лицом агрессии. Пророческие сновидения – дело другое: даже воины время от времени должны спать. Однако подвергать себя опасности ради занятий магией? Это должно было казаться воинам совершенно неприемлемым,» – пишет Фрея Асвинн. Перечень описанных Тацитом племен охватывает пространство от фризов до данов, т.е. включает в себя предков народов, практиковавших сейд. Женщины этих народов, как их описывает Тацит, были замечательными волшебницами и обладали великим могуществом:

«8. ...Германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями»⁷⁴.

Им, несомненно, был известен некий чисто женский способ окрашивания рун, пред которым бледнеют мужские. «Раз в месяц, в течение почти недели, в соответствии с естественным циклом из тела женщины выделяется кровь. Это явление, несвойственное мужчинам, чаще ошибочно рассматривается как стигмат нечистоты, чем как обновление природой собственного потенциала. И, тем не менее, женские регулы почти повсеместно расцениваются как источник огромной магической силы. Большинство мужчин впадают в растерянность при столкновении с этим совершенно естественным феноменом. То, что о регулах можно забыть, когда их нет, что их можно эффективно сдерживать, когда они приходят, – это недоступно пониманию среднего мужского рассудка. То, что это явление обретает магический смысл, якобы делает его в чистом виде порочным, привнося отенок непристойности и сексуальности в восприятие его мужчиной»⁷⁵.

⁷⁴ О происхождении германцев, 8/ *Корнелий Тацит*. Собрание сочинений...

⁷⁵ *F.Aswinn*. La magie du Seidr//IRMIN, №4, 1995.

До нашего времени сохранилось выражение «кричать, как сейдовская баба» – речь идет о ведьмах, которые якобы в Вальпургиеву ночь (1 мая) слетались на Лысую гору. Вот как эти сведения перекликаются с «Сагой об Инглингах» из уже упомянутого «Круга Земного»: *«VII. ...Один владел и тем искусством, которое всего могущественнее. Оно называется колдовство. С его помощью он мог узнавать судьбы людей и ещё не случившееся, а также причинять людям болезнь, несчастье или смерть, а также отнимать у людей ум или силу и передавать их другим. Мужам считалось зазорным заниматься этим колдовством, так что ему обучались жрицы. Одину было известно о всех кладах, спрятанных в земле, и он знал заклинания, от которых открывались земля, скалы, камни и курганы, и он словом отнимал силу у тех, кто в них жил, входил и брал, что хотел».*

II.6. Оборотень, трюкач, игрок

Трикстер – оборотень, перевертыш, игрок, и для него не существует привычного понятия о жизни и смерти, потому что игра каждый раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена. Трикстер не всегда выходит победителем из затеянной игры, и может попасть впросак, оказаться жертвой собственной хитрости.

Один многолик, вот только некоторые из его бесчисленных имен. Меняя имя, меняешь образ свой, словно примеряешь карнавальную маску, поворачиваясь к действительности каждый раз загримированной личиной.

*«Я – Грим-личина
и Ганглери-странник,
Вождь – мне имя, тож Шлемоносец,
Друг и Сутуга,
Третий и Захват,
Высокий и Слепо-Хель,*

*Истый, Изменный,
Исторгатель,
Радость Рати и Рознь,
Тож Одноглазый, тож Огнеглазый,
Злыдень и Разный,
Личина и Лик,
Морок и Блазнь,*

*Секиробородый, Даятель Побед,
Широкопый, Смутьян,
Всебог и Навь-бог,*

*Всадник и Тяжбог, –
вовек не ходил я
среди человеков,
своих не меняя имен.*

*Ныне у Гейррёда
я – Гримнир-личина;
я же у Эсмунда был
Мерин, впрягшийся
в сани, Кормилец;
я на тинге – Цветущий
я же в битве – Губитель;
Ярый, Равный,
Вышний. Брадатый,
Посох и Щит для богов.»⁷⁶*

Так или иначе, Один был сравнительно легко схвачен Гейррёдом и восемь дней провел в пытках среди двух костров, пока на девятый его не освободил, дав напиться и вернув тем самым жизненную силу, сын жестокого конунга Гейррёда. Но если здесь Один вполне сознательно шёл на испытание, в другом случае он остался в проигрыше из-за своей любви к путешествиям – жена Фригг изменяла мужу Одину с его братьями, пока супруг скитался:

*«[Локи сказал:]
Молчи-ка ты, Фригг!
Ибо Фьегюна дочь,
как раз ты блудить горазда:
Вили и Ве,
хоть Видрир – твой муж,
с тобою любились оба.»⁷⁷*

Если асов почитать, как светлых богов, то Локи конечно же чернец среди них, он Лофт – «сеятель раздоров». У Локи, согласно Младшей Эдде, есть такие устоявшиеся среди современников эпитеты (кеннинги): зовут его «родичем и дядей, веселым попутчиком и сотрапезником Одина и асов», «вором великанов», «похитителем козла, ожерелья Брисингов и яблок Идунн», «недругом богов», «коварным асом», «наветчиком и обманщиком богов». Ещё у Локи есть эпитет «виновник распрей». Для забавы он летал в соколином оперении и, понадеявшись на собственную неуловимость, был пойман великанами, но, попав впросак, он пообещал привести к ним самого

⁷⁶ «Речи Гримнира», 46-49 / Старшая Эдда. В пер. В. Тихомирова.

⁷⁷ «Перебранка Локи» / Старшая Эдда. В пер. В. Тихомирова.

Тора без молота и волшебного пояса Силы. Обещание Локи сдержал наполовину. Тора привел во всеоружии, и великаны расплатились жизнями.⁷⁸

Попался Локи и ещё раз, прилепившись к волшебной палке, которую нес великан в образе орла. За освобождение Локи расплатился тем, что выманил из Асгарда богиню Идунн с волшебными молодильными яблоками, впрочем, словно опытный шахматист переворачивающий доску и играющий уже другим «цветом», он вернул асам пропажу.

Проиграв свою буйну голову в споре карлику, изготовившему молот Тора, Локи сперва предложил за неё выкуп. Получив отрицательный ответ, он надел башмаки, «в которых он мог бежать по водам и воздуху» и бросился наутек. Когда же Тор поймал хитреца, тот остроумно заявил, что шея карлику не принадлежит, стало быть и отрубить голову нельзя. Когда карлик сшил ему в отместку губы ремешком, Локи вырвал его вместе с мясом.⁷⁹

Нахамив асам в знаменитой «Перебранке Локи», хитрец превратился в лосося и прыгнул в воду, но был пойман не без помощи рыболовной сети, которую сам же и изобрел накануне.

Скованный Локи пребывает под землёй в наказание за свои выходки. На лицо Локи капает яд из пасти змеи, и его судорожные движения вызывают землетрясения. Один пирует со своими асами в светлом Асгарде.

Но вырвется Локи на волю, и сын его – волк Фенрир проглотит Одина в дни Рагнарёка.

II.7. Мудрец и юнец

Трикстер выступает, как Старый Мудрец с одной стороны и как юнец – с другой, в зависимости от того, каков находящийся рядом с ним культурный герой, чьё чувство значимости Трикстер умалает.

Выше мы с вами застали Одина в образе умудренного старца или могучего мужа, и при поверхностном взгляде верховный ас никак не может походить на пронырливого паренька Меркурия или Гермеса, насмехающегося над светлыми богами.

Если обратиться к «Песне о Харбарде», то обнаружим, что как раз здесь обернувшийся недорослем перевозчик-Один морочит голову собственному сыну – могущественному Тору. Быть может, эта мифологема относится ещё к тому периоду, когда туземный культ Громовника Тора ещё не уступил первенство сравнительно новому культу пришлого Мага Одина.

Тор возвращался с востока и подошел к какому-то проливу. По ту сторону пролива был перевозчик с лодкой. Тор окликнул его:

⁷⁸ Язык поэзии / Младшая Эдда. –М.: НИЦ «Ладомир», 1994. С. 113, С.120.

⁷⁹ там же, СС. 129-130.

1-2». *Эй, парень-парнице,
на том бережище чего стоишь?»*

А тот ответил:

*«Эй, стар-старичище,
Чего через водищу орёшь?»*

Таким образом, Тор в комичной этой ситуации представляется рядом с Харбардом-Одином стариком (несмотря на то, что в переводе это имя Одина и означает – Длиннобородый). В переводе Н. Корсуна, то, что В.Тихомиров интерпретирует как «человечишко», звучит «сопляком»:

Тор сказал:
*«Неохота мне вброд
брести по заливу
и ношу мочить;
не то проучил бы
тебя, сопляка,
за брань и насмешки,
на берег выйдя!»⁸⁰*

После некоторых препирательств мнимый перевозчик говорит Тору, чтобы тот назвал свое имя, потому как ему приказано держать переправу: воров, конокрадов не возить, а возить лишь людей хороших и известных самому перевозчику, между тем Тор не производит на него впечатление без обувки, без одежды и порток. Тор уточняет, что он сын Одина, кто его сын и брат. В переводе у В. Тихомирова: *«А сам я сильнейший – бог Тор перед тобой!»*. В переводе у А. Корсуна и вовсе: *«Ты с владыкой богов беседуешь – с Тором!»*(«Песнь о Харбарде»,8).

Затем происходит обычная перебранка. Тор клятвенно обещает пересчитать обидчику кости, тот не лезет за словом в карман, и обещает дожидаться Тора на своем берегу. Тор рассказывает, как он победил великана за великанищем («Песнь о Харбарде», 15, 19, 23, 29). А Харбард хвалится, как он любил с девицами, и что это гораздо лучше, чем биться с мужами. причём, спал он, как оказалось, сразу с семью родными сестрами. Харбард вспоминает, что соблазнял ночных наездниц, то есть валькирий, и жен уводил у мужей («Песнь о Харбарде», 16-18, 20, 30).

Кстати, Трикстер финно-карельского фольклора – шаман Лемминкяйнен – также получает совет от матери, отправиться «остров женщин», что он и делает, соблазняя сотни девушек за одну ночь.

³⁶⁰ *С сотней переспал девиц,*

⁸⁰ «Песне о Харбарде», 13.

Тысячу познал невест он
 В летнюю одну лишь ночь,
 За осенний день короткий.
 «О, несчастный я на свете,
³⁶⁵ Горемычный я бедняга!
 Уж и солнце встать успело,
 Милое взошло светило,
 Не со всеми я обнялся,
 Переспал не с каждой девой».
³⁷⁰ Он столкнул корабль на воду,
 Укрепил на мачте парус,
 На корме затем уселся,
 Взял он медное кормило,
 Взял правило золотое.
³⁷⁵ Слезы льют островитянки,
 Льют, пока им виден парус,
 Лодка – на морском просторе:
 «Не о парусе я плачу,
 Не уключины жалею,
 Я о том грущу, кто в лодке,
 Кто веслом под мачтой правит»⁸¹.

Но вернемся к Одину.

24. Харбард сказал.
 Ходил я в Валланд,
 затеял смуту
 рати травливал,
 да не мирил:
 к Одину навшие
 или воители,
 а к Тору – одни рабы».⁸²

26. Харбард сказал:
 У Тора сил вдоволь,
 да смелости мало;
 со страху ты раз
 залез в рукавицу,
 забыв, кто ты есть;
 от страха чихать

⁸¹ Пир в Пяйвеле. Посещение дев острова/ Рода нашего напевы. Избранные песни рунопевческого рода Пертгуненов. Петрозаводск: «Карелия», 1985, С.140.

⁸² Пер. В. Тихомирова.

*и греметь ты не смел,-
не услышал бы Фьялар».*⁸³

Тор утверждает, что дрался с женами берсеркеров, которые наводили на людей порчу, а Харбард отвечает, что не велика честь драться с женщинами. На вопрос Тора, кто научил его таким срамным и глумливым словам, Харбард отвечает, что люди из могильных курганов. Ярость Тора уже плещет через край, когда мнимый перевозчик сообщает богу, что его жена Сив сейчас гуляет с любовником, пока он тут на переправе застрял. Громовержец негодует – Харбард его задержал, на что собеседник ехидно замечает, мол *«подумать только, великому Тору простой перевозчик помеха»*. И когда Тор, сообразив, что над ним издеваются, обещает припомнить Харбарду переправу, тот лишь усмехается в ответ: *«А ешь тебя тролли!»*

Хотя перевод В. Тихомирова восьмой строфы «Песни о Харбарде» представляется мне верным по контексту. Ведь коли Тор утверждает, что он Одинов сын, то никак не может быть одновременно владыкой богов, а является лишь сильнейшим из них. Надо отметить, что Тор некогда занимал вершину древнегерманского пантеона, и даже к концу тысячелетия в некоторых областях Скандинавии его культ был в большем почете у бондов, чем культ прочих богов. Не случайно Адам Бременский в своем описании Скандинавии, составленном около 1070 г., рассказывает о храме в Уппсале так: *«В этом храме, который весь разукрашен золотом, народ поклоняется статуям трех богов. Самый могущественный из них, Тор (Донар), сидит на своем престоле посредине храма. Водан и Фрикко сидят по ту и другую сторону от него. Отличительные черты каждого из них: Тор, как говорят, владычествует в воздухе и правит громом и молнией, ветром и дождем, хорошей погодой и урожаем. Другой, Водан, что значит «ярость», правит войнами и вселяет в людей храбрость перед лицом врагов. Третий, Фрикко, дарует смертным мир и сладострастие. Его идол снабжен поэтому громадным детородным членом. Водана же изображают они в доспехах, как мы – Марса, а Тор со своим скипетром кажется похожим на Юпитера...»*⁸⁴

Этим ритуальным скипетром-молотом Тор освящает погребальный костер Бальдра, хотя, казалось бы, жреческую церемонию должен проводить «местный шаман» Один. Тор совершает и своеобразное жертвоприношение, пихнув в костер пробегавшего мимо карлика.

Исследователь традиционной культуры Сергей Пивоваров (Святич) обратил наше внимание ещё на несколько фактов, которые могут

⁸³ Пер. А. Корсуна.

⁸⁴ Magistri Adam Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Ed. V. Schmeidler, 3. Aufl., Hannover, 1917, S. 257-260.

свидетельствовать в пользу временного главенства Тора, у которого затем пришелец Один отобрал ряд функций. Для этого придется снова обратиться к двум произведениям Снорри Стурлуссона.

В Прологе «Младшей Эдды» этот автор, следуя средневековой моде, возводит асов к легендарным троянцам, при этом утверждается, что вождь Один – далекий потомок Тора: *«В северной части света он (Тор) повстречал прорицательницу по имени Сибилла – а мы зовём её Сив – и женился на ней. Никто не ведает, откуда Сив родом. Она была прекраснейшей из женщин, волосы у неё были подобны золоту. Сына их звали Лориди, он походил на своего отца. У него был сын Эйфриди, а у него – Вингетор, у Вингетора – Вингенер, у Вингенера – Моди, у Моди – Маги, у Маги – Сескев, у Сескева – Бедвиг, у Бедвига – Атри, а мы зовём его Аннан, у Атри – Итриманн, у Итриманна – Херемод, у Херемода – Скьяльдун, а мы зовём его Скьяльд, у Скьяльдуна – Бьяв, а мы зовём его Бьяр, у Бьява – Ят, у Ята – Гудольв, у Гудольва – Финн, у Финна – Фридлав, а мы зовём его Фридлейв, а у того был сын Водан, а мы зовём его **Один**».*

Немаловажно, по мнению С. Пивоварова, и то, что Один описывается как пришлый в Скандинавию вождь. В «Саге об Инглингах» Снорри уточняет: *«V. ... В те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений. Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дни и много другого народа...»*

В рассказе о приходе в Скандинавию диев с Одином не упомянут ни один из богов-асов скандинавского пантеона – ни Тор, ни Браги, ни Тюр, ни Хеймдайль, ни другие – на основании этого наш коллега С. Пивоваров делает вывод, что пришельцем был лишь Один и ваны, упоминающиеся с ним.

Прочие же боги – типа перечисленных – почитались ещё до него, а Один вошёл в пантеон позднее, хотя и достаточно давно – ведь Тацит уже в первом веке говорит об особом почитании Меркурия материковыми германцами. Значит, приход культа Одина на север Европы следует отнести ещё ко временам до Рождества Христова. О древности культа Тора свидетельствует, по нашему мнению, и тот факт, что Громовержец передвигается в пространстве на колеснице, подобно ариям, тогда как Один – уже на коне.

«Как такое произошло?» – задается вопросом С. Пивоваров. Скорее всего, он – Один – почитался какими-то пришельцами, которые, вторгнувшись на земли германцев, составили у них значительную часть аристократии. На сам факт существования этих пришельцев указывает миф

о приходе асов. Асы, точнее aesir – это, конечно же, боги. Но в то же время многочисленность спутников Одина явно указывает на переосмысление древнего мифа. Любопытно, что для обозначения спутников Одина Снорри использует термин *diar* – слово, переводящееся как «боги», однокоренное латинскому *dio*, эллинскому *theos*, индийскому *deva*: «*VI. Рассказывают как правду, что когда Один и с ним дии (diar) пришли в Северные Страны, они стали обучать людей тем искусствам, которыми люди с тех пор владеют...*»

Гипотеза С. Пивоварова нуждается в уточнении. Диями Снорри называет лишь жрецов народа асов, причём до исхода на север, в Скандинавию. То есть, некие выдающиеся люди, будучи асами, в то же время и дии: «*II ...Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одином. Там было большое капище. По древнему обычаю в нем было двенадцать верховных жрецов. Они должны были совершать жертвоприношения и судить народ. Они назывались дьями, или владыками. Все люди должны были им служить и их почитать. Один был великий воин, и много странствовал, и завладел многими державами...*».

Такое смешение характерно для времен ещё до религиозной реформы Заратустры, разделившей окончательно арийских асуров-асов и дэвов-дивов-диев. причём дэвы в древнеиранской мифологии и авестийской традиции стали зловредными существами, тогда как в «Ригведе» одни и те же боги выступают и асурами, и дэвами. Это и Варуна, и Митра, и Агни, и Савитар.

III. I. «К Агни»:

4. Отец жертв, асура прозорливцев,

Агни - мера и веха жрецов.

Он вошел в оба многообразных мира.

Горячо любимый поэт восхваляется за (свои) свойства

III, 56. «Ко Всем-Богам»:

7. Трижды в день Савитар мощно пробуждает.

Два царя Митра-Варуна прекраснорукие,

Сами воды, сами две широкие половины мироздания

Просят о сокровище этого Савитара, чтоб (он его) пробудил.

8. Трижды (поделены) высшие труднодоступные светлые пространства.

Царствуют три мужа Асуры.

Преданные закону, деятельные боги,

*Которых трудно провести, пусть будут трижды в день на месте
жертвенных раздач!*

I, 24. «Я Агни, Савитару и Варуне»:

*14. Мы смягчаем твой гнев, о Варуна,
Поклонениями, жертвами, возлияниями.
О власть имеющий Асура-провидец,
О царь, сними с нас содеянные грехи!*

I,35. «К Савитару»:

*6. (Есть) три неба. Два (из них) - лоно Савитара.
Одно, с мужами-победителями, - в мире Ямы.
Всё бессмертное покоится на нем, как колесо - на чеке.
Кто это постиг, пусть здесь провозгласит!
7. Орел озирает воздушные пространства,
Глубоко вдохновенный Асура, добрый вождь.
Где теперь солнце? Кто (это) постиг?
К какому небу протянулся его луч?*

...

*9. Златорукий Савитар, повелитель людского рода,
Странствует между обоими: между небом и землей.
Он гонит прочь болезнь, приводит в движение солнце.
Он спешит на небо через черное пространство.
10 Златорукий Асура, добрый вождь,
Милосердный, прекрасно помогающий, пусть придет сюда!
Прогоняя прочь ракишасов (и) колдунов,
Каждый вечер стоит бог, воспеваемый.*

Индра также называется асурой, равно как и Маруты:

I,54. «К Индре»:

*2. Пой могучему, могущественному, полному могущества!
Возвеличивая, славь прислушивающегося Индру,
Который дерзкой силой покоряет оба мира,
Мужественный бык - (своей) мужественной природой.
3. Пропой небу высокому ликующее слово -
Ведь у него, отважного, отважный дух самовластен.
Асура с высокой славой, ревностно созданный,
(Встал) впереди двух буланых коней: ведь бык этот - колесница.*

I,64. «К Марутам»:

*2. Они родились как высокие быки неба,
Юные мужи Рудры, Асуры беспорочные,
Очищающие, ясные, словно солнца,*

Как воины, несущие знамена страшного вида.

Так, не эти ли, упомянутые, религиозные реформы или подобные им заставили диев-асов покинуть прежние земли и совершить беспрецедентный переход из Азии на Север Европы?

Один делает диями (диями) и пришлых ванов: *«Один сделал Ньёрда и Фрейра жрецами, и они были диями у Асов. Фрейя была дочерью Ньёрда. Она была жрица. Она первая научила Асов колдовать, как было принято у Ванов».*

Есть и ещё один темный эпизод – косвенное свидетельство того, что именно ваны напали на асов, а не наоборот, и Один, спровоцировав очередную брань, предводительствовал не асами, а ванами:

*«В войско метнул
Один копьё
Это тоже свершилось
В дни первой войны;
рухнули стены
крепости асов,
ваны в битве
врагов побеждали»⁸⁵*

Именно победившие ваны – Ньёрд, Фрейр и Фрейя, а не Тор, унаследовали престол Одина («Сага об Инглингах», IX-X). Вероятно, Тор – это бог туземцев, жителей Скандинавии, а Один в ряде случаев – пришелец, молодой и наглый Трикстер, который ниспровергает могущественного Громовержца. Один занимает место Тора в древнегерманском пантеоне, переиграв его. В свою очередь и на асов с ванами на новом этапе истории и мифологии находится свой Трикстер – это пришелец Локи из рода йотунов, шут, шкодник в ботинках-скороходах, на фоне гениального старца-Одина и могущественного мужа-Тора.

Таким образом, **Трикстер – это воплощение Силы, которая действует инициатором и катализатором общественных процессов в переходные моменты истории общества, при смене социально-культурных отношений.**

ЧАСТЬ III. ТРИКСТЕР В ФОЛЬКЛОРНЫХ СЮЖЕТАХ ЕВРОПЫ И АЗИИ

В первой части этой книги был подробно рассмотрен архетип «Трикстер» с опорой на работы предшественников. Во второй части на

⁸⁵ «Прорицание вельвы», 24. В пер. А.Корсуна.

примере мифологических образов двух эддических богов мною были представлены следующие основные признаки архетипа Трикстер.⁸⁶

1. Трикстер появляется для нарушения сложившихся устоев и традиций, он привносит элемент хаоса в существующий порядок, способствует деидеализации, превращению мира идеального в реальный.

2. Трикстер – это неподконтрольная никому фундаментальная Сила, результат действия которой непредсказуем, даже для самого Трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социально-культурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча.

3. Трикстер традиционно выступает посредником между мирами и социальными группами, способствует обмену между ними культурными ценностями и переводу информации из области непознанного (Мир Иной, Навь) в область познаваемого (Белый Свет, Явь). Он делает неявное явным, вторгаясь в область неизведанного первым.

4. Трикстер – господин многих искусств, мастер на все руки, иногда спутник культурного героя или сам культурный герой, его проводник, или его тень, тот, кто проверяет претензии героя на Силу и Власть. Трикстер – добытчик знаний через нарушение социального или космогонического запрета, инициатор мифологического действия.

5. Трикстер аморален, с точки зрения существующей этической системы культурного героя. Он стоит на грани мира человеческого общества и первобытного мира Дикой Природы, поэтому с точки зрения социального человека смешон, нерассудителен или бессознателен. Обладает зачастую ярко выраженными чертами соблазнителя – гиперсексуала и обжоры. Склонен к перемене пола.

6. Трикстер – оборотень, перевертыш, игрок, мастер иллюзии, и для него не существует привычного понятия о жизни и смерти, потому что игра каждый раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена.⁸⁷

⁸⁶ См. также: *Гаврилов Д.* О функциональной роли Трикстера. Локи и Один как эддические трикстеры// Вестник Традиционной Культуры: статьи и документы. Вып. №3/ под ред. докт. филос. наук Наговицына А.Е., М., 2005. –192 с., СС.33-59; *Гаврилов Д.А.* Трикстер в период социо-культурных преобразований: Диоген, Уленшпигель, Насреддин // Experimentum-2005. Сборник научных статей философского ф-та МГУ / Под ред. Е.Н. Моцелкова. –М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2006. –192 с. СС. 166-178; *Гаврилов Д.А.* К определению трикстера и его значимости в социо-культурной реальности // Первая Всероссийская научная конференция "Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы", 15 мая 2006 г. [материалы]. –Омск: СИБИТ, ИПЭК, СРШБ (колледж), 2006. –409 с. СС. 359-368.

⁸⁷ *Д. Гаврилов.* От ритуалов – к игре и обратно// «Мифы и магия индоевропейцев», альм. вып. 6, –М.: Менеджер, 1997. СС. 67-73.

Трикстер не всегда выходит победителем из затейной игры, и может попасть впросак, оказаться жертвой собственной хитрости.

7. Трикстер выступает, как Старый Мудрец с одной стороны и как юнец – с другой, в зависимости от того, каков находящийся рядом с ним культурный герой, чьё чувство значимости Трикстер умаляет.

В данной части нашей книги будут рассмотрены в основном три традиционных персонажа бродячих историй и басен, имеющих хождение с античных и средневековых времен по сей день. Для удобства изложения оно разбито на три блока по имени главных героев этих бродячих сюжетов, которых, как будет доказано, также можно с полным правом считать Трикстерами. Кроме того, я упомяну и ряд других, как вполне историчных, так и выдуманных «лицедеев», чьи создатели бессознательно примерили на них архетип Трикстера.

Впрочем, это Трикстеры совсем иного этапа социально-культурного развития, чем рассмотренные ранее Локи и Один. Так, мы не найдём у них признаков Мировой космогонической силы хотя бы уже потому, что Творение на уровне демиургов завершено, однако, на уровне социума и государства оно продолжается. Социально-культурное действие Трикстеров этого типа заключается в подготовке общественного мнения для будущих преобразований, поэтому не случайно наибольшее распространение в разной форме историй о шутах относится к переходным моментам истории. За примерами далеко идти не стоит: так возрождение векового театра Петрушки в России происходит перед Русско-японской войной и Октябрьской революцией, соответственно; кукольный театр Пульчинелло расцветает в период усиления экспансии Австрийской империи в Италии; предчувствие Мировых войн подталкивает Ярослава Гашека на создание бравого солдата Швейка; Бомарше буквально накануне Великой Французской революции пишет и ставит «Сивильского цирюльника» и «Женитьбу Фигаро»... и т.д.

III.1. Диоген Синопский и киники

Кинизм возник, как течение в конце пятого, начале четвертого века до н.э. накануне греко-македонских войн и подчинения Греции Македонии, становления империи Александра Великого и его эпигонов.

Учёные считают, что кинизм⁸⁸ – это философия, «стихийно вобравшая в себя и отразившая протест социальных низов (нофы, метэки, изгнанники, вольноотпущенники, рабы, свободная трудящаяся беднота, неимущая интеллигенция, женщины) в эпоху кризиса античного полиса.» Живучесть кинизма объясняют тем, что его социальная база постоянно росла по мере

⁸⁸ Отсюда в русском языке и «циннизм».

разорения среднего и мелкого собственника. Для кинизма характерно полное неприятие рабовладельческого строя, всех его институтов, его законов, норм, стереотипов, морали, идеологии.⁸⁹ И такое представление о кинике сближает его с пониманием архетипа Трикстера **по признаку №1** (см. выше).

Одним из первых киников считают Антисфена Афинского (445-360 г. до н.э.). Сын свободного афинянина и фракийской рабыни, он по солоновским законам считался неполноправным и незаконорожденным (нофом). Уже в зрелом возрасте он стал учеником Сократа, и после смерти учителя основал собственную школу. Плохая сохранность сочинений Антисфена объясняется их изначально экстремистским содержанием, тексты, подрывающие основы, попросту уничтожались. Антисфен первым сделал внешними признаками ученика своей школы: «будничный облик человека физического труда, раба и бедняка, – короткий рабочий плащ, надеваемый на тело, нищенская котомка и посох странника, изгоя и бродяги. Чтобы быть ближе к природе, киники не брились, не стриглись, ходили босиком.»

Гораздо больше прославился и стал ещё при жизни героем многих сотен анекдотов и историй ученик Антисфена – Диоген Синопский. Впоследствии имя этого философа стало нарицательным в обучающих историях киников и стоиков, то есть много из того, что о нем рассказывали уже после смерти и много столетий подряд вовсе не обязательно происходило с историческим Диогеном из Синопы (колонии Милета на южном берегу Черного моря). Образ персонажа менялся, отражая изменения в обществе, разошелся на поучительные басни и анекдоты, как, например те же образы Насреддина на Востоке или Уленшпигеля в Средневековой Европе.

Вероятно, расцвет кинизма следует отнести к переходному периоду от античных городов-полисов с разнообразной формой правления к временам империй Александра Македонского и его наследников. Сюжет коротких, но поучительных историй о киниках связан с противоречиями в результате ещё большего расслоения греческого общества и росту числа рабов за счёт порабощения свободных граждан.

Тетка Диогена Синопского, Диоген Лаэртский, в книге IV своего собрания историй⁹⁰ о жизни разных великих философов повествует о кинике, ссылаясь на доступные ему античные источники, которые к нашему

⁸⁹ *Нахов И. М.* Очерк истории кинической философии/ Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. –М.: Наука. 1996. С.5.

⁹⁰ *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов/ Ред. тома А.Ф.Лосев; перевод М. Л. Гаспарова. –М.: Мысль. 1986 – 571 с. – (Философское наследие). Далее в круглых скобках указаны номера фрагментов соответственно шестой главы, повествующей о киниках.

времени большей частью не сохранились, но были хорошо известны ещё где-то на заре новой эры.

Появление Диогена в Греции связывают с тем, что он был якобы изгнан из Синопы за изготовление фальшивых монет (20, 56), этим он, само собой нарушил каноны того торгового общества, к которому принадлежал по происхождению. Также рассказывают, что он занимался перечекалкой монет, и даже отправился в Дельфы, чтобы испросить, как ему прославиться, и, получив ответ «ραγαθαγαχον το νομισμα», он его истолковал сначала буквально, с ещё большим усердием перечекавая монеты (νομισμα), а потом в переносном смысле, ведь νομισμα – это «закон», «обычай», «установления».⁹¹ Он и в самом деле, как следует из дальнейшего, прославился, попирая устои современного ему социума.

И Диоген, и Антисфен были прекрасными ораторами и пользовались любовью сограждан, несмотря на то, что поносили этих же самых сограждан (14, 43). Известно весьма резкое и недвусмысленное письмо Диогена эллинам.⁹² Но когда глиняную бочку, в которой жил Диоген, разбил мальчишка, то юнца высекли, а Диогену дали новую.

Диоген по свидетельству античных источников «не видел ничего ужасного в краже из храма или в употреблении в пищу мяса любого животного. причём, говорил он, нет ничего нечестивого и в том, чтобы питаться даже человеческим мясом, как это видно из быта других народов»(73). Это приближает киника, как и Трикстера, к миру Дикой, первозданной Природы **по признаку №5.**

Осмеянию Диогеном подвергались вовсе не одни только рядовые греки, для него, как и для всякого Трикстера, не существовало авторитетов ни среди властителей, ни среди собратьев-философов.

Рассказывают, что однажды около жилища Диогена на рыночной площади остановился Александр Македонский и сказал: «Я – Александр, великий царь». – «А я, Диоген, собака», – представился философ. Спрошенный, почему его зовут собакой, он ответил: «Потому что тем, кто мне подает, я виляю хвостом, тех, кто отказывает, облаиваю, а порочных – кусаю.» Когда же македонский царь Александр приказал наполнить блюдо костями и послать кинику Диогену, намекая на то, что Диогена называли собакой (суон). Получив посылку, он сказал: «Еда-то для псов, да дар не

⁹¹ *Нахов И. М.* Очерк истории кинической философии... С.18.

⁹² Эллинам/ Письма киников. Диоген. В кн. Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. –М.: Наука. 1996. СС. 195-197.

перев.»⁹³ Между тем имя Диоген в дословном переводе с древнегреческого означает «из рода Зевса» («Дио(с)» – Зевс, бог, а «ген» – род, сын.

Притчей во языцах стал случай, когда Александр, Диоген попросил македонского царя отойти и не загораживать солнца на предложение сделать для философа все, о чем тот только не попросит.

философ Диоген и царь Александр, античное изображение

Рассказывали, в частности, что когда Диоген попал в плен в битве при Херонее и был приведен на допрос к Филиппу Македонскому, на вопрос, чем он занимается, философ ответил царю: «Слежу за твоей ненасытностью», и был отпущен (43).

Диогену сказали: «Многие смеются над тобою». Он ответил «А над ними, быть может, смеются ослы: но как им нет дела до ослов, так и мне – до них» (58).

Когда великий Платон дал популярное определение: «Человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев», Диоген ошипал петуха и принес к нему в школу, объявив: «Вот платоновский человек» (40).

Так по отношению к знаменитому философу Платону выходки Диогена сродни плутовству юнца, но в отношении властителей он ведет себя как мудрец.

Трикстер – это провокатор и инициатор социально-культурного действия **по признаку №2**. Киник Диоген выступает таковым. Например, когда его позвали на пир, он отказался, заявив, что недавно он пошел на пир, но за

⁹³ *Диоген Синопский*. Гномы и апофтегмы, собранные из разных источников, 41, 209-210 /Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. –М.: Наука. 1996. С.117.

это не видел никакой благодарности. А, явившись на пир полуобритым, он был избит там. Тогда Диоген написал имена молодых людей, колотивших его, на доске и ходил с нею напоказ, выставив их так на позор и поношение (33).

В другой же раз, выйдя на площадь, он стал кричать: «Эй люди!» – но, когда на этот провокационный зов сбежался народ, набросился на них с палкой, приговаривая: «Я звал людей, а не мерзавцев»(32). Увидев же, как один олимпийский победитель пас овец, он сказал: «Быстро же ты, милейший, променял ристалище на пастбище.» На вопрос, почему атлеты такие тупицы, он ответил: «Потому что мясо в них свиное и бычье».

Диоген, как истинный Трикстер выворачивает ситуацию наизнанку (**см. признак №6**). Он говорил, что судьбе противопоставляет мужество, закону людей – природу, страстям – разум (38). Кто-то напомнил Диогену, что жители Синопа осудили его скитаться. – «А я их – оставайтесь дома», – ответил Диоген (49).

Когда у Диогена сбежал раб, ему посоветовали пуститься на розыски. «Смешно, – сказал Диоген, – если раб может жить без Диогена, а Диоген не сможет жить без раба» (55). Когда же самого Диогена, попавшего в плен, выставили на продажу, то на вопрос, что он умеет делать, философ ответил: «Властвовать над людьми» – и попросил глашатая: «Объяви, не хочет ли кто купить себе хозяина?»(29).

Античный автор Евбул в книге «Продажа Диогена», которую вряд ли стоит считать за историческую, сообщает, что, будучи проданным, философ долгое время воспитывал сыновей хозяина, обучая их многим искусствам (Д.Г.: **см. признак №4**): ездить верхом, стрелять из лука, владеть пращой, метать дротики, дети учили наизусть отрывки из творений поэтов, историков и самого Диогена, учил он их спартанскому отношению к еде и одежде, а также охоте.

Дожив до глубокой старости по Евбулу Диоген завещал похоронить его, как водится у Трикстера, лицом вниз, потому что «скоро нижнее станет верхним». Этим, якобы Диоген намекал на возвышение Македонии в скором будущем, хотя на самом деле он застал её взлет при жизни и встречался с Александром Македонским. Говорят, что даже царь сказал в ответ на колкость Диогена: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном»(31).

В притчах о встречах Диогена с тем или иным властителем, как я показал выше, чаще – Александром Македонским, киник оказывается тем, кто проверяет претензии царя, как культурного героя на мудрость, а значит и власть. Тот же Александр посулил восстановить греческий город Фивы, стертый им с лица земли, тогда ученик Диогена, Кратет, ответил: «Зачем? Какой-нибудь новый Александр возьмет и разрушит его опять» (93).

Называя себя гражданином мира, Диоген утверждал, что как слуги в рабстве у господ, так и дурные люди в рабстве своих желаний (63, 66). Позиция космополита позволяет кинику Диогену быть по сути посредником между самыми различными слоями и социальными группами, трансформируя ценности одной группы в ценности, понятные для другой группы **согласно признаку №3**.

Диогена стыдили за то, что он бывает в нечистых местах, в ответ философ молвил: «Солнце тоже заглядывает в навозные ямы, но от этого не оскверняется»(64). Диоген просил подаяние у статуи, чтобы приручить себя к отказам (49). Когда Диоген рассуждал о важных материях, его никто не слушал, тогда философ принялся верещать по-птичьему, собрались люди, и он их пристыдил, что ради пустяков все сбегаются, а ради важных вещей не пошевелиются (27).

Однажды Диоген возвращался из Спарты в Афины; на вопрос «откуда и куда?» – он сказал: «Из мужской половины дома в женскую». (59) Намекая на изнеженность афинян и их приверженность гомосексуальности. Ещё он ответил, что в Греции нигде нет хороших людей, лишь хорошие дети – в Лакедемоне (27).

Алчность Диоген считал матерью всех бед (50). На вопрос, какой зверь кусает всего сильнее отвечал – из домашних – льстец (51). На вопрос, почему люди подают милостыню нищим и не подают философам, он сказал: «Потому что знают: хромыми и слепыми они, наверное, станут, а вот мурдечами – никогда».

То и дело занимаясь рукоблудием на глазах у всех, он говорил: «Вот как бы и голод можно было унять, потирая живот!»(69). Испражнялся и ел он также прилюдно, как «собака». Диоген учил, что если вместо бесполезных трудов мы предадимся тем, которые возложила на нас природа, мы можем достичь блаженной жизни, и только неразумие заставляет нас страдать (71). Таким образом, и в этом мы находим **соответствие признаку №5**, уже ранее выявленному для Диогена и киников.

О смерти Диогена существуют самые противоречивые рассказы(76-79) и уже хотя бы потому она достойна Трикстера. Говорят, что, съев сырого осьминога, он заразился холерой, ещё утверждают, что он просто отказался дышать и принял смерть, закусив себе губы, возможно также, что его просто покусали собаки. Это соответствовало его воззрениям, так как Диоген, гражданин мира, завещал по ещё одной легенде бросить свое тело на прокорм зверей или в реку рыбам, тем самым он бы воссоединился с Дикой Природой. Умер Диоген в один день и год с другим потомком Зевса – Александром Македонским, с которым состоял в переписке и которому

предсказал нелепую смерть от обычной человеческой болезни, а не от оружия⁹⁴.

III.2. Уленшпигель и пир дураков

Анонимный «Тиль Уленшпигель» обыкновенно датируется началом XVI в. – по дошедшим до нас изданиям типографа Иоганна Гринингера 1515 и 1519 гг. Они, как полагают, восходит к любекским изданиям 1500 и 1478 гг., а эти в свою очередь – к нижнесаксонскому 1480 г. В 1520-1530 годах истории об Уленшпигеле были переведены на голландский и французский языки. По форме этот труд относят к так называемой бюргерской литературе.⁹⁵

Бюргерская литература, возникшая вместе с подъемом городов (XIV–XV вв.) в эпоху Крестьянских войн в Германских государствах, завоевывает господствующие позиции в XVI веке, отражая враждебную феодальному Средневековью идеологию молодого восходящего класса. Однако эта литература типологически связана со средневековой литературой XIII–XV вв., наследует её гуманистические тенденции и сатирическую традицию (например, Г. Сакс).⁹⁶ Бюргерская литература явилась преемницей жанровых традиций устного народного творчества, которое стало мощным фактором в развитии городской литературы, прежде всего жанров песен, шпрухов, шванков. Бюргерская литература начиналась с обработки фольклорных жанров, стилизации и их переосмысления при непременном воспроизведении национальных нравов и обычаев, поэтому не исключено, что образ того же Тилиа Уленшпигеля, как и других фольклорных универсалий, восходит к более ранним временам.

Вообще же, главный персонаж народных книг представляет собой достаточно сложный знаковый конструкт, – указывает М. Ю. Реутин.⁹⁷ Он может быть адекватно описан скорее в терминах аристотелевской «Поэтики», нежели в терминах современных поэтик: его действие, например, первично по отношению к нему самому, сам же он прилагается к своему действию лишь как точка, формально необходимый субъект, поскольку функции без аргумента не бывает. Подобная расстановка

⁹⁴ Диоген-собака – Александру/ Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. – М.: Наука. 1996. СС.210-211.

⁹⁵ Тиль Уленшпигель/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель.(серия «Литературные Памятники»). – М.: «Наука», 1986, СС.160-258.

⁹⁶ Шевлякова Н.Н. Ганс Сакс и литература немецкой Реформации: генезис, типология и истоки творчества (фольклор и бюргерская литература)/ Автореферат. Майкоп: МГТИ, 2003.

⁹⁷ Народная книга позднего средневековья и Возрождения (На материале немецких народных книг XIII–XVI вв.)/Реутин М.Ю. Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. – М., 1996.

акцентов становится понятной опять-таки только в контексте ритуала. Карнавальный шут есть фетиш, т.е. объективация, персонификация некоторых коллективных, в конечном счете, субъективных, представлений. Стало быть, важен не столько шут, сосуд смыслов, сколько заложенные в нем идеи: гиперсексуальность, мудрость, физическая сила, и их реализация в шутовском антиповедении.

«Он был коротким, крепким и толстым, голова – огромной, а лицо всё в морщинах. Его широкие уши свисали до середины живота. Глаза были велики, нос длинен, рот широк, зубы кривы. Его волосы стояли дыбом, и вид напоминал козла. Руки и пальцы – жирны и малы, платье с фартуком, ... ботинки набиты навозом. Шапка сшита из козьей шкуры, на ней виднелись рога, шерстяная накидка служила ему одеждой». Так выглядит мудрец Морольф, герой сборника шванков Г. Хайдена (1480-х годов). Детали облика, вероятно, были «срисованы» автором с натуры, позаимствованы из карнавального мира широкой масленицы, в центре которого находился моделированный наподобие козла шут. Головной убор – шапка с матерчатыми концами, завершающимися погремушками-бубенцами, – восходит к лобной части козлиного черепа, которая закреплялась на голове карнавального шута. На следующем этапе становления народной культуры и устных традиций персонаж получает примитивную типизацию через пол, возраст и социальный статус.⁹⁸ Впрочем, если обратиться к средневековому сборнику новелл о царе Соломоне, «средоточии мудростей», и шуте Маркольфе,⁹⁹ известном в рукописях уже XIII века¹⁰⁰, стало быть, истории бытовали и много раньше в веках XI-XII, – мы обнаружим явное сходство до деталей в описании Хайденом своего Морольфа, а близость в имени наводит нас на мысль о действительном первоисточнике упомянутого сборника шванков.

Это уже не чёрт и не козел, а сперва – пронырливый мальчик-насмешник, чей образ восходит ещё к Гермесу. Наконец, и мужчина, запечатленный на пике своей жизненной активности (30-40 лет), горожанин: подмастерье, оруженосец или низший клирик, одолеваемый «*cuga vagandi*»

⁹⁸ *Maranda E.K., Maranda P. Structural Models in Folklore and Transformational Essays.* – The Hague, Paris, 1971. – P.23.

⁹⁹ Соломон и Маркольф/ Парламент дураков (серия «Азбука Средневековья»). – СПб.: Азбука-классика, 2005. СС.31-57.

¹⁰⁰ На Британских островах в это время уже имели хождение списки «Романа о Лисе» («Рейнеке Лис»), прозаическая версия этого эпохального сатирического произведения была в последствии переписана и опубликована в 1481 году Уильямом Какстоном под названием «Роман о Рейнарде» («История хитрого плуга, Лиса Рейнарда»), который привез первый печатный станок в Англию. «Роман о Лисе» имел популярность в XIII также в Эльзасе, а потом в XV веке перекочевал и во Фландрию, откуда пошел по Европе.

и потому на протяжении всей жизни не обретший строгой фиксации в социальной структуре. Происходит эмансипация, и развитие субъекта, но он всё ещё прилагается к своему ритуальному действию, об архаичности и подлинном смысле которого даже и не догадывается.

В Германии книгу о шутах и составляли, прежде всего, шванки. Шванк – это изначально повествовательное произведение малого (15 – 110 строк) объема, написанное, как правило, четырехстопным ямбом с парной рифмой, и организованное вокруг одного события, комического, но вполне обычного, ординарного, о котором рассказывается с бытовыми подробностями и подчеркнутым натурализмом. В XIV в. шванки переходят и в прозаическую форму. Выделяются следующие типы шванков: назидательный, антиклерикальный, познавательный, эротический, сословно-бюргерский (бытовой), политико-обличительный, крестьянский, развлекательный.¹⁰¹ Как я предполагаю, они соответствуют проявлению той или иной отличительной черты шута-трикстера.

Альбрехт Дюрер, кон.XV — нач.XVI вв.

По мнению М. Ю. Реутина «немецкий, точнее же сказать, австро-германский шванк принадлежал низовой полу-языческой ритуально-фольклорной традиции, соотносимой с древнегреческой культурой Сельских и Городских Дионисий, в рамках которой творил в частности Аристофан; – основу обеих составляли теллургические, т.е. сельскохозяйственные,

¹⁰¹ *Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV-XVII вв. М., 1955.*

культы». Впоследствии шванк, как и соотносимые с ним формы, был интегрирован в более крупные произведения, например в роман Гриммельсгаузена¹⁰² «Симплиций Симплициссимус». Уже в прозаической форме шванк дожил благополучно до конца 18 века, когда Готфрид август Бюргер в 1786 году впервые издал «Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения Барона Фон Мюнхгаузена, о которых он рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей».¹⁰³ Наконец, в 19 веке, сюжеты немецких шванков были вписаны канву великого романа Шарля де Костера об Уленшпигеле. Точно так и средневековые восточные басни о Насреддине послужили канвой роману Соловьева о нарушителе спокойствия.¹⁰⁴ История же немецких народных книг о шутах открывается «Попом Амисом» (ок. 1230 г.) австрийского поэта, известного под псевдонимом Штриккер.¹⁰⁵ Он был одним из крупнейших немецких переводчиков средневековья (в средневековом же значении этого термина). Сам его псевдоним, произведенный от нем. глагола *stricken* (вязать) указывает на эту основную сторону его творчества. Главная особенность шванков Штриккера – связь с индоевропейским фондом мотивов.¹⁰⁶ Преисполнен значения тот факт, – пишет автор, – что оригинальная народная книга Германии возникла только в сер. 2 пол. XV в., т.е. через двести лет нормального созревания фольклорных традиций. На протяжении XIII – XV вв. это ядро обрастало анонимными шванками, рассказанными от первого лица, от лица самого шута, вспоминающего историю своей жизни. Впоследствии их авторство стало приписываться конкретному автору. Подобный феномен вымышленного авторства весьма характерен для многих традиционалистских культур.

В «Амисе» и шванках об Ойленшпигеле обнаруживаются общие мотивы, как, например, история об учении молодого осла грамоте по поручению магистров университета. Осел выучил две буквы – «И» и «А», а потом

¹⁰² Ганс Якоб Кристоф Гриммельсгаузен. Симплициссимус. –М.: Издательство «Художественная литература», 1976. (Библиотека всемирной литературы. том 46).

¹⁰³ Приключения барона Мюнхгаузена. –М.: «Наука», 1985, СС.7-156.

¹⁰⁴ Соловьев Л.В. Повесть о Ходже Насреддине. –Л.: Лениздат, 1980.

¹⁰⁵ Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. 2-е изд./ сост. Б. В. Пуришев, М., 1975.

¹⁰⁶ О представленности индоевропейского фонда мотивов в немецкой народной книге XIII-XVI вв. см.: Реутин М.Ю. Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. – М., 1996. – С.94-95.

ректор, нанявший Ойленшпигеля умер.¹⁰⁷ В пределах среднеазиатских культур сюжет традиционно связывается с Насреддином.¹⁰⁸

**Ein kurtzweilig lesen von Dyl
Vlenspiegel gebore vß dem land zu Dusswick. Wie
er sein leben volbracht hatt, vcoi, seiner geschickreim**

Уленшпигель, гравюра к изданию Йонаса Гринингрера, начало XVI века

¹⁰⁷ Немецкие легенды и саги. М., 2001, СС.320-321; Тиль Уленшпигель, №29/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... СС.187-188.

¹⁰⁸ Анекдоты о хожде Насреддине. Пер. с турецк. В. А. Гордлевского, –М.: «Издательство восточной литературы», 1957, № 254, СС.141-143; Молла Насреддин. Пер. с перс. Н. Османова, –М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1970, С.72.

В «Амисе», «Уленшпигеле» (№17) и французских новеллах¹⁰⁹, у Насреддина (№1074)¹¹⁰, не говоря уже о лекаре Чапаеве и ассистенте Петьке, найдём сюжет, как главный герой лечит собственным «говном» зазнавшегося лекаря.

В «Поппе Амисе» и «Уленшпигеле» (№31), а также у Боккаччо (Декамерон, VI, 10 – в некоторой обработке) варьируется сюжет о том, как герой, подобрав где-то череп, объявил его останками некоего святого, и собирал деньги с любопытных и праведников, не хуже иного священника, за рассказ о деяниях мертвеца.

В «Амисе» же находится фабула о мнимом исцелении больных, которых Амис вынуждает к паническому бегству из больницы. Хорошо известен этот классический сюжет, пересказанный Шарлем де Костером применительно к Уленшпигелю, который назвался лекарем и посулил полное исцеление всем хворым, если сварит и даст зелье из самого больного, не сумевшего на своих ногах выйти за пределы больницы. Вспоминается тут и Насреддин, «излечивающий» больных под угрозой сжечь одного из них на лекарство (№1073)¹¹¹, единым словом «Землетрясение!» вылечивший симулянтов.¹¹²

Ещё один общий мотив как поп Амис писал картину, которую могли увидеть только рождённые в честном браке, и о жертвованиях, принимаемых только от верных жен.¹¹³ В начале XVI в. этот бродячий сюжет вновь всплыл в народной книге о Тиле Ойленшпигеле¹¹⁴, о том, как некий никем не узнанный мастер вызвался писать картину для ландграфа Гессенского, а показал ему пустую стену.

«Лишь шутиха графини, о которой было известно, что она – дочь пьяницы и уличной шлюхи, только эта дурочка, весело рассмеявшись, запрыгала и громогласно провозгласила, что не увидела ничего, кроме белой стены, а ней следы кисти и кляксы голубого, зеленого, красного и желтого цвета!

Озадаченный двор молча потянулся к выходу. Разве можно принимать в расчет слова дурочки низкого происхождения?»

Получив деньги, ибо никто не хотел признаться, что он незаконнорожденный, мастер скрылся. «Правда он оставил на прощанье справа в углу на стене тщательно нарисованное изображение зеркала, на

¹⁰⁹ О виллане-лекаре// Фаблю: Старофранцузские новеллы. М., 1971.

¹¹⁰ Двадцать три Насреддина. –М.: «Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

¹¹¹ Двадцать три Насреддина...

¹¹² Соловьев Л. В. Повесть о Ходже Насреддине... СС.94-96.

¹¹³ см. Тиль Уленшпигель, №27 /Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... СС.183-185.

¹¹⁴ Немецкие легенды и саги... СС. 327-330.

краю которого сидела сова, и два слова по-латыни: «Нис fuit» («некто»), что означало: здесь побывал Ойленшпигель, величайший плут и насмешник, человек, далеко небезупречного и вовсе неблагородного происхождения, наделенный природным умом и здравым смыслом». В XIX в. сюжет обработал датский писатель Г. Х. Андерсен в популярной сказке «Голый король», а также использовал Шарль де Костер в своем знаменитом романе об Уленшпигеле.

Таким образом, **по признаку №1**, Уленшпигель, или как его имя интерпретирует Шарль де Костер, «я ваше зеркало», появляется для нарушения сложившихся устоев (прежде всего цехового общества) и традиций, он привносит элемент хаоса в существующий социальный порядок, способствует деидеализации, превращению идеального мира сознания бюргера в реальный, повседневный мир.

Уленшпигель, как и Насреддин, играючи расплачивается за запах от не принесенной еды звоном не отданных монет,¹¹⁵ иногда Насреддин присуждает расплатиться звоном монет за побрякивание на работе и долг, взятый во сне.¹¹⁶

Наиболее распространенный сюжет о шутовстве – это загадывание и разгадывание загадок – «богословский спор». Обычно здесь противоборствуют «глупец» и «учёный», причём последний прилюдно кичится своей учёностью (и, само собой, как это любит Трикстер в результате поворота ситуации с точностью до наоборот, оказывается в дураках): студент Ойленшпигель и ректор,¹¹⁷ русский солдат и настоятель монастыря,¹¹⁸ подданный-Насреддин и правитель, или же суфий Насреддин и кичливый мудрец.¹¹⁹

Вот одна из многочисленных восточных версий богословского спора:

«Однажды в город приехал известный философ, любитель поспорить.

– Кто у вас самый образованный человек? – обратился он к местным жителям. Ему указали на Эпенди. Философ заявил:

– Эпенди, у меня есть сорок вопросов к тебе, но ты должен дать на них один ответ, разъяснив всё, что мне непонятно.

– Ну что ж, говори, – спокойно сказал Эпенди. Внимательно выслушав все вопросы, он ответил:

¹¹⁵ Тиль Уленшпигель/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... №79; Соловьев Л. В. Повесть о Ходже Насреддине... СС.44-45.

¹¹⁶ №№ 895-896 см. Двадцать три Насреддина...

¹¹⁷ Немецкие легенды и саги... СС.318-319; Тиль Уленшпигель, №28/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... СС.186-187.

¹¹⁸ Иван Меньшой – разумом большой. Русские сказки. –М.: «Детская Литература» 1972, СС. 201-204.

¹¹⁹ №№686,689 см. Двадцать три Насредина...

– Не знаю.

Так он победил своего соперника одним ответом».

А теперь вернемся к европейской версии:

«На вопрос «сколько в море бочек воды» Ойленшпигель ответил сразу:

– Достойный господин ректор, велите остановиться всем рекам, которые текут со всех концов в море, и я вам всё измерю и подтвержу правдивыми доказательствами, и это будет легко сделать.

Далее ректор задал вопрос:

– Ответь мне поскорее, где находится середина мира?

Ойленшпигель не замедлил с ответом:

– Мы здесь – в середине мира, и вы убедитесь, что это правда, если измерите всю землю длинной веревкой. Коли же я ошибусь, хоть на малую соломинку, можете меня наказать.

Альбрехт Дюрер, кон.XV — нач.XVI вв.

Ректор не захотел ничего измерять и, разъярившись, задал снова вопрос:

– Скажи-ка, каково расстояние от земли до неба?

На что Ойленшпигель ответил ему:

– Отсюда до неба недалеко. Ведь когда на небе разговаривают или кричат, здесь на земле всё хорошо слышно. И если вы туда подниметесь, а я снизу вас тихо позову, вы это услышите на небе, а если не услышите, можете меня наказать.

Ректор удовлетворился этим ответом и задал пятый вопрос:

– Каков же размер неба?

Ойленшпигель, не медля, ответил ему так:

– В ширину небо будет в тысячу сажений, а в высоту – в тысячу локтей, скажу это без ошибки. Ежели же вы мне не верите, снимите-ка с неба солнце, месяц и все звезды, и измерьте, как следует, тогда вы увидите, что я прав.»

Чтобы выявить **признаки №№ 3-4 и 6** обратимся к сюжету, системе персонажей и жанровым особенностям народной немецкой книги. В 46-ой истории об Уленшпигеле рассказывается об очередной проделке шута.¹²⁰ Устроившись в пивоварню подмастерьем, Тиль следит за варкой пива в отсутствие хозяев, ушедших на вечеринку. На определенной стадии варки шут должен бросить в чан дозу хмеля, но вместо этого бросает в кипящий отвар пса Хмеля. Как видим, поворотное событие в этом анекдоте является результатом двойной интерпретации приказа, буквального и дословного исполнения его Трикстером, выворачивающим ситуацию в мифе наизнанку.

Сначала однозначное (обычно цеховое жаргонное выражение: «прикинуть» рукава, «волк», обозначающий крестьянскую шубу), слово в процессе повествования становится двузначным; потому Тиль бросает рукава в повешенную на стене шубу, шьёт чучело волка и т.д. Подобным образом поворотное событие строится почти во всех немецких шванках Позднего средневековья.

Аналогичный приём – дословного выполнения указаний и выворачивания ситуации через это, читатель найдёт в баснях о Насреддине. Когда мать просит Насреддина посторожить дверь, он снимает дверь с петель, когда ему нужно по делам, и ходит с нею на плечах (№2).¹²¹

Герой шванок Соломон выгоняет прочь из дворца Маркольфа: «Чтоб больше я твоей физиономии не видел!» (angesicht) – отныне царь вынужден созерцать голый зад «послушного» шута (анонимная прозаич. версия «Соломона и Морольфа», XV в.).¹²²

Петеру Лою, изучающему латинский язык в духовной школе, задано поклонять слово «огонь» (fac ignem, досл. «сделай огонь»). Лой бросается к печи и раздувает пламя. («Жизнь Петера Лоя», стих 297-315).

Шванки об Уленшпигеле: 19-20, 39-40, 42-55, 61-62 построены единообразно: Уленшпигель в них – нарушитель сложившихся социальных цеховых отношений – нанимается в подмастерье к мастеру (пекарю, кузнецу, скорняку, портному... – и если он не господин всех искусств, то перепробовал хотя бы все ремесла) и в отместку за дурное обращение хозяина (насмешки, плохую пищу, приказ работать по ночам, в праздники и

¹²⁰ Тиль Уленшпигель/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель...

¹²¹ Двадцать три Насреддина...

¹²² Соломон и Маркольф/ Парламент дураков (серия «Азбука Средневековья»)...

без свечей) портит инструмент, материал или готовый товар, принадлежащий хозяину. Вероятно, сюжет связан с обострившимися противоречиями внутри городской ремесленной среды, мастерами и подмастерьями, отражает их борьбу накануне Крестьянской войны в Германии, в начале XVI века. Формально оставаясь послушным слугой, шут Уленшпигель наносит непоправимый вред, причём не по глупости, а злонамеренно.

Шутки Уленшпигеля подчас скабрёзны **согласно признаку №5** – они животны и на грани существующей морали, а то и за её пределами. В шванке 25 рассказывается, как Уленшпигель распорол брюхо собственной лошади и, вытащив внутренности, «сам туда встал обеими ногами», чтобы оказаться между четырех копыт убитой скотины. Это дало ему основание утверждать, что он находится между четырех столпов своего дома, и никто не может его тронуть в этом доме, включая преследователя – герцога на земле которого Уленшпигель «вовсю безобразничал». Рассмешив герцога и вернув его милость, Уленшпигель говорит: «Спасибо тебе, лошадка, ты помогла мне и спасла мне жизнь... Отныне покойся здесь. Тебя сожрет воронья – это лучше, чем если бы склевали меня.» Шарль де Костер не заставил своего героя убить собственного ишака, а лишь посадил его на брюхо опрокинутого животного, от этого смысл шутки не поменялся. Но средневековый слушатель вряд ли оскорбился бы тем, что могло покоробить читателя 19-20-х веков.

В истории 24 Уленшпигель побеждает грубой шуткой шута короля польского, который во всем Уленшпигелю подражал. Единственно, чего не смог проделать плагиатор, так как это вслед за Уленшпигелем съест собственное дерьмо, когда Уленшпигель наложил кучу и оставил сопернику половину. Надо отметить, что многие «шутки» Уленшпигеля связаны с испражнениями – тем, что человек стыдится и прикрывает, и тем, чего не стыдится ни одно животное: см. например, 71, 76, 78, 85, 87, 89, 91 – как раз напротив, испражнениями зверь метит территорию, и вымазать в них врага до сих пор в «уличном фольклоре» считается приемом ниспровержения и унижения того, кто «вляпался».¹²³

¹²³ Современные Трикстеры, взять хотя бы российского Владимира Жириновского, предпочитают воду и соки. 11 марта 1998 года в ходе прений в нижней палате Жириновский облил водой депутата Анатолия Голова, а в знаменитой, показанной на всю страну словесной дуэли с Борисом Немцовым (прямо эфире телепрограммы «Один на один»), Жириновский выплеснул на противника содержимое стакана с апельсиновым соком. Иногда доходит только до ругани типа: «Президент Буш – сраный ковбой», как выразился Владимир Вольфович в сентябре 2002 года, будучи в Ираке. Впрочем, и в Государственной Думе он как-то доказывал, что без ругательных слов русский язык невозможен. А 17

Даже Костер описывает Уленшпигеля, как парня не прочь выпить и кусать (обман у героя типа Уленшпигеля зачастую связан с добычей пищи – см. таже шванки 43,45, 56, 59-60. и др.), не говоря уж о том, что сердцеед он тож редкостный, и с самой ранней юности, так в пятнадцать лет Уленшпигель, сын Клааса-угольщика, уже соблазняет попавшуюся на дороге молодую дворянку.¹²⁴ Но, конечно, у Костера героико-романтическая фабула сюжета, и это не позволяет ему для читателя века 19-го написать всё то, над чем смеялись несколькими веками раньше любители шванков.

В шванке 11 Уленшпигель объедает попа, в шванке 12 выигрывает бочку пива, в шванке 33 требует с хозяйки деньги поскольку, что ел за троих, а это тоже работа. В истории 35 Уленшпигль обманывает евреев на тысячу гульденов и продает им свое дерьмо под видом вещей ягод... ну и т.д.

сентября 1999 года лидер ЛДПР вступил в ближний бой с депутатом Николаем Столяровым, за что был лишен слова на месяц. 9 сентября 1995 года Владимиру Жириновскому ассистировал депутат Николай Лысенко, а жертвами той потасовки стали народные избранники Евгения Тишковская и Глеб Якунин. Общение Жириновского с оппонентами напоминает зачастую «Перебранку Локи». И всегда Владимир Вольфович стремится и не без успеха самыми неожиданными действиями подавить чувство значимости своего оппонента.

30 марта 2005 года – «Разбитый нос, ссадина на лбу и 30 дней молчания в наказание – таков итог первого, после перерыва, заседания Государственной Думы. Депутаты вернулись из регионов, где проходили выборы в местные парламенты – в итоге в парламенте общенациональном устроили самую грандиозную драку за все время существования Думы.

Уже с первых минут заседания стало понятно – парламентский день закончится чем-нибудь непарламентским. Фракция ЛДПР никак не могла оторваться от микрофона. Жаловалась на произвол властей Ямало-Ненецкого округа. Жириновцев там не допустили до выборов. Зато Единой России помогал административный ресурс.

Рамки правового поля оказались равны расстоянию от одной стены зала заседаний до другой. Жириновский шел и ругал партию «Единая Россия». Но потом увидел депутатов от «Родины». Депутат Савельев занимается карате. Но на него одного накинулась вся ЛДПР-овская рать. Поучаствовать в рукопашной осмелился даже сын Жириновского.

В перерыве в экстренном порядке руководство Думы решало вопрос – что делать? Комитет по регламенту даже подготовил специальное заявление – разжаловать Жириновского из вице-спикеров. Потом ещё прошло немного времени. Руководство ещё посоветалось. В результате принято решение: Дума – не футбольное поле.

30 дней с выключенным микрофоном для Владимира Вольфыча, конечно, страшная пытка.» (Репортаж Елены Клиповой, Владимира Елманова – RenTV)

¹²⁴ *Шарль де Костер*. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях. Пер. с фр. – Н.Любимов. – М., «Художественная литература», 1983. XXVI, СС.60-64

А вот описание поединка скупого и жадного наемника Ризенкрафта и шута Уленшпигеля из романа Шарля де Костера. Обратите внимание на то, как одет Трикстер Уленшпигель, и на манеру его общения – в этом вся суть трикстера, верно ухваченная писателем:

«Секунданты, которых взяли себе Уленшпигель и Ризенкрафт, уговорились, что те будут драться пешими и, если захочет победитель, вплоть до смертельного исхода, – таковы были условия Ризенкрафта.

Местом поединка была выбрана поляна. Ризенкрафт прямо с утра нацепил на себя всё снаряжение лучника. Надел шлем с ожерельником, но без забрала, и кольчугу без рукавов. Одну из своих рубах разорвал на бинты и сунул в шлем. Взял свой арбалет из доброго арденнского дерева, колчан с тридцатью стрелами и длинный кинжал, двуручного же меча, коим обыкновенно бывали вооружены лучники, не захватил. И прибыл он на коне под боевым седлом, в украшенном перьями налобнике.

Уленшпигель снарядился как истинный рыцарь. Боевого коня заменяя ему осел. Седлом служила ему юбка девицы легкого поведения. Вместо налобника с перьями на морде осла красовалась плетушка из ивовых прутьев, украшенная стружками, трепетавшими на ветру. Позаботился он и о латах – то была его рубашка в заплатках, ибо, пояснил он, железо дорого, к стали приступу нет, а меди столько ушло за последнее время на пушки, что кролику бы на вооружение не хватило. На голове вместо шишака шишом торчал лист салата, увенчанный лебединым пером, – то был прообраз лебединой песни на тот случай, если бы Уленшпигель приказал долго жить.

Взамен легкой негнушейся шпаги Уленшпигель захватил добрую длинную толстую еловую жердь с метелкой из еловых веток на конце. Слева к седлу был приторочен деревянный нож, а справа булава, которую изображала ветка бузины с насаженной на неё репой. Когда он, таким образом снаряженный, прибыл на место поединка, секунданты Ризенкрафта покатались со смеху, меж тем как рожа самого Ризенкрафта оставалась непроницаемой.

Секунданты Уленшпигеля, обратившись к секундантам Ризенкрафта, потребовали, чтобы немец снял кольчугу и латы, раз на Уленшпигеле, кроме обносков, ничего нет. Ризенкрафт согласился. Тогда его секунданты спросили Уленшпигелевых секундантов, зачем Уленшпигелю понадобилась метелка.

– Палку вы мне сами разрешили, а украсить её зеленью, я думаю, разрешите и подавно, – отвечал Уленшпигель.

– Ты в том волен, – порешили четыре секунданта.

Ризенкрафт в это время молча сбивал короткими ударами шпаги тонкие головки вереска.

Секунданты потребовали, чтобы он по примеру Уленшпигеля тоже заменил шпагу метелкой.

Ризенкрафт же ответил так:

– Если этот мошенник по своей доброй воле избрал столь необычный вид оружия, стало быть он определенно рассчитывает защитить им свою жизнь.

Уленшпигель подтвердил, что он будет сражаться метелкой, – тогда секунданты объявили, что всё улажено.

Уленшпигель и Ризенкрафт находились как раз друг против друга – один уже не в латах, а другой весь в заплатах.

Взяв метлу наперевес, точно это было копьё, Уленшпигель выехал на середину поляны.

– По мне, – заговорил он, – хуже чумы, проказы и смерти те зловредные негодяи, которые, попав в дружную солдатскую семью, ходят со злощещей рожей и брызжут ядовитой слюной. Где они – там замирает смех и смолкают песни. Вечно они к кому-то пристают, с кем-то дерется, и из-за них наряду с правым боем за родину идут поединки на погибель войску и на радость врагу. Вот этот самый Ризенкрафт убил ни за что двадцать одного соратника, а в бою или же в стычке с неприятелем чудес храбрости не показал и ни одной награды не получил. Вот почему я с особым удовольствием поглажу этого шелудивого пса против его облезлой шерсти.

Ризенкрафт же ответил так:

– Этот забулдыга чёрт знает чего наплел о незаконности поединков. Вот почему я с особым удовольствием раскрою ему череп; чтобы все убедились, что у него голова набита соломой.

Секунданты предложили обоим спешиться. Когда Уленшпигель спрыгнул, с головы у него упал лист салата, и его мгновенно ухватил осел, но в эту минуту один из секундантов дал ему пинка, так что осел вынужден был прекратить мирное свое занятие и удалиться с поля боя. Ризенкрафтова коня тоже прогнали. И оба верховых животных рассудили за благо пойти вдвоем попасться.

Наконец секунданты свистком подали знак к началу боя.

И вспыхнула яростная битва: Ризенкрафт наносил удары шпагой, Уленшпигель отражал их метлою; Ризенкрафт чертыхался, Уленшпигель увертывался, бегал от него по косою, по кругу, зигзагами, показывал ему язык, корчил рожи, а тот, тяжело дыша, в исступлении разрезал воздух шпагой. Он уже совсем было нагнал Уленшпигеля, но Уленшпигель неожиданно обернулся и со всего размаху ткнул его метлой в нос. Ризенкрафт упал и, точно околевающая лягушка, растопырил руки и ноги.

Уленшпигель подскочил к нему и начал без милосердия водить по его лицу метлой – и по шерстке и против шерстки, водил да приговаривал:

– Проси пощады, не то я тебя досыта накормлю метелкой.

Уж он его тер, уж он его тер, к великому восторгу присутствовавших, и всё приговаривал:

– Проси пощады, не то я тебя накормлю метелкой!

Ризенкрафт, однако, ничего уже не мог сказать, ибо он умер от злости.

– Упокой, господи, твою душу, бедный злока! – молвил Уленшпигель и, отягченный печалью, удалился с поля боя.»

В 93-94 историях об Уленшпигеле говорится о том, что даже умереть этот Трикстер не смог по-человечески, и саму свою смерть он превращает в игру (см. **признак №6**). Пробегавшая мимо свинья перевернула носилки с телом, тело упало лицом вниз, а священники так и свершали над задницей умершего обряды. Когда же тело стали опускать в могилу, веревка лопнула и «Уленшпигель остался стоять на ногах в могильной яме. Тогда все присутствующие сказали: «Оставьте его стоять, ибо он при жизни был удивительным человеком и удивительным хочет остаться после смерти». И так и засыпали они могилу».

К слову и могил Тиля известно несколько по разным городам, так что, может, он ни в одной и не «зарыт».¹²⁵

Шут был в средние века необходимой принадлежностью двора вообще любого европейского короля или знатного сеньора. Весёлый, дерзкий, ярко и вызывающе одетый, шут забавлял своего господина смешными выходками, баснями, прибаутками, пользуясь свободой, которой были лишены другие приближённые, и часто под видом шутки говорил властелину горькую правду.

«... в тот самый миг, когда в одной из дверей появился король Генрих III, в противоположной двери возник другой король Генрих III – полное подобие первого, точно так же одетый, обутый, причесанный, завитой, набеленный и нарумяненный. И придворные, толпой бросившиеся было навстречу первому королю, вдруг остановились, как волна, встретившая на своем пути опору моста, и, закрутившись водоворотом, отхлынули к той двери, в которую вошел королевский двойник.

Перед глазами Генриха III замелькали разинутые рты, разбегающиеся глаза, фигуры, совершавшие пируэты на одной ноге.

– Что всё это значит, господа? – спросил король.

Ответом был громкий взрыв хохота.

Король, вспыльчивый по натуре и в эту минуту особенно не расположенный к кротости, нахмурился, но тут сквозь толпу гостей к нему пробрался Сен-Люк.

– Государь, – сказал Сен-Люк, – там Шико, ваш шуг. Он оделся точно так же, как ваше величество, и сейчас жалует дамам руку для поцелуя.

Генрих III рассмеялся. Шико пользовался при дворе последнего Валуа

¹²⁵ Тиль Уленшпигель/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... С.310.

свободой, равной той, которой был удостоен за тридцать лет до него Трибуле при дворе Франциска I, и той, которая будет предоставлена сорок лет спустя Ланжели при дворе короля Людовика XIII.

Дело в том, что Шико был необычный шут. Прежде чем зваться Шико, он звался де Шико. Простой гасконский дворянин, он не только дерзнул вступить в любовное соревнование с герцогом Майеннским, но и не постеснялся взять верх над этим принцем крови, за что герцог, как говорили, учинил над ним расправу и Шико пришлось искать убежища у Генриха III. За покровительство, оказанное ему преемником Карла IX, он расплачивался тем, что говорил королю правду, как бы горька она ни была.

– Послушайте, мэтр Шико, – сказал Генрих, – два короля на одном балу – слишком большая честь для хозяина.

– Коли так, то дозвожь мне сыграть роль короля, как сумею, а сам попробуй изобразить герцога Анжуйского. Может, тебя и в самом деле примут за него, и ты услышишь что-нибудь любопытное или даже узнаешь, пусть не то, что твой братец замышляет, но хотя бы, чем он занят сейчас.

– И в самом деле, – сказал король с явным неудовольствием, – мой брат, герцог Анжуйский, отсутствует.

– Ещё одна причина, почему ты должен его заменить. Решено – я буду Генрихом, а ты – Франсуа, я буду царствовать, а ты – танцевать, я выложу весь набор ужимок, подобающих королевскому величию, а ты малость поразвлечешься, бедный король.»¹²⁶

Более того, шут, имел право уравнивать и господина, и протолюдина, так как ничто человеческое ни тому, ни другому не чуждо – ни ненависть, ни любовь. Вот песенка шута Фесте, венчающая кинопостановку Яна Фрида «Двенадцатая ночь» по пьесе Шекспира (в переводе М. Л. Лозинского) 1955 года, где роль шута неподражаемо сыграл ленинградский актер Бруно Фрейндлих:

«Если сердце верит в счастье,
Солнцем сменится ненастье,
И победою – борьба.
Сердцу радостны тревоги!
Сердцу радостна борьба!

Пусть мороз, и ночь, и вьюга...
Тех, кто создан друг для друга
Всё равно сведет Судьба.
Разрушает все преграды
Благосклонная судьба!

¹²⁶ Александр Дюма. Сорок пять. –М.: «Художественная литература», 1981, СС. 11-12.

Бог любви по Свету бродит,
 Бог любви везде находит
 Разлучённые сердца.
 Бог любви соединяет
 Разлучённые сердца!»

Шут играет короля, Трикстер играет культурного героя. У Генриха есть свой Шико, у Ричарда Львиное Сердце рядом обнаруживается шут Вамба, рядом с возвышенным и романтическим Теодоро оказывается Трикстер Тристан¹²⁷ со своей бытовой приземленной правдой жизни.

Вот как он спускает героя с небес на землю:

Тристан:

Берите у меня уроки, И вы забудете любовь.

Теодоро:

Брось! Надоела ерунда.

Тристан:

Всё можно одолеть искусством.
 Хотите знать, как с вашим чувством
 Покончить раз и навсегда?
 Во-первых, нужно безотложно
 Принять решенье позабыть
 И твердо знать, что воскресить
 Волненья сердца невозможно;
 Затем, что если дать надежде
 Хотя б лазейку, с новой силой
 Проснется слабость к вашей милой,
 И всё останется, как прежде.
 Скажите, почему не может
 Мужчина женщину забыть?
 Да потому, что тянет нить
 И что его надежда гложет.
 Он должен возыметь решенье
 О ней не думать никогда
 И этим раз и навсегда
 Остановить воображенье.

¹²⁷ в памятной постановке Я. Фрида роль Тристана гениально играл А. Джигарханян.

Ведь вы видали на часах:
 Когда раскрутится цепочка,
 Колесики замрут – и точка.
 Вот точно так же и в сердцах
 Мы наблюдаем остановку,
 Когда надежду раскрутить.

Теодоро:

Но память будет нас язвить,
 Что час – придумывать уловку,
 И наше чувство, раз за разом,
 Вернется к прежнему, поверь.

Тристан:

Да, чувство – это хищный зверь,
 Вцепившийся когтями в разум,
 Как говорит стихотворенье
 Того испанского поэта;
 Но есть приемчик и на это,
 Чтоб истребить воображенье.

Теодоро:

Как?

Тристан:

Вспоминая недостатки,
 Не прелести. Чтоб позабыть,
 Старайтесь в памяти носить
 Ее изъян, и самый гадкий.
 В вас не должна рождать тоски
 Нарядно-стройная персона,
 Когда она на вас с балкона
 Глядит, взмощаясь на каблучки
 Всё это так, архитектура.
 Один мудрец учил народ,
 Что половиной всех красот
 Портным обязана натура.
 Представьте вашу чаровницу,
 Чтоб обольщенье побороть,
 Как истязающего плоть,
 Которого везут в больницу.
 Ее себе рисуйте так,

А не в фалборочках и складках;
 Поверьте, мысль о недостатках
 Целительней, чем всякий злак;
 Ведь ежели припомнишь вид
 Иного мерзкого предмета,
 На целый месяц пакость эта
 Вам отбивает аппетит;
 Вот и старайтесь вновь и вновь
 Припоминать её изъяны;
 Утихнет боль сердечной раны,
 И улечится любовь.

Теодоро:

Какой невежественный лекарь!
 Какое грубое знахарство!
 Чего и ждать, когда лекарство
 Изготовлял такой аптекарь!
 Твоя стряпня – для деревенщин.
 Ты – коновал и шарлатан,
 Мужик и неуч. Я, Тристан,
 Себе не так рисую женщин.
 Нет, для меня они кристальны,
 Они прозрачны, как стекло.

Тристан:

Стекло, и ломкое зело,
 Как учит опыт нас печальный.
 Когда вам трудно одному,
 Я вам помочь берусь свободно;
 Мое лекарство превосходно
 Мне послужило самому.
 Однажды – чтоб меня повесить! –
 Я был влюблен, вот с этой рожей,
 В охапку лжи с атласной кожей,
 Лет от рожденья пятью десять.
 Сверх прочих тысяч недостатков
 Она владела животом,
 Где б уместился, и притом
 Оставив место для придатков,
 Любой архив, какой угодно
 В неё, друг друга не тесня,
 Как в деревянного коня,

Сто греков влезли бы свободно.
 Слыхали вы – в одном селе
 Стоял орешник вековой,
 Где обитал мастеровой
 С женой и детками в дупле,
 И то просторно было слишком!
 Вот так же приютить могло
 И это пузо, как дупло,
 Ткача со всем его домишком.
 Ее забыть хотел я страстно.
 (Давно уж время подошло),
 И что же? Память, как назло,
 Мне подносила ежечасно
 То снег, то мел, то мрамор хрупкий,
 Левкои, лилии, жасмин
 И преогромный балдахин,
 Носивший имя нижней юбки.
 Я чах на одиноком ложе.
 Но я решил не пасть в борьбе
 И начал рисовать себе
 Всё то, что на неё похоже:
 Корзины рыночных торговок,
 Баулы с почтой, сундуки,
 Вьюки, дорожные мешки,
 Где и тюфяк, и подголовок,
 И словно бы я молвил: сгинь! –
 Любовь преобразилась в злобу,
 И я забыл сию утробу
 На веки вечные – аминь!
 А ведь у этой душегубки
 Любая складка (я не вру!)
 Могла укрыть в своем жиру
 Четыре пестика для ступки

Теодоро:

Но где же я изъян найду?
 В Марселе места нет изъяну
 Я забывать её не стану.

Тристан:

Что ж, кличьте на себя беду
И шествуйте стезей гордыни.¹²⁸

А это описание другого, уже упомянутого здесь, известнейшего шута из романа сэра Вальтер Скотта «Айвенго» (действие развивается в Старой Доброй Англии времен правления Ричарда Львиное Сердце в 1194 году), надо полагать, что автор был хорошо знаком с обычаями и нравами той эпохи и имел под рукой как аутентичные времена изображения, так и описания:

«Наряд его напоминал одежду свинопаса, но отличался некоторой причудливостью и был сшит из лучшего материала. Его куртка была выкрашена в ярко-пурпурный цвет, а на ней намалеваны какие-то пестрые и безобразные узоры. Поверх куртки был накинут непомерно широкий и очень короткий плащ из малинового сукна, изрядно перепачканного, отороченный ярко-желтой каймой. Его можно было свободно перекинуть с одного плеча на другое или совсем завернуться в него, и тогда он падал причудливыми складками, драпируя его фигуру. На руках у этого человека были серебряные браслеты, а на шее – серебряный ошейник с надписью: «Вамба, сын Безмозглого, раб Седрика Ротервудского». Он носил такие же башмаки, что и его товарищ, но ременную плетенку заменяло нечто вроде гетр, из которых одна была красная, а другая желтая. К его шапке были прикреплены колокольчики величиной не более тех, которые подвязывают охотничьим соколам; каждый раз, когда он поворачивал голову, они звенели, а так как он почти ни одной минуты не оставался в покое, то звенели они почти непрерывно.

Твердый кожаный околыш этой шапки был вырезан по верхнему краю зубцами и сквозным узором, что придавало ему сходство с короной пэра; изнутри к околышу был пришит длинный мешок, кончик которого свешивался на одно плечо, подобно старомодному ночному колпаку, треугольному ситу или головному убору современного гусара. По шапке с колокольчиками, да и самой форме её, а также по придурковатому и в то же время хитрому выражению лица Вамбы можно было догадаться, что он один из тех домашних клоунов или шутов, которых богатые люди держали для потехи в своих домах, чтобы как-нибудь скоротать время» по необходимости проводимое в четырех стенах.

Подобно своему товарищу, он носил на поясе сумку, но ни рога, ни ножа у него не было, так как предполагалось, вероятно, что он принадлежит к тому разряду человеческих существ, которым опасно давать в руки колющее или режущее оружие. Взамен всего этого у него была деревянная шпага наподобие той, которой арлекин на современной сцене производит свои

¹²⁸ *Lone de Vega*. «Собака на сене», пер. М.Лозинского.

фокусы.»¹²⁹

В эпоху Возрождения шуты уже не носили корону с бубенчиками или дурацкий колпак. Они могли быть даже дворянами, смелыми и благородными людьми, как, например, Шико – шут короля Генриха III в романе А.Дюма «Графиня де Монсоро», или Трибуле в драме В.Гюго «Король забавляется». За это шуты расплачивались жизнью.

Снова обратимся к Вальтер Скотту: «Шут пристроился шагах в двух позади кресла хозяина, который время от времени бросал ему подачки со своей тарелки. Впрочем, такой же милостью пользовались и любимые собаки, которых, как мы уже видели, в зале было довольно много. Вамба сидел перед маленьким столиком на стуле с вырезанными на спинке ослиными ушами. Подсунув пятки под перекладину своего стула, он так втянул щеки, что его челюсти стали похожи на щипцы для орехов, и наполовину зажмурил глаза, что не мешало ему ко всему прислушиваться, чтобы не упустить случая совершить одну из тех проделок, которые ему разрешались.

– Уж эти мне перемирия! – воскликнул он, не обращая внимания на то, что внезапно перебил речь величавого храмовника. – Они меня совсем состарили!

– Как, плут? Что это значит? – сказал Седрик, с явным удовольствием ожидая, какую шутку выкинет шут.

– А то как же, – отвечал Вамба. – На моем веку было уже три таких перемирия, и каждое – на пятьдесят лет. Стало быть, выходит, что мне полтора ста лет.

– Ну, я ручаюсь, что ты умрешь не от старости, – сказал храмовник, узнавший в нем своего лесного знакомца. – Тебе на роду написано умереть насильственной смертью, если ты будешь так показывать дорогу проезжим, как сегодня приору и мне.

– Как так, мошенник? – воскликнул Седрик. – Сбивать с дороги проезжих! Надо будет тебя постегать: ты, значит, такой же плут, как и дурак.

– Сделай милость, дядюшка, – сказал шут, – на этот раз позволь моей глупости заступиться за моё плутовство. Я только тем и провинился, что перепутал, которая у меня правая рука, а которая левая. А тому, кто спрашивает у дурака совета и указания, надо быть понисходительнее.»

Вот, скажем, тот же вполне исторический мэтр Шико (1540 -1591) Антуан д'Англере́й, по другой версии Жан-Антуан д'Анжле́р – гасконский дворянин. Сначала служил солдатом под началом савойского маркиза де Вилара, который был отцом Мадлен Савойской, жены герцога Майенского. Позже служил королям Франциску II и Карлу IX, при которых занимал

¹²⁹ *Вальтер Скотт*. Айвенго, Собр. соч, т. 8/20, изд. «Валев», Минск, 1994.

весьма важные должности. Придворный шут французских королей Генриха Третьего Валуа и Генриха Четвёртого Бурбонского. Как пишет Александр Дюма, он был представлен во дворе Генриха Третьего после его коронации в 1574 году и заслужил благосклонность короля за то, что говорил ему правду. Многие авторы приводят его остроты, за которые его ненавидел весь двор. Но Шико был для короля Генриха Третьего не только шутком. Он был его лучшим советником, хотя сам не считал себя таковым (« Нет, не хочу быть советником, тогда мне придётся тебе во всём поддакивать »..)

В начале Шико был ярым католиком, и возможно даже принимал, вместе со своим братом Раймондом, участие в убийстве Франсуа де Ла Рошфюко, одного из лидеров гугенотов во время Варфоломеевской ночи. В 1574 году Шико получил звание лейтенанта. Он служил Генриху III с огромным усердием и преданостью во времена религиозных войн. Тем не менее, со временем его религиозная ревность стала умеренней, и он стал приверженцем религиозной терпимости.

В марте 1584 ему был пожалован королём аристократический титул. Шико оставался верным другом короля и после того, как Генрих был вынужден бежать из Парижа, и служил ему до убийства короля в 1589 году. Он известен своей жизненной силой и способностью схватывать вещи на лету, а также как великолепный сатирик. Это был единственный реальный придворный шут в своё время, который участвовал в военной и политической жизни и который носил шпагу, пользовался репутацией прекрасного фехтовальщика и солдата. После того, как королевская власть перешла к Генриху Четвёртому, Шико занял место шута при этом гасконце-короле. Он погиб в 1591 году. Во время осады Руана при Генрихе IV он захватил в плен одного из противников короля. При этом он не стал отнимать у него шпагу, а ввел в палатку короля со словами «Смотри, Генрих, что я тебе дарю». Пленник оскорбился и ударил его сзади эфесом по голове. Шико умер на месте (не дожив до запланированных Дюма-отцом лет). Впрочем, в романе «Сорок пять» у писателя он не просто не умирает, но, как и положено шуту и Трикстеру играет в собственную смерть:

«Голубоватый свет лампы потускнел. Она отбрасывала на потолок резного дуба лишь белесоватый круг, от которого отливала зеленью позолота резных выступов орнамента.

– Один! Опять один! – прошептал король. – Ах, верно говорит пророк: великие мира должны всегда скорбеть. Но ещё вернее было бы: они всегда скорбят.

После краткой паузы он пробормотал, словно читая молитву:

– Господи, дай мне силы переносить одиночество в жизни, как одинок я буду после смерти.

– Ну, ну, насчет одиночества после смерти – это как сказать, – ответил чей-то пронзительно резкий голос, металлическим звоном прозвучавший в нескольких шагах от кровати. – А черви-то, они у тебя не считаются?

Ошеломленный король приподнялся на своем ложе, с тревогой оглядывая все предметы, находившиеся в комнате.

– О, я узнаю этот голос, – прошептал он.

– Слава богу! – ответил голос.

Холодный пот выступил на лбу короля.

– Можно подумать – голос Шико.

– Горячо, Генрих, горячо, – ответил голос.

Генрих опустил с кровати одну ногу и заметил недалеко от камина, в том самом кресле, на которое час назад он указывал д'Эпернону, чью-то голову; тлевший в камине огонь отбрасывал на неё рыжеватый отблеск. Такие отблески на картинах Рембрандта выделяют на их заднем плане лица, которые с первого взгляда не сразу и увидишь.

Отсвет озарял и ручку кресла, на которую опиралась рука сидевшего, и его костлявое острое колено, и ступню, почти без подъема, под прямым углом соединяющуюся с худой, жилистой, невероятно длинной голенью.

– Боже, спаси меня! – вскричал Генрих. – Да это тень Шико!

– Ах, бедняжка Генрике, – произнес голос, – ты, оказывается, всё так же глуп?

– Что это значит?

– Тени не могут говорить, дурачина, раз у них нет тела и, следовательно, нет языка, – продолжало существо, сидевшее в кресле.

– Так, значит, ты действительно Шико? – вскричал король, обезумев от радости.

– На этот счёт я пока ничего решать не буду. Потом мы посмотрим, что я такое, посмотрим.

– Как, значит, ты не умер, бедняга мой Шико?

Шут Шико объясняет королю Генриху III, почему он предпочитает считаться мертвым, рис. А.Озаревской и А.Яковлева, 1981 г.

– Ну вот! Теперь ты пронзительно кричишь. Да нет же, я, напротив, умер, я сто раз мёртв.

– Шико, единственный мой друг.

– У тебя передо мной то единственное преимущество, что ты всегда твердишь одно и то же. Ты не изменился, чёрт побери!

– А ты, – грустно сказал король, – изменился, Шико?

– Надеюсь.

– Шико, друг мой, – сказал король, спустив с кровати обе ноги, – скажи, почему ты меня покинул?

- Потому что умер.
 - Но ведь только сейчас ты сам сказал, что жив.
 - Я и повторяю то же самое.
 - Как же это понимать?
 - Понимать надо так, Генрих, что для одних я умер, а для других жив.
 - А для меня?
 - Для тебя я мёртв.
 - Почему же для меня ты мёртв?
 - По понятной причине. Послушай, что я скажу.
 - Слушаю.
 - Ты в своем доме не хозяин.
 - Как так?
 - Ты ничего не можешь сделать для тех, кто тебе служит.
 - Милостивый государь!
 - Не сердись, а то я тоже рассержусь!
 - Да, ты прав, – произнес король, трепеща при мысли, что тень Шико может исчезнуть. – Говори, друг мой, говори.
 - Ну так вот: ты помнишь, мне надо было свести небольшие счета с господином де Майеном?
 - Отлично помню.
 - Я их и свел: отдубасил как следует этого несравненного полководца. Он принялся разыскивать меня, чтобы повесить, а ты, на которого я рассчитывал, как на защиту от этого героя, ты бросил меня на произвол судьбы. Вместо того чтобы прикончить его, ты с ним помирился. Что же мне оставалось делать? Через посредство моего приятеля Горанфло я объявил о своей кончине и погребении. Так что с той самой поры господин де Майен, который так разыскивал меня, перестал это делать.
 - Какое ужасное мужество нужно было для этого, Шико! Скажи, разве ты не представлял себе, как я буду страдать при известии о твоей смерти?
 - Да, я поступил мужественно, но ничего ужасного во всем этом не было. Самая спокойная жизнь наступила для меня с тех пор, как все считают, что меня нет в живых.
 - Шико! Шико! Друг мой! – вскричал король. – Ты приводишь меня в ужас, я просто теряю голову.
 - Эко дело! Ты только сейчас это заметил?»¹³⁰ И т.д.
- Дурак сопутствует королю, – пишет Трахтенберг, рассматривая роль шутов вообще – если король ведет себя, как глупец. Придворный скоморох становится похожим на тень короля. Только к тени приросли ослиные уши. За королем следует клоун, но вместе с ним плетется и злое воспоминание о

¹³⁰ *Александр Дюма*. Сорок пять. –М.: Художественная литература, 1981, СС. 122-124.

совершенных королем нелепостях. Тень не просто отбрасывается фигурой человека, но и вступает с ней в своеобразные отношения. Человек хохочет, слушая шутки собственной тени. Проходит время, человек перестает смеяться. Тень сказала ему то, о чем он уже начал догадываться, но в чем ещё боится признаться даже себе. Это уже не тень, а совесть. Дурак заговорил тайными мыслями короля. Тень то укорачивается, то удлиняется, она становится пародией на контуры тела, которое её отбросило. Но она отброшена телом, она неотделима от него.¹³¹

Ради полноты, по-видимому, следует добавить, что не только шут является основным действующим лицом европейского комического эпоса XIII-XVII вв. Обычно в фольклоре шут выступает в паре с плутом или дураком, либо попеременно становится тем или другим (что характерно именно для Трикстера-шута). Сам шут-Трикстер является центральной, снимающей противоречие между плутом и дураком, совмещающей в себе в ослабленном виде характеристики того и другого. Ярким тому примером выступает придурковато-плутоватый Труффальдино из Бергамо, маска итальянского комического театра эпохи Возрождения и столетия спустя, слуга двух господ в одноименной пьесе XVIII века Карло Гальдони.

«Слуга двух господ» – комедия, которая предназначена автором для игры на площади, на карнавале, когда актеры импровизируют, а публика вовлекается в действие.

III.3. Молла, ходжа, афанди – Насредин и суфии

Вернемся же к Насреддину, которого я уже не раз упоминал выше. Это персонаж, хорошо известный на Востоке по сей день. Разные народы знают его под всевозможными именами: узбеки и турки – как ходжу Насреддина, афганцы – как Насредина Афанди, азербайджанцы – как муллу (моллу) Насреддина. И именуя Насреддина муллой или ходжой, рассказчик подразумевал, прежде всего, то, что он является учителем, наставником, а значит и испытателем слушателя. Кроме того, если обратиться к 110 суре Корана – «ан-Наср», можно предположить, что «Наср» в имени героя дословно «помощь». «Эд-Дин» (араб.) – вера. Таким образом, Насредин – это нарицательное имя помощника веры, вероятно, суфия.

Суфизм – мистическое направление в исламе – зародился, вероятно, раньше самого ислама. Считается, что школ в суфизме столько, сколько суфиев. Остроумные притчи Насреддина, близкие по жанру к анекдоту, тем не менее, представляют собой традиционное явление в рамках евроазиатской культуры, начиная от тех же киников. Истории, связанные с именем Насреддина, являются определенными формулами для введения

¹³¹ *Трахтенберг Л. А.*, «Всешутейший собор» и связанные с ним празднества Петровской эпохи: проблемы происхождения» ...

слушателя в иное состояние ума, чем собственно, Трикстер и занимается. Насреддин, в баснях, по мнению исследователей суфизма, использует особую дервишскую технику, заключающуюся в том, что он играет роль обывателя, непосвящённого человека (суфии называют это «путём упрёка»), чтобы человек смог отразиться в ситуации, как в зеркале, и получить нужный урок. Его кажущиеся ненормальность и эксцентричность являются маской Трикстера, служащей для привлечения и фиксации внимания.

Образ неунывающего хитроватого героя типа Насреддина, путника на ишаке «исколесившем» половину Азии, владеющего всеми искусствами или ремеслами, включая остроумие и обольщение, характерен для большинства стран Востока (**см. признаки №№3-4**). Его могут и не именовать собственно Насреддином, а зовут Молла – у азербайджанцев, Афанди (Эфенди, Эпенди) – у таджиков и узбеков, Кемине (у туркмен), Джоха (у арабов), Насыр (у казахов) и т.д.¹³² Даже славяне Балкан, жившие долго под властью турок, имеют своего Насреддина – зовут его Хэро¹³³ из Герцеговины, он также веселый герой целого ряда бродячих сюжетов, сказок и анекдотов.

Басни и анекдоты Насреддина имеют хождение на Востоке и по сей день. Насчитывается несколько сотен анекдотов о Насреддине, и они продолжают множиться с учетом реалий времени, сейчас Насреддин уже «шутит» о мировой электронной паутине (Интернет).

Вот, кстати, два весьма показательных анекдота про Насреддина из газеты, которые в русской интерпретации звучат про малолетку Вовочку:

«Когда Насреддин учился в школе, учитель часто рассказывал детям о природе, о жизни на земле, о временах года, о смене дня и ночи. Как-то на уроке он сказал:

– Вот сейчас весна. Дни становятся длиннее, а ночи – короче. А через месяц, когда наступит лето, день удлинится на целый час.

Прошёл месяц. На уроке снова заговорили о временах года, и учитель вызвал Афанди:

– А ну, Насреддин, скажи нам: сколько часов в сутках?

– Сейчас сутки имеют двадцать пять часов, хотя в остальное время они состоят из двадцати четырёх, – бойко ответил Афанди.»

«– Кто старше? – спросили у Афанди. – Вы или ваш брат?

– В прошлом году мать говорила, что он старше меня на год, но ведь прошёл уже целый год, и теперь мы ровесники!»

Насреддин – любимец тюрков, особенно тех тюркских народов, чей язык относится к западно-хунской группе. Естественно, есть свой Насреддин и у

¹³² Двадцать три Насреддина...

¹³³ Сербские народные сказки. –М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956, СС.199-221.

поволжских татар, крымских татар и других татарских субэтносов. Только имена разные народы дали Насреддину свои. Однако они, эти имена, схожи и легко узнаваемы. Потому что если хорошо смеющийся человек – хороший человек, то хорошо смеющийся народ – хороший народ. А плохих народов никогда не было, нет и не будет. Поэтому Насреддин – общий и вечный.¹³⁴

Насреддин и его любимый ишак, рис. В.А.Гальбы, 1979 г.

Можно предположить, как и в случае с Диогеном и Уленшигелем, всплеск интереса к образу Насреддина наблюдается в переломные моменты истории, как то, например, распад халифата или завоевательные походы Тимура – с одной стороны, или социальные потрясения, типа революций – с другой стороны, когда народ, в среде которого бытует образ, противопоставляет трудностям периода духовную традицию смеха:

«Однажды Молла шёл в соседнее село. По дороге он купил арбуз. Разрезал его, половину съел, а другую бросил на дорогу и сказал про себя:

– Пусть тот, кто увидит этот арбуз, подумает, что здесь проходил бек.

Прошёл он немного, потом вернулся обратно, подобрал брошенную половину, съел и сказал:

– Пусть подумают, что у бека был слуга, который и съел эту половину.

Прошёл Молла ещё немного и, пожалев, опять вернулся, подобрал арбузные корки, съел их и сказал:

– Пусть подумают, что у бека был ещё и осёл.»

У народов Востока существует до сих пор обычай: тот, кто произносит имя этого героя, должен рассказать семь историй, а в ответ на это каждый слушатель также рассказывает семь историй. Считается, что семь

¹³⁴ Юсуф Визиров. О Насреддине из архива Ю.В.Чеменземинли //»Татарский мир», №7, 2002.

насреддиновских историй, изложенных в определённой последовательности, способны привести суфия к озарению и мгновенному постижению истины.

Возможно, что хотя Насреддин – это собирательный фольклорный образ, у него был так или иначе исторический прототип. Одним из претендентов является, например, Наср-Эд-Дин – ходжа и турецкий средневековый баснописец, живший в конце XIV – начале XV вв.¹³⁵ Хотя, вполне возможно, как показано выше, это не собственное имя баснописца, и семь городов Востока могут с таким же успехом спорить о месте его рождения, как делят славу рождения легендарного Гомера. Говорят, что родился турецкий Насреддин в Анатолийском местечке Сиврихисар, был кадием (народный судья), одно время преподавал, на что указывает его титул и умер в городе Агшихаре.

«Перу» турецкого Наср-Эд-Дина принадлежит «Лятаифи ходжа Наср-эд-дин» – сборник анекдотов (басен), сказок, который является переходной ступенью от народного комического устного эпоса к полукнижному юмору.¹³⁶

Самое широкое распространение лятаифи (анекдоты) получили, разумеется, в турецком быту, среди широких слоев города и деревни. Центральными действующими лицами лятаифи являются сам автор – ходжа, его сын – маленький Насреддин, его жена и его любимый осел. Нередко ходжа осмеивает в своих историях кади (судью), мухтара (старшину) и других представителей местной власти и духовенства,¹³⁷ включая самого Аллаха.

Сторонники другой гипотезы считают, что Мулла Насреддин жил при дворе арабского халифа Гарун-аль-Ра-шида и был выдающимся учёным своего времени. Но поскольку проповедуемое им учение подвергалось нападкам, он, спасая свою жизнь, притворился шутом и получил возможность свободно говорить то, что думал.

У исследователей «наследия» Насреддина¹³⁸ наиболее популярна гипотеза, что, всё-таки первый исторический Насреддин родился в Турции в городе Акшехире в 605 г. х. (1206 г), получил образование в Конье, жил в Кастамону и умер в Акшехире в 683 г. х. (1284–1285), причём дата на его могиле написана задом наперед, как и положено Трикстеру по статусу..

Жил он, стало быть, на изломе эпох, накануне вторжения монголов, и умер за сотню лет до Тимура, вместе с которым фигурирует в баснях

¹³⁵ *Гр.Янский*. Молла Насреддин//. Литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1934.

¹³⁶ *Смирнов В.* Очерк истории османской литературы, «Всеобщая история литературы», под ред. В. Ф. Корша и А. Кирпичникова, т. IV, СПб, 1892.

¹³⁷ Двадцать три Насреддина... СС.575-579.

¹³⁸ Анекдоты о ходже Насреддине. Пер. с турецк. В. А. Гордлевского, –М.: «Издательство восточной литературы», 1957, СС. 245-247.

традиционно. Таким образом и Тимур своего рода персонаж не исторический, а нарицательный, например:

«Однажды Тимур сказал Молле:

– Молла, мне нужен астролог в мой дворец, но нам никак не удаётся найти подходящего. Ты не сможешь быть астрологом?

– Смогу, – ответил Молла, – но только вместе с женой.

– Как так? – спросил Тимур.

– Так уж издавна повелось, – сказал Молла, – что моё мнение никогда не сходится с мнением моей жены. Вот, например, если я вечером, глядя на небо, говорю: «Завтра будет дождь», то она, посмотрев на облака, обязательно скажет: «Нет, дождя не будет». После этого каждый из нас твёрдо стоит на своём, и мы скорее умрём, чем уступим друг другу. Если она, предположим, скажет, что в этом году будет хороший урожай, то я непременно скажу: «Нет, не будет!» И вот уже несколько лет – я это заметил сам – сбываются или её слова, или мои. И ничего третьего не случается. Потому астрологом я могу быть только вместе с женой.»

В баснях о Насреддине и властителях особенно ярко проявляется его черта Трикстера, как того, кто снимает у сильного мира сего чувство его собственной значимости – то есть ворует у него Силу, как и отмечено в нашей классификации – это **признак №1** типичного Трикстера.¹³⁹ Например:

«Когда Молла Насреддин переселился из деревни в город, то несколько лет жил в разных домах. Наконец он скопил немного денег, одолжил кое у кого, и построил себе дом с очень маленькой кухней.

Об этом сообщили Тимуру, и тот, чтобы посмеяться над Моллой, собрал своих придворных и пришёл к нему.

Тимур оглядел комнаты и кухню и сказал Молле:

– Дом у тебя хороший, он вполне подходит тебе, вот только кухня мне совсем не понравилась. Разве можно делать такую маленькую кухню? В ней и двум мышам не разыграться – одна обязательно угодит в мышеловку.

– Размер моей кухни свидетельствует о величине моей любви к тебе, – ответил Молла.

– Я что-то тебя не понимаю, – сказал Тимур.

– Что же тут не понять? Если у таких людей, как я, будут большие кухни, то тогда у таких, как ты, не будет больших дворцов.»

В Турции басни о Насреддине были собраны и изданы в 1837-1838 г. Французский востоковед Малауф перевел их на французский язык и издал в Париже. Второе издание этого труда относится к 1859 г. Татарский текст анекдотов Насреддина был напечатан в 1845 году. Азербайджанцы стали

¹³⁹ Двадцать три Насреддина... СС.569-573.

печатать их гораздо позже, хотя Насреддин не менее популярен у них, чем в других Восточных странах.

Полагаю, что над большинством остроумий Насреддина смеялись во все времена, ибо глупость и чванство не знают старости. Вот по-прежнему актуальный анекдот, который относится к любому политику любой эпохи и любой страны:

«Как-то падишах спросил Насреддина: – Послушайте, кого вы больше всего уважаете? – Тех, кто расстилает передо мной богатый дастархан и не скупится на угощение. – Приглашаю вас завтра на угощение! – сказал падишах. – Ну, тогда я и вас начну уважать с завтрашнего дня!»

В ходе смутного времени с 1908 года до окончания реформ Кемаля во второй половине 20-х годов лятаифи стали настолько популярны, что при введении нового алфавита [конец 1928] турецкие газеты использовали их как учебный материал. На газетной полосе давали анекдот о ходже старым арабским шрифтом и рядом этот же текст – новым, латинским. Лятаифи ходжи Наср-Эд-Дина – одна из первых книг, напечатанных новым турецким алфавитом.

В анекдотах Насреддин выступает, как и античный Гермес, сперва мальчишкой-проказником, в том числе и в ипостаси своего собственного сына (**см. признак №7**).

«Когда Насреддин был молод, он однажды забрался в постель молодой мачехи. – Чего тебе надо? – удивилась она. – Да ты разве не видишь? – спросил он. – Я – это мой отец.»

Зрелый Насреддин выступает против молодого Насреддина, который всё делает наперекор отцу: идеома «я – это мой отец».¹⁴⁰ Например:

«Однажды Молла послал сына на базар за спичками. Сын купил их и принёс.

– Купил? – спросил Молла.

– Купил, – ответил сын.

– Ну ладно, а они не отсыревшие?

– Нет, они загораются хорошо.

– Откуда ты это знаешь?

– Когда покупал, то зажигал их все одну за другой, проверил и только потом взял».

«Насреддин шёл с сынишкой, когда навстречу им попала похоронная процессия. Сын спросил: – Что несут на носилках? – Человека. – А куда его несут? – Человека несут в жилище, где нет ни золота, ни серебра, ни кушаний, ни напитков, ни одежды, ни хлеба. – Разве его несут к нам домой? – удивился мальчик».

¹⁴⁰ Молла Насреддин. Пер. с перс. Н. Османова, –М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1970, С.144.

Что, впрочем, характерно и для Уленшпигеля, не только показывающего зад согражданам (№2), но и путем разных проделок и краж помогающий матери-вдове (№3,5-9).¹⁴¹ Вот весьма характерный ещё один традиционный фрагмент, в котором бы ничего не изменилось, если бы имя героя было не Уленшпигель, а Насреддин.

«– Отчего это у тебя здоровенная кружища, а у меня махонький стаканчик? – спросил Уленшпигель отца, который отхлебывал пиво.

– Оттого что я твой отец и набольший в доме, – отвечал Клаас.

– Ты пьешь уже сорок лет, а я всего только девять, – возразил Уленшпигель, – твоё время прошло, моё начинается, значит, мне полагается кружка, а тебе стаканчик.

– Сынок, – сказал Клаас, – кто захочет влить в бочонок целую бочку, тот прольёт пиво в канаву.

– А ты будь умней и лей свой бочонок в мою бочку – я ведь побольше твоей кружки, – отрезал Уленшпигель.»¹⁴²

Насреддин-мальчик отличается от взрослого Насреддина тем, что не попадает впросак, во всем остальном – это всё тот же шут, только маленький.

«Насреддин поучал сына и говорил: – Примерный сын должен слушаться родителей и не завидовать брату из-за лучшего куска или платья. Поступай так, и все будут любить тебя. – Дорогой отец, – отвечал сын, – я буду послушным сыном, а брат пусть отнесет к себе часть твоих советов: пусть все любят его, а лучшая одежда и еда достанутся мне».

Маленький сын Насреддина: лентяй, посылающий на работу вместо себя брата (№124); гиперсексуальный «Вовочка», который уже в детском возрасте не прочь жениться (№136); проказник, сжигающий все спички, проверяя их (№126); насмешник, который своим поведением ставит в неловкое поведение самого Тимура (№125). На упрек муллы, что «чаще всего острые умом дети вырастают круглыми идиотами», маленький Афанди отвечает, что «уважаемый учитель в детстве наверняка был очень умен» (№12).¹⁴³

Иногда Насреддин использует своего сына для суфийского урока, как в этом случае:

«Посылая сына с глиняным кувшином по воду, Насреддин Афанди дал ему затрецину и сказал:

¹⁴¹ Тиль Уленшпигель/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... С.310.

¹⁴² *Шарль де Костер*. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях. Пер. с фр. – Н.Любимов. – М., «Художественная литература», 1983.

¹⁴³ Двадцать три Насреддина...

– Смотри у меня, не разбей кувшин!

Жена Афанди возмутилась:

– За что вы бьёте ребёнка? Ведь кувшин-то цел.

– Ничего ты не понимаешь, жена! – ответил Афанди. – Какая польза бить его после того, как он разобьёт кувшин?»

Это весьма тонкий намек и на многих сильных мира, как и в следующей истории:

«Рано утром соседи застали Моллу Насреддина горько рыдающим возле своего дома.

– Что случилось, что тебя так опечалило? – спросили соседи.

– Ишак, – ответил Молла Насреддин. – Он околел.

– Подумаешь, беда, – успокоились соседи. – Купишь себе нового.

– Такого не будет, – молвил Молла. – Мой ишак был единственный в мире не кушающий ишак.

– Так не бывает, – возмутились соседи.

– Нет, бывает, – воспротивился Молла. – Десять дней назад я забыл покормить ишака. Он промолчал.

На следующий день я опять забыл его покормить. Он опять промолчал. Увидев такое, я перестал его кормить вообще. Ишак молчал. И только он научился ничего не кушать, как взял и околел. Где я теперь найду такого?»

Насреддин и игроки, рис. В.А.Гальбы, 1979 г.

«Однажды Хуже Насреддину был нужен котёл. Вот он пошёл к соседу и выпросил котёл. Через некоторое время он отнёс обратно не один котёл, а два: второй был маленький. Сосед спросил его, почему он принёс два котла.

– Второй – сын вашего котла: он родился у нас! – ответил Хужа.

Сосед удивился, но взял оба котла.

Прошло недели две. Хужа опять пришёл за котлом. Сосед с радостью дал ему большой котёл. Он думал, что Хужа опять принесёт два котла. Но случилось не так. Хужа котёл не несёт. Сосед пошёл за котлом сам, а Хужа говорит ему:

– Твой котёл помер!

Сосед удивился и сказал:

– Котёл не может умереть!

Хужа Насрэддин, засмеявшись, ответил:

– А как же ты поверил, что твой котёл родил?

Так вместо маленького котла добыл себе Хужа большой котёл».

Насрэддин как Трикстер **по признаку №5** проявляет гиперсексуальность, у него подчас несколько жен и несколько дочерей (№141), зерно Насрэддина съели не мыши, а дети(№157), он не прочь поменять жену на календарь, потому что каждый год его заменяют новым(№36); готов взять несколько жен, если в одной нет нескольких качеств(№46); собирается жениться на старости вновь, так как зимой огонь нужней(№55); во время очередных родов, гасит свечу, лишь бы жена больше не рожала(№112); идет сватать за друга, но сам объясняется в любви(№32) и т.д.

«Какая ты у меня хорошая да пригожая! Что бы я делал, если бы Аллах не создал тебя, – сказал как-то Насрэддин своей жене. – Наверное, век бы не женился ни на ком. – А что бы ты делал, если бы Аллах создал двух таких, как я? – Взял бы обеих в жены, – не задумываясь, ответил Насрэддин (№45).¹⁴⁴

«Во сне Насрэддину приснилась соседка-вдовушка. Она до того была нежна и красива, что он не утерпел и, прижав её к груди, поцеловал в губы. Так это ему понравилось, что он попытался поцеловать её во второй раз, как вдруг проснулся от здоровенной оплеухи. Видит – лежит рядом с ним его собственная жена. – Как вам не стыдно! – сказала она возмущённо. – Вы мне чуть ухо не откусили! – Извини, жена, вина не моя, – пробормотал сконфуженно ходжа. – Это всё соседка виновата!»

«Как-то переезжал Насрэддин из одного города в другой, и соседи увидели, что всё имущество его – две подушки и два одеяла. – Что же это, ходжа, столько лет вы жили с женой, а ничего, кроме этого не нажили! – Нажили мы имущества много, да дочерей у нас было ещё больше.»

Насрэддин по тому же признаку, как Трикстер, проявляет обжорство – именно в этом искусстве соревновался Локи с огнем в «Старшей Эдде»:

¹⁴⁴ там же...

сожалеет, что у него не шесть пальцев, не три руки и что он может проглатывать лишь по два куска(№201); готов умереть от обжорства (№№205, 209), садится за стол незванный ссылаясь на долг вежливости или знакомство с пищей(№№210,211) и т.д.¹⁴⁵

Согласно **признаку №6** нашей классификации Насреддин – лицедей, он играет роль, он создает образ, наиболее удобный для того, чтобы донести слушателю ту или иную мысль, при этом Насреддин, как правило, выступает возмутителем спокойствия и нарушителем существующих порядков. Как лекарь он лечит, как больной он болеет и умирает (СС. 579-580). Он то судит, то сам оказывается подсудимым (СС. 573-575). Выступает то как мудрец, то как невежа (СС. 567-569), оставляет в дураках и сам проявляет себя «глупцом», шутит, но и оказывается жертвой шутки (СС. 557-567). Он торгует – лишь бы торговать, и покупает – лишь бы купить (С. 555).¹⁴⁶ Он бывает и беден и богат. Он ворует, что почему-то с легкой руки Соловьева за Насреддином не признается (С. 556-557), но и оказывается обворованным:

«Однажды ходжа вошел в лавку халвовщика. Не оборачиваясь по сторонам, он направился прямо к прилавку и принялся уписывать халву. Продавец на него набросился: – Эй ты, по какому праву ты лопаешь халву даром у правоверного мусульманина? Так говоря, он начал избивать ходжу. А тот невозмутимо ответил: – Что за прекрасный человек – он силой заставляет человека есть халву!»

«Сосед увидел у себя в огороде Ходжу Насреддина, который рвал репу. Дул сильный ветер. – Что вы делаете, ходжа? – закричал сосед. – Разве вы не видите, какой сейчас ветер. Вот я и держусь за вашу репу, чтобы ветром не сдуло.»

Вот ещё весьма характерный бродячий сюжет, пересказанный с участием Насреддина на Востоке, прощелыги-мужика или чёрта – у славян¹⁴⁷:

«Жил-был человек по прозвищу Марко-Черт. Он давно задолжал одному человеку, но долга не возвращал. Наконец, тому надоело ждать, и, встретив его, он спрашивает:

– Когда ты вернешь долг?

– Да я готов хоть сейчас, только вот беда – денег при себе нет, – отвечает Марко-Черт.

– У тебя всегда один и тот же ответ. Знаешь что, пойдём-ка в суд. Судья назначит срок, и ты должен будешь мне заплатить.

Марко-Чёрт покосился на него и говорит:

¹⁴⁵ там же...

¹⁴⁶ там же...

¹⁴⁷ Сербские народные сказки... СС.222-223.

– Да ты в уме? Не могу же я идти в суд в таких отрепьях!

Что ты будешь делать! Дал человек Марку-Черту свою одежду, чтобы тот пошел в суд, а потом вернул ему.

Приходят они в суд. Только истец начал говорить, как Марко-Чёрт перекрестился и в изумлении говорит судье:

– Сохрани меня бог, я ему не должен. Я думал, что он привел меня сюда по другому делу. Не верьте ему, господин судья! Он способен сказать, что и одежда на мне тоже принадлежит ему.

А человек растерялся от удивления и говорит:

– Ну конечно это моя одежда!

– Вот видите, господин? Что я говорил?

И судья, не разобрав, где истина, выгнал обоих».

Подставьте в эту сербскую быличку вместо имени Марко – «Насреддин», и вы получите историю из жизни этого ходжи.

Или вот, возьмите герцеговинца Хэро¹⁴⁸ из нижеследующий истории – это всё тот же вечный Насреддин:

«Пас Херо коров кадия (турецк.:судья). В стаде была и его собственная корова. Как-то коровы подрались, и корова Херо забодала корову кадия. Пастух побежал к кадию.

– Благородный эфенди! Твоя корова забодала мою.

– А кто виноват? Что, их кто-нибудь раздражил, что ли?

– Нет, никто. Сами сцепились.

– Ну что ж! Для скотины суда не бывает.

– Да нет, ты послушай, эфенди, что я говорю: моя корова забодала твою, – говорит Хэро.

– А-а! Погоди-ка, я погляжу в коран. – И кадий потянулся за книгой. Но Хэро схватил его за руку:

– Не смей! Раз ты насчет моей коровы не смотрел в коран, то и насчет своей нечего тебе смотреть».

Насреддин соответствует в полной мере Трикстеру и в сюжетах о собственной смерти: носит сам по себе траур (№1098); опоздав на чужую панихиду, надеется побывав на собственной (№1099); просит похоронить себя вниз головой или в незамурованной могиле(№№1110-1111); просит написать на могиле, что он умер, не родившись(№1113), ищет более здоровое место для собственной могилы(№1100); дурачит Азраила, откладывая свою смерть, и Аллах признает правоту Насреддина (№1118); является к согражданам и после смерти, нарушая спокойствие мира

¹⁴⁸ Сербские народные сказки...С.221.

смертных людей, которых он столько раз дурачил и смешил при жизни (№1119).¹⁴⁹

За много тысяч верст от арабского Востока, да и в совершенно иную эпоху, писатель Дюма вывел Трикстера – это коллективное бессознательное (вспомним утверждение Юнга, что «психические структуры (архетипы), присутствуют в каждом из нас») – под маской шута Шико, объявившего себя Тенью (короля), как было показано:

«Да не посетуют на нас те из читателей, которые из склонности своей к чудесному поверили бы, что мы возымели дерзость ввести в свое повествование призрак. Шико был существом из плоти и крови. Выказав, по своему обыкновению под видом насмешек и шуток, всю ту правду, которую ему хотелось довести до сведения короля, он покинул дворец.

Вот как сложилась его судьба.

После смерти друзей короля, после того, как начались смуты и заговоры, возбуждаемые Гизами, Шико призадумался.

Храбрый, как хорошо известно читателю, и беспечный, он тем не менее весьма дорожил жизнью: она забавляла его, как забавляет все избранные натуры.

В этом мире одни дураки скучают и ищут развлечений на том свете.

Однако же после некой забавы, о которой нами было упомянуто, он решил, что покровительство короля вряд ли спасет его от мщенья со стороны г-на де Майена. Со свойственным ему философским практицизмом он полагал, что, если уж в этом мире нечто физически свершилось, возврата к прежнему быть не может и что поэтому никакие алебарды и никакие трибуналы короля Франции не зачинят даже ничтожнейшей прорехи, сделанной в его куртке кинжалом г-на де Майена.

Он и принял соответствующее решение, как человек, которому к тому же надоела роль шута и который всё время стремится играть вполне серьезную роль, надоело и фамильярное обращение короля – времена наступили такие, что именно оно-то и грозило ему верной гибелью.

Он поэтому начал с того, что постарался, насколько было возможно, увеличить расстояние между своей шкурой и шпагой г-на де Майена.

Осуществляя это намерение, он отправился в Бон с тройной целью – покинуть Париж, обнять своего друга Горанфло и попробовать пресловутого вина розлива 1550 года, о котором шла речь в письме, завершающем наше повествование «Графиня де Монсоро».

Надо сказать, что мера эта оказалась вполне действенной: месяца через два Шико заметил, что он толстеет не по дням, а по часам и что одного этого достаточно, чтобы он стал неузнаваем. Но заметил он также, что,

¹⁴⁹ Двадцать три Насреддина...

толстя, уподобляется Горанфло гораздо больше, чем это пристало бы человеку с головой.

И дух возобладав над плотью.

Осушив несколько сот бутылок знаменитого вина 1550 года и поглотив двадцать два тома, составлявших монастырскую библиотеку, откуда априори почерпнул латинское изречение; «Bonum vinum laetificat cor hominis»,¹⁵⁰ Шико почувствовал великую тяжесть в желудке и великую пустоту в голове.

¹⁵⁰ Доброе вино веселит сердце человека (лат.).

*Герои романов А.Дюма-отца, Шут Шико и монах Горанфло,
рис. А.Озаревской и А.Яковлева, 1980 г.*

«Можно, конечно, было бы постричься в монахи, – подумал он. – Но у Горанфло я буду уж слишком по-хозяйски распоряжаться, а в других аббатствах – недостаточно. Конечно, ряса навсегда укроет меня от глаз господина де Майена, но, клянусь всеми чертями, – есть же, кроме самых обычных способов, и другие: поразмыслим. В другой латинской книжке – правда, не из библиотеки Горанфло, я прочитал: «*Quaere et invenies*».¹⁵¹

Шико стал размышлять, и вот что пришло ему в голову. Для того времени мысль была довольно новая. Он доверился Горанфло и попросил его написать королю: письмо продиктовал он сам.

Горанфло, хоть это и далось ему нелегко, всё же под конец написал, что Шико удалился к нему в монастырь, что, вынужденный расстаться со своим повелителем, когда тот помирился с г-ном де Майеном, он с горя заболел, пытался бороться с болезнями, кое-как развлекаясь, но горе оказалось сильнее, и в конце концов он скончался.

Со своей стороны и Шико написал королю.

Письмо его, датированное 1580 годом, разделено было на пять абзацев.

Предполагалось, что между каждым абзацем протекал один день и что каждый из них свидетельствовал о дальнейшем развитии болезни.

Первый был начертан и подписан рукою довольно твердой.

Во втором почерк был неуверенный, а подпись, хотя ещё разборчивая, представляла собой каракули.

Под третьим стояло Шик...

Под четвертым Ши...

И наконец, под пятым Ш и клякса.

Эта клякса, поставленная умирающим, произвела на короля самое тягостное впечатление. Вот почему он принял Шико за явившуюся ему тень.

Можно было бы привести здесь письмо Шико, но, как сказали бы мы сейчас, Шико был человек эксцентричный, а так как стиль – это человек, эпистолярный стиль Шико был настолько эксцентричен, что мы не решаемся привести здесь это письмо, какого бы эффекта от него ни ожидали».¹⁵²

* * *

Итак, на примерах Диогена Синопского, Уленшпигеля, шутов Средневековья, как реальных, так и вымышленных, и Насреддина был рассмотрен архетип «Трикстер». Показано, что ранее выделенные основные черты и функции Трикстера классического мифа, участника Творения мира богом-демиургом, практически сохраняются у Трикстера эпохи смены

¹⁵¹ Ищи и придумаешь (лат.).

¹⁵² Александр Дюма. Сорок пять. –М.: «Художественная литература», 1981, СС. 144-146.

старой и Творения новой социально-культурной формации и представлены в традиционном фольклоре народов Европы и Азии.

ЧАСТЬ IV. ГЕРМЕС и ОДИССЕЙ — ТРИКСТЕРЫ АНТИЧНОСТИ. ЭПИГОНЫ и ПРЕДШЕСТВЕННИКИ.

Созидательные и разрушительные аспекты Трикстера находятся друг с другом в постоянном противоречии, но только в единстве и борьбе этих противоположностей образ Трикстера динамичен и живуч.

Обратимся к образу классического Трикстера античности – богу Гермесу и его хитроумным потомкам.

IV.1. Бог-трикстер Гермес-Меркурий

Наиболее полным образом Гермес охарактеризован ещё в Гомеровских гимнах:

*«ловкач изворотливый, дока,
Хитрый пролаз, быкокрад, сновидений возжатый, разбойник,
В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
Много преславных деяний явить меж богов предстояло.
Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрал коров у метателя стрел, Аполлона;
Было четвертого это числа, как явился он на свет».*¹⁵³

¹⁵³ Гомер. III. К Гермесу, 13-19.

Гермес – «выдумщик хитрый», «облеченный бесстыдством», «предводитель жуликов», «глава воров», «многохитрый» «с коварно ласкательной речью», «черной ночи товарищ, скоторез, товарищ пирушки».¹⁵⁴

Многоразумный Аполлон так характеризует своего брата, жалуясь на него вседержавному Зевсу:

*«... нашёл я в горах Килленийских
Этого вот негодяя мальчишку – плута продувного.
В мире мошенников много, – такого, однако, ни разу
Ни меж бессмертных богов, ни меж смертных людей не встречал я».*

155

Гермес «любосмешник» издевается над Афродитой, ссоря её с Афиной¹⁵⁶, «Гермес – боговидный обманщик, он о родителе Дие солгал».¹⁵⁷

Гермес юнец и проказник пред такими могущественными богами, как Зевс и Аполлон, но в такой ипостаси он может их безнаказанно дурачить. Это шут олимпийских богов, его действия среди олимпийцев вызывают у богов смех.¹⁵⁸

Вот шуточный диалог о Гермесе у Лукиана:¹⁵⁹

(1) Гепест. Аполлон, ты видел новорожденного ребенка Майи? Как он красив! И всем улыбается. Из него выйдет что-нибудь очень хорошее: это уже видно.

Аполлон. Ты ожидаешь много хорошего от этого ребенка? Да ведь он старше Иапета, если судить по его бессовестным проделкам!

Гепест. Что же дурного мог сделать новорожденный ребёнок?

Аполлон. Спроси Посейдона, у которого он украд трезубец, или Ареса: у него он тайком вытащил меч из ножен, не говоря уже обо мне, у которого он стащил лук и стрелы.

(2) Гепест. Как?! Новорожденный ребёнок, ещё с трудом держащийся на ногах?

Аполлон. Сам можешь убедиться, Гепест: пусть он только к тебе подойдет.

¹⁵⁴ там же, 155, 175, 290, 292, 317-319, 446.

¹⁵⁵ там же, 336-339.

¹⁵⁶ Нонн Панополитанский. Деяния Диониса, XXIV, 299-326.

¹⁵⁷ там же, IV, 50.

¹⁵⁸ Гомер. «Одиссея», VIII, 330 сл.; Гомер. XIX. К Пану, 1 сл.; Гомер. III. К Гермесу, 280-281, 335, 387-389.

¹⁵⁹ Luciani Deorum dialogi. Ibid. VII («Гепест и Аполлон»)

Гефест. Ну, вот он и подошел.

Аполлон. Что же, все твои орудия на месте? Ничего не пропало?

Гефест. Все на месте, Аполлон.

Аполлон. Посмотри хорошенько.

Гефест. Клянусь Зевсом, я не вижу щипцов!

Аполлон. Увидишь их – в пеленках мальчика.

Гефест. Вот ловкий на руку! Слово он уже в утробе матери изучил воровское искусство.

(3) Аполлон. Ты не слышал ещё, как он уже говорит, быстро и красноречиво. И прислуживать нам уже начинает. Вчера он вызвал Эрота на борьбу и в один миг победил его, не знаю – каким образом, подставив подножку; а потом, когда все стали его хвалить и Афродита взяла его за победу к себе на руки, он украл у неё пояс, а у Зевса, пока он смеялся, стащил скипетр; и если бы перун не был слишком тяжёл и не был таким огненным, он, наверно, стащил бы и его.

Гефест. Да, это какой-то чудесный мальчик!

Аполлон. Мало того, он ещё и музыкант.

Гефест. А это ты из чего заключаешь?

(4) Аполлон. Нашёл он где-то мёртвую черепаху – и вот сделал себе из неё музыкальный инструмент: прикрепил два изогнутых бруса, соединил их перекладной, вбил колки, вставил кобылку, натянул семь струн и стал играть очень складно, Гефест, и умело, так что мне приходится завидовать ему; а ведь сколько времени я уже упражняюсь в игре на кифаре! Это ещё не все. Майя рассказывала, что он ночью не остается на небе, а от нечего делать спускается в преисподнюю, очевидно с тем, чтобы и оттуда что-нибудь стащить. И крылья есть у него, и он сделал какой-то жезл, обладающий чудесной силой: с его Помощью он ведет души и спускает умерших в подземное царство.

Гефест. Я дал ему этот жезл поиграть.

Аполлон. За это он прекрасно отблагодарил тебя...»

Но своему потомку Одиссею, героям Персею, и даже мудрому старцу Приаму Гермес является уже сам великим волшебником и магом, а не мальчишкой, только выбравшимся из пелёнок, куда прячет ворованное.¹⁶⁰

¹⁶⁰ Известны различные античные изображения Гермеса, скульптура и изображения на вазах, как правило они двух типов – это безбородый оголенный юноша с одной стороны, и бородатый зрелый мужчина, завернутый в плащ и с широкополой шляпой на голове, держащий жезл в руке. Кстати, второе можно сравнить с описанием Одина. Гермеса также изображают со шлемом Аида на голове и бегущим в крылатых сандалиях. Антропоморфные гермы также изображают бородатого зрелого мужчину-Гермеса.

Он же у Эсхила¹⁶¹ помогал Оресту, сыну Агамемнона, убежать от мстительных Эриний¹⁶², чего не способен сделать сам Аполлон:

«89. Аполлон:

*...Ты ж, бог-вожатый, брат единокровный мой, -
Зане мы, Гермий, – Зевсовы, и ты слывешь
Спасителем скитальцев, – упаси его
В путях опасных! Отчий осыяти устав
Страннопримство; страннику будь пастырь ты!»*

Игрок и перевертыш, бог оборотень, юнец и мудрец, Гермес тем самым появляется на свет для нарушения сложившихся устоев и традиций, он привносит элемент хаоса в существующий порядок, способствует деидеализации, превращению мира идеального в реальный.

*«Оному имя «Гермес-благодаеть» измыслил родитель:
Всех – и бессмертных богов, и людей, умиранью подвластных,
Он превзошел в мастерстве воровства и искусстве наживы»¹⁶³.*

Гермес, как и Один, оборотень. Никто не сравнится из олимпийцев с Эрмием в этом искусстве. Вот весьма характерный эпизод, когда Гера вознамерилась погубить Вакха и была обманута коварным богом¹⁶⁴:

*«(137) ...Гермес же малютку
Подхватил и в отрогах лесистых укрыл Кибелиды.
Резвоплесничная Гера прянула быстрой стопою,
Неустанная, с неба – Гермес её опережает!
Фанеса принял он облик, перворождённого бога...
Из уваженья к древнейшим богам свой шаг замедляет
Гера, сияньем лучистым обманута мнимого лика,
Образ лживый не мысля в искусном явленье увидеть...»*

*(155) ... Молвил Гермес быстроногий и прянул в высокое небо,
Крылья расправив в воздушных потоках веющих ветров.
Древлерождённого Фанеса лик благородный оставил,
Принял он, возвращаясь, облик первоначальный».*

¹⁶¹ Эсхил. Трагедии. М.: Наука, 1989.

¹⁶² Эсхил. «Эвмениды».

¹⁶³ Евмел. «Форонида», 35.

¹⁶⁴ ...»Деяния Диониса», IX.

*(233) ... Гермес, превратился в подобье бога Арея,
Дабы у Геры богини молоком её напитаться!»*

*«Бойся козней Гермеса, бычьего вора, украл бы
Он и отца родного, сочтя его телкою, дабы
Фебу, Зевесову сыну, снести кифару как выкуп
От воровавшего вора».*¹⁶⁵

Гермес – конечно, и тот, тот, кто не упускает выгоды и способствует выгоде чтящих его – как торговцев, так и воров. *«Первая в мире лира затем была обменена на коров у Аполлона. Самых коров Гермес у Аполлона выкрал, а чтобы они не оставляли следов, надел им на копыта сандалии. Гермес изобрел и свирель, которую опять-таки у него выменял Аполлон на золотой жезл и искусство гадания».*¹⁶⁶

Гермес на овне, античное изображение

¹⁶⁵ Нонн Панополитанский. «Деяния Диониса», I, 338-341.

¹⁶⁶ Аполлодор. Мифологическая Библиотека. III. X. 2.

Гермес помог Персею найти и убить своим волшебным мечом Горгону Медузу, а также получил от Персея, после свершения им подвига, предметы грай – летучие сандалии, сумку и шапку-невидимку.¹⁶⁷

*«Прежде обычаем было призвать в помощь чародейству Меркурия. Вожатого заклятий»*¹⁶⁸

*«41. Миф рассказывает, что Геракл, обосновавшись на Солнце, странствует вместе с ним, а Гермес – с луной. И проявления луны подобны проявлению разума и совершенной мудрости...»*¹⁶⁹

*«... всех состязаний земных покровитель, исполненный силы.
О Добродушный, в делах подающий советы благие,
вестник, пророк, проводник...»*¹⁷⁰

*«Сердце всевластно твое, мудрец, предводитель, царь смертных,
Вестник, гонец, пестроумный, о крылатый посланник,
Логоса смертным пророк, ты любишь людей, упражняея,
Любишь обман, змееносец; всё объяснить ты умеешь,
Прибыль приносишь купцам, ты можешь заботы развеять...»*¹⁷¹

«В играх Гермес покровитель» или же *«Гермес-состязатель»*.¹⁷²

*«Вот Гермес быстрокрылый стремительно прынул с Олимпа,
Приняв на время битвы Бромия лик и подобье,
Голосом тайных обрядов воззвал он к войску вакханок.
Только лишь вяли девы гласу Эвия-бога,
В месте едином собрались, из путаницы переулков
Меналидское племя обходными путями
Вывел Резвоплесничный к городским укреплениям,
Стражей у стен стоящих бессонно бдящие очи
В сладостный сон погружает всечарующим жезлом
Тать Гермейас, в ночи поводырь – и пала внезапно
Тьма ночная на индов (невидимые вакханки
Видели все при свете), и дев, бесшумно бегущих,*

¹⁶⁷ там же, II. IV. 2-3.

¹⁶⁸ Апулей. «Апология или о магии», 31.

¹⁶⁹ Плутарх. «Об Исиде и Осирисе», 41.

¹⁷⁰ Орфический гимн «Гермесу»/ Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. –М.: «ЭКМО-Пресс, 2001, С.152.

¹⁷¹ XXVIII. Гермесу (с воскурением ладана)/ Книга Орфея. –М.: Издательство Духовной Литературы «Сфера», 2001. N.71.

¹⁷² Пиндар. Первая Истмийская песня. 4а, 61.

*Тайно вел через город Гермес, в ход крыла не пуская;
Вот уж божественной дланью он открывает запоры
На вратах в укрепленьях и к солнцу вакханок выводит!
... тьму колдовскую рассеял Гермес светоносный...».*¹⁷³

*Тебя называют
«Тот, кто предсказывает судьбы» и «Божественный сон»,
Ты, днем и ночью посылающий нам предсказания!
Излечи все страдания мёртвых своими средствами.
Приди, блаженный, превеликий сын Памяти,
совершающий её наброски».*¹⁷⁴

Это, конечно уже поздняя Традиция, но, как я предполагаю, не прерывающаяся!

*«Дело имеет Гермес и с людьми, и со всеми богами.
Пользы кому-либо мало дает, но морочит усердно
Смертных людей племени, укрываемый темною ночью.»*¹⁷⁵

Но это последнее утверждение Гомера само по себе противоречиво уже у Гомера в том же гимне: *«трудолюбец, искусник»*.¹⁷⁶

Таковым искусником у греков, кроме Гермеса, является также Прометей, наделивший людей многими знаниями и ремеслами.

Именно Прометей единственный, кто не поддался на уловки красноречивого Гермеса, потому что сам не лишен трикстерных качеств.

Гермес зовет Прометея хитрецом, насмешником сверхнасмешливым, предателем богов и вором огня¹⁷⁷, а также бесноватым, одержимым, безумцем, глупцом, болтуном и бахвалом.¹⁷⁸

Прометей не остается в долгу, величая Гермеса хвастуном, выскочкой и прихлебателем и прислужником богов¹⁷⁹, вот рядом с каким героем Гермес кажется в самом деле мальчишкой.¹⁸⁰

¹⁷³ *Нонн Панополитанский.* «Деяния Диониса», XXXV, 226-241.

¹⁷⁴ «Гимн Гермесу», PGM.V, 400-423. цит. по: Гермес Тризмегист и герметическая традиция востока и запада, –М.: Алетейя, Киев.: Ирис, 1998.

¹⁷⁵ *Гомер.* III. К Гермесу, 576-578.

¹⁷⁶ *там же*, 446.

¹⁷⁷ *Эсхилл.* «Прикованный Прометей». 944-946.

¹⁷⁸ *там же*, 1055–1059.

¹⁷⁹ *там же*, 953-955.

¹⁸⁰ *там же*, 998.

Однако сам по себе, не в тени героического Прометея, одного из последних Титанов, Гермес – сам господин многих искусств, мастер на все руки, добытчик знаний и инициатор мифологического действия.

Именно с Меркурием-Гермесом сравнивает Цезарь¹⁸¹ бога галлов (вероятно Тевтата или Цернунна): *«Из богов они больше всего почитают Меркурия. Он имеет больше, чем все другие боги, изображений; его считают изобретателем всех искусств, он же признается указывателем дорог и проводником в путешествиях; думают также, что он очень содействует наживе денег и торговым делам. Вслед за ним они почитают Аполлона, Марса, Юпитера и Миневру, об этих божествах они имеют приблизительно такие же представления, как остальные народы...»*¹⁸²

Известно, что Гермес *«открыл способ рассуждать, определил для всего сущего порядок названий, благодаря которому мы и обозначаем каждую из вещей при общении друг с другом»* (язык).¹⁸³ Он – очиститель от скверны.¹⁸⁴

*«75. (1) Гермесу приписывают происходящие во время войны переговоры, заключение мира и союза, символом чего является жезл, который носят ведущие переговоры об этом и благодаря которому, оказавшись среди противников, не подвергаются опасности. Поэтому Гермеса и называют Общим, поскольку старающиеся о мире во время войны приносят пользу для обеих сторон. (2) Говорят, что Гермес первым установил систему мер и весов, а также понятие прибыли от торговли и умение тайно присваивать принадлежащее другим.»*¹⁸⁵ Миф гласит, что Гермес стал глашатаям богов, а также великолепным вестником, благодаря своему умению ясно истолковывать все, что содержалось в данном наказе. Поэтому он и получил такое имя, не будучи изобретателем имен и слов, как говорят некоторые, но разработав более других искусство передавать четко и ясно то, что содержится в

¹⁸¹ Гай Юлий Цезарь. Галльская война/ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей, т.1-2, М: РИА День, 1991.

¹⁸² «Записки о галльской войне» VI. 17.

¹⁸³ Диодор Сицилийский. Историческая Библиотека. V. 67. (3).

¹⁸⁴ Аполлодор. Мифологическая Библиотека. II. I. 5.

¹⁸⁵ Одно из древних русских именовании вора – *тать*; имеет, вероятно, индоевр. Характер происхождения (ср. др.-инд. (s)ṭajus – «вор, злодей»). От того же корня, что и *тать*, образовано посредством суфф. -j- слово *тай* – «тайный». Трикстер не стремится *утаить* украденное и сам факт воровства, хотя стремится тайно украсть, чтобы потом похвалиться содеянным. Он связан с тайной как таковой – своим присутствием и участием в Начале Всего и соответственно – знанием Тайны Тайн и всех прочих тайн.

сообщении. (3) Стал он также учредителем искусства борьбы, а кроме того впервые смастерил из панциря черепахи лиру...»¹⁸⁶

Орфический гимн «Гермесу» свидетельствует:

*«... к людям на помощь спешит, избавляя от бедствий жестоких.
Вооружающий речь всемогущим оружием смысла...»*

Там же находим:

*«... верный защитник людей, прорицатель божественной воли.
Хитрого замысла друг, толкователь оракулов чистых.
Ты – воспитатель – от всех многочисленных бедствий защитник,
Держишь в руках кадуцей, управляющий судьбами мира.»*¹⁸⁷

Как Трикстер Гермес традиционно выступает посредником между мирами и социальными группами, способствует обмену между ними культурными ценностями и переводу информации из области непознанного (будущего) в область познаваемого (настоящее). Он добытчик Тайного, делает неявное явным, вторгаясь в область неизведанного первым уже хотя бы потому, что свободно проникает в потусторонний мир Аида, за чертой Смерти.

¹⁸⁶ Диодор Сицилийский. Историческая Библиотека. V. 75.

¹⁸⁷ Орфический гимн «Гермесу»/ Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. –М.: «ЭКСМО-Пресс, 2001, С.152.

Гермес приводит души умерших к Аиду и Персефоне

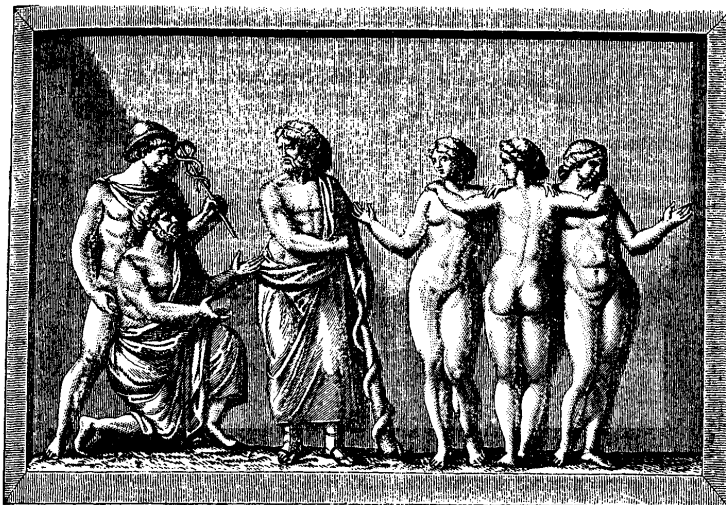
Нонн Панополитанский говорит о Гермесе, что «вещи бога уста пророческой речью звучали»¹⁸⁸.

Согласно Плутарху, Гермес – бог грамматики и музыки, в Гермополе первой из муз называли дочь Гермеса – Исиду. Из жил первейшего врага Исиды – Сета-Тифона Гермес-Гот изготовил струны¹⁸⁹.

Марциан Капелла в трактате «О браке Филологии с Меркурием» рассказывает, как к свадьбе Филология получила от влюбленного в неё Меркурия (римского аналога Гермесу) семь подарков – «семь свободных искусств» – в том числе, астрономию и геометрию.

¹⁸⁸ Нонн Панополитанский. «Деяния Диониса», IX, 60.

¹⁸⁹ Плутарх. «Исида и Осирис», 3, 55.

Гермес, Асклепий и Музы, античное изображение

Имя Гермеса соседствует рядом с Музами. Киник Кратет Фиванский¹⁹⁰ восклицает:

*«Хочется праведным стать и такое добыть мне богатство,
Чтобы к добру привело, делая лучше людей.
Этого только б достичь, Гермесу и Музам пречистым
Жертв дорогих не свершу, делом святым отплачу».*

С Меркурием был отождествлен ещё один высший бог островных кельтов – искусный во многих ремеслах Самилданах – Луг.¹⁹¹

Гермес дает волшебную лиру и основателям Фив, звуки лиры двигают камни и возводятся стены.¹⁹²

Гермес выступает двигателем и тайным инициатором многих классических действий античного мифа. Как классический Трикстер, он инициатор социально-культурного действия.

Именно Гермес приводит в земной мир Пандору, и она открывает ящик раздоров¹⁹³:

¹⁹⁰ Антология кинизма. –М.: Наука, 1996, стр. 146, 195.

¹⁹¹ Кельты. Ирландские сказания. –М.: Арт-Флекс, 2000.

¹⁹² *Аполлодор*. Мифологическая Библиотека. III. V. 5.

*«Аргусоубийца ж, вожатый, вложил после этого в грудь ей
Льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу.
Женщину эту глашатай бессмертных Пандорою назвал.»*

Сделано это Гермесом для того, чтобы Кривда разрушила устои земного мира и пришло время Потопа (эддический Локи инициирует Рагнарек, а Одиссей, например, – падение Трои). Но именно Гермес после потопа является Девкалиону и учит его, как вновь населить Землю людьми.

Гермес следит за исполнением договоров, и он устанавливает мир, но именно Гермес возобновил на Земле войны, он из лучших побуждений спас своего брата, плененного бога войны Ареса, скованного Отом и Эфиальтом¹⁹⁴.

Гермес спасает и бога Диониса, который пред ним выглядит просто мальчишкой:

*«Резвоплесничный Персей непременно нашёл бы погибель,
Если б, сзади напавши, не ухватил за золотые
Кудри Вакха Гермес, прилетев на крылатых плесницах,
И не молвил бы слова ласкового Лиэю:
«Зевса истинный отпрыск, пасынок Геры гневливой,
Некогда – ведаешь это! – я спас тебя от зарницы
И поместил тебя к нимфам, дочерям Лама-потока,
Дабы младенца воспитали, а после тебя я доставил,
Снова в собственных дланях, в домы Ино кормящей!
Благодари же Майи сына ты за спасенье,
Родич, и это сраженье оставь...»¹⁹⁵*

*«Неразумного Вакха ножом растерзали на части,
Если б, нечуждый вовсе, ступая как вор по воздушным
Тропам, крылатой плесницей Вакха Гермес не похитил!
Сжав младенца в объятьях спасительных, тут же уносит
Вакха Гермес в жилище Ино...»¹⁹⁶*

Воистину правы греки, говоря:

¹⁹³ Гесиод. Труды и дни, 65 и 77-80, цит. по: О происхождении богов, –М.: Советская Россия, 1990.

¹⁹⁴ Гомер. «Илиада», V, 385.

¹⁹⁵ Нонн Панополитанский. «Деяния Диониса», XLVII, см. 769 –812.

¹⁹⁶ Нонн Панополитанский. «Деяния Диониса», IX, 50-55.

*«...душ предводитель,
Бог Гермес, осушит мне слезы в горестях тяжких!»*¹⁹⁷

*«Также и ты, сын Кронида и Майи, Аргусоубийца,
Вестник блаженных бессмертных, с жезлом златым, благодавец,
Помощь пошли благосклонно с Гестией почтенной и милой».*¹⁹⁸

Гермес – олицетворение Воли и Информации, что связывают три мира греков – Олимп, Землю и Аид. Он – «благостный вестник богов» – и «для богов олимпийских посланником служит проворным»¹⁹⁹, Гермес дарует «нетленную память»²⁰⁰, «Весть – дочь Гермеса».²⁰¹

Гермес и Зевс, античный рисунок на вазе

Быстрый, как мысль, мчится Гермес, влекомый волшебными крылатыми сандалиями,²⁰² чтобы передать эту Волю Прометею ли, Цирцею ли, а то и самому Аиду (дабы отпустил он Персефону).

¹⁹⁷ Нонн Панополитанский. «Деяния Диониса», XLIV, 205.

¹⁹⁸ Гомер. «К Гестии», 7-9.

¹⁹⁹ Орфические гимны, XIX, 29.

²⁰⁰ Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», I, 637.

²⁰¹ Пиндар. Олимпийские песни, 8 («Эак»), 81 / Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. –М.: «Наука», 1980.

²⁰² Такие туфли есть у Локи, а также у кота из французских и немецких сказок, мальчик с пальчик выкрадывает сапоги-скороходы у великана, а Маленький Мук – у старухи-ведьмы.

*«...И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
Амброзиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя лёгким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих».*²⁰³

А вот два герметических источника, относимые к периоду IV в. до н.э. – IV в н.э. Посмотрите, насколько они перекликаются между собой:

*«...Ты, носящий хламиду, Бог в крылатых сандалиях,
Ты, проделывающий свой быстрый путь от эфира
до глубин Тартара, проводник Духа,
око Солнца, Величайший, архегет слова, способного выразить все,
Ты, радующий своими светилами тех, кто пребывает внизу,
Во глубинах Тартара, мёртвых, закончивших свою жизнь...»*²⁰⁴

*«...Ты, носящий хламиду, Ты, в крылатых сандалиях,
бдящий над словом, могущим всё выразить,
пророк для смертных... посылающий Свое истинное предсказание:
Тебя называют «Прядильник судеб» и «Божественное видение»,
всеобщий покоритель, Которого никто не покоряет...
Добрый ты приносишь добро, злым – тягости.
Это для Тебя восходит утренняя заря,
и для Тебя приближается быстрая ночь.
Ты царишь над стихиями, огнем, воздухом, водой и землей...»*²⁰⁵

Гермес – бог дорог, на перекрестии их нередко устанавливали фаллические гермы. Он покровитель путей и водчий между мирами, а не просто водитель мёртвых.

*«Эрмий тем временем, бог килленийский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных)...
Им он махнул, и столпясь полетели за Эрмием тени...»*²⁰⁶

²⁰³ Гомер. «Одиссея», V, 44.

²⁰⁴ «Гимн Гермесу», PGM.V, 400-423, см. Гермес Трисмегист и герметическая традиция востока и запада...

²⁰⁵ папирус Strasbourg, PGM, XVIIIb, см. Гермес Трисмегист и герметическая традиция востока и запада...

Он вел в Аид Орфея за Эвридикой, и также указывал ему обратный путь. С земли на Олимп Гермес вел свергнутого ранее Гефеста. Гермес вознес на Олимп и Геракла. Гермес – Пропилей (привратный), Страж Перехода, но сам он способен проникать всюду, согласно Гомеровскому гимну. Нет для него ни преград, ни уз, ни запоров.

Гермес-Меркурий ведёт богинь на суд Париса, античное изображение

Гермес привел на суд Париса трех богинь, и его суд это начало, исток, сама завязка Троянского конфликта и войны. Игрок Гермес по одной из версий также выкрал у Париса Елену ещё с корабля по пути к Трое, привез её в Египет и отдал Протею на сохранение. Парису же он подsunул сотворенный из облака призрак, из-за которого и шла потом Троянская война, ставшая концом для многих героев.²⁰⁷ И потомок Гермеса Одиссей придумывает уловку с Троянским конем, чтобы войну победно завершить.

Златорунный баран, из-за руна которого случилось знаменитое плавание аргонавтов, принадлежал Гермесу²⁰⁸, и лишь потом само Руно было посвящено другому Богу. Более того, Ясон (Иасон) приходился, как и

²⁰⁶ Гомер. «Одиссея», XXIV, 1-5.

²⁰⁷ Аполлодор. Эпитома. III. 5; Геродот. История. II. 112.

²⁰⁸ Аполлодор. Мифологическая Библиотека. I. VII. 4.

Одиссей, Гермесу правнуком. Именно Ясон и привел аргонавтов к намеченной цели, выкрав Золотое Руно из Храма Ареса и доставив его в Грецию.²⁰⁹

Гермес убил камнем (или копьём, что тоже символично) всевидящего Аргуса, стерегущего по приказу Геры смертную жену Зевса Ио под видом коровы, поскольку не имел возможности выкрасть её тайно.²¹⁰ От Ио произошел славный род величайших героев Эллады, в том числе и Геракл.

Между прочим, именно дьявольски пронырливый Гермес ухитрился придать Гераклу святости, и сделать равным прочим божественным сыновьям: «... сыновья Зевса не могли приобщиться к небесной чести, если они не сосали грудь Геры. Поэтому-то, как рассказывают, Гермес принес Геракла вскоре после его рождения и приложил его к груди Геры, а тот стал сосать. Когда же Гера заметила это, она сбросила его с себя. И вот вследствие того, что от этого в избытке пролилось молоко, образовался Млечный путь».²¹¹ В этом можно усмотреть и посредничество Трикстера при Творении мироздания.

Как я уже писал, Трикстер – оборотень, перевертыш, игрок, и для него не существует привычного понятия о жизни и смерти, потому что игра каждый раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена.

По дьявольской черте Трикстера, постоянно преворачивающего ситуацию, сперва Геракл получает от Гермеса меч,²¹² потом, искусству стрельбы из лука он учится у аргонавта Эврита, сына Гермеса (а искусству борьбы у того же сына Гермеса – Автолика).²¹³ И в то же время именно Гермес продает Геракла в рабство.²¹⁴ Незадача вышла у Геракла и с самим Автоликом. Аполлодор²¹⁵ рассказывает, что «когда Автолик украл коров с острова Эвбеи, царь Эврит решил, что это сделал Геракл. Не веря в это (герой) Ифит пришёл к Гераклу и встретился с ним как раз в то самое время, когда Геракл возвращался из Фер, где спас от смерти Алкесту для Адмета. Ифит стал приглашать Геракла, отправиться с ним на поиски коров. Геракл согласился и оказал Ифиту радушный прием, но безумие охватило его, и он сбросил Ифита со стены Тиринфа». Будучи богом

²⁰⁹ там же, I. IX. 16.

²¹⁰ там же, II. I. 3.

²¹¹ Pseudo-Erastosthenis Catasterismi, 44, цит. по А.В.Лосев. Античная мифология с античными комментариями к ней. Энциклопедия олимпийских богов. Собрание первоисточников, статьи и комментарии. – Харьков: Фолио; –М.: Эксмо, 2005. С.838

²¹² Аполлодор. Мифологическая Библиотека, II. IV. 11.

²¹³ там же, II. IV. 9.

²¹⁴ там же, II. VI. 3.

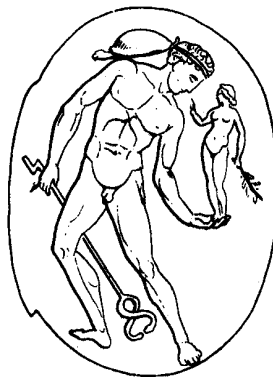
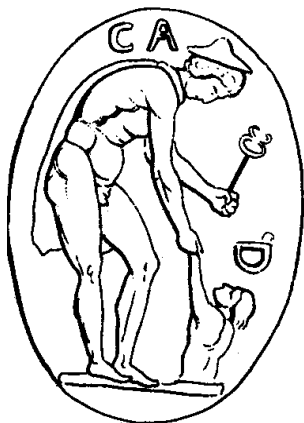
²¹⁵ там же, II. VI. 2.

торговли, в то же время Гермес – покровитель воров, но также и охраняет от воровства – «цепной своры начальник, друг ночных воров».²¹⁶ С пелёнок Гермес уже искусен в нарушении установленных правил, границ, различий (хотя сам и следит за их исполнением).

Как я отмечал в одной из предыдущих работ²¹⁷ при рассмотрении так называемых «темных богов индоевропейской Традиции», античным язычникам известно несколько образов Гермеса (Меркурия), кроме озорника и шута – вестника олимпийских богов.

Так по свидетельству Цицерона «один живет под землей, он зовется ещё Трофонием»²¹⁸ Орфики в гимнах разделяют Гермеса, сына Майи и Зевса, и Гермеса-Хтония, сына Диониса. Хотя по сути – это воплощения одной вселенской суги. Согласно гимну «Гермесу Хтоническому»:

*«У Персефоны жрецом служишь ты в её доме священном,
душ обреченных владыка, ты их провожаешь под землю;
Их ты низводишь, когда роковое приблизится время.
Всё заклинаешь ты жезлом волшебным, священным, снотворным
И усупленных опять воскрешаешь.»*²¹⁹

²¹⁶ Гиппонакт.4(3а) // Эллинические поэты VII-III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. –М.: Ладомир, 1999, –515 с. С.280.

²¹⁷ Гаврилов Д. Мифологический образ Тёмного Бога в языческой Традиции индоевропейцев // Вестник Традиционной Культуры. Вып.№2/ под ред. докт. филос. наук Наговицына А.Е., М., 2004. –176 с.

²¹⁸ Цицерон. О природе богов, III, XXII, 56.

²¹⁹ LVII. Гермесу Хтоническому (с воскурением смол)/ Книга Орфея. М., 2001 (пер. Н.Павлиновой), СС.128-129. См. также пер. И.Евсы. Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. –М.: «ЭКСМО-Пресс, 2001, С. 155.

Владыка, водный мёртвых душ – это уже не мальчик на побегушках и не игрец, это как раз лик Мудреца, что также обращает наше внимание на аналогию между Гермесом и славянским навийм богом – Велесом, о котором ещё пойдет речь.

Название мира смерти, потустороннего мира «навь» происходит от праславянского корня «*navь*» – мертвец, покойник, родственного, согласно одной из этимологий глаголу «*naviti*» – устать, утомиться, обессилеть, а согласно другой – названию корабля *navis*, что связывается с представлением о мире мёртвых, куда души направляются через воду... В словаре Даля «навий» – мертвец, поднявшийся из могилы. Отрадно, что, наконец, и в официальной науке²²⁰ промелькнуло мнение о том, что *navь* может быть соотнесено с теонимом Нув, что просто очевидно для язычника верующего. И вы сейчас поймете, почему это сравнение так важно!

Гермеса-Хтония другие античные авторы соотносят с самим Аидом, богом карающим. Вот как Орест призывает обрушить кару подземных богов на голову убийц своего отца Агамемнона:

*«О жилище Аида, приют Персефоны!
О подземный Гермес и могучая Кара!
Честные Эрини, дочери богов!
Вы беззаконные зрите кончины,
Зрите обманом сквернимые ложа, –
Явитесь! На помощь! Отмстите за гибель отца моего!»*²²¹

Порядок слов в первых двух строках позволяет соотнести Персефону и Кару-Кору, это просто два имени одной богини. Аид же (у римлян – Плутон) сравним с Подземным Гермесом.

Вспомним, что именно Гермес сразил в битве гигантов и богов титана Ипполита, при этом воспользовавшись шлемом Аида-Плутона, который делает невидимым всякого, кто наденет его. Гермеса нередко изображали в этом шлеме.

Носить шлем (ср. корону) в символике мифологического мышления означает, по сути, получить права и власть, стать равным прежнему владельцу, стать и быть им самим.

По Длугошу²²² некий славянский бог отождествлен с Плутоном:

²²⁰ Е.Е.Левкиевская. Нави, навь/ Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И.Толстого, Т. 3, –М.: Международные отношения, 2004, СС. 351-353.

²²¹ Софокл. Электра, 110.

«Кн.І. ... Плутона прозывали Нья (Нуа); его считали богом подземного мира, хранителем и стражем душ, покинувших тела, и просили у него после смерти провести в лучшие места преисподней, и поставили ему главное святилище в городе Гнезно, куда сходились из всех мест.» Мацей Стрыйковский в «Хронике польской, литовской и всей Руси» в 1582 году пишет: *«Плутона же, бога пекельного, которого звали Нья, почитали вечером, просили у него по смерти лучшего усмирения непогоды.»*

Итак, Гермес Хтоний откликается на зов мстителя-Ореста:

*«Несет гнев,
Несет кровь,
Изострил дух
Совершить месть.
Гермес, Майи сын,
К цели прямой ведет его,
Ведет, окутав тьмой лукавство мстителя»* ²²³

Как видим, обращался-то Орест к Хтонию-Гермесу, а помощь ему приходит в образе Гермеса-олимпийца. Значит, мы с вами будем правы, предположив, что речь об одном и том же великом боге.

Плутарх говорит, что Аристид после битвы при Платеях приносит «в жертву быка Гермесу Подземному»²²⁴. Приносит, надо понимать для легкого прохождения душ погибших в царство Аида.

*«Полетели за Эрмием тени, и вел их
Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья...»* ²²⁵

*«...И ты приди,
Гермес, водитель душ в подземном царстве,
Чтобы меня, лишь меч вонзится в бок,
Без судорог мгновенно успокоить».* ²²⁶

Гермес (и Один) пользуется копьём, а это оружие чаще всего соотносимое с Нижним миром (осью мира, или Мировым деревом, корнями уходящим в Нижний мир). Подобное соотнесение станет понятно, если вспомнить, что восприятие мира в древности носило образный характер.

²²² Длугош Ян. История Польши. I, I, 47-48; II, VII, 447.

²²³ Софокл. Электра, 1430.

²²⁴ Плутарх. Аристид, 21.

²²⁵ Гомер. Одиссея, XXIV, 9-10.

²²⁶ Софокл. Аянт, 850.

Так ростки растений «пробивали» землю весной подобно копьё, а сами происходили из мира подземного. В силу такого внешнего соответствия само копьё понималось как оружие хтоническое, но связанное с жизнью и возрождением. В виде орудия последующего возрождения копьё выступает в библейском тексте, где сказано, что Христос был убит на кресте копьём, и Бальдр в эддическом мифе был убит дротиком омелы. Бог Один для своего мистического возрождения ранит себя копьём и висит вниз головой 9 дней в ветвях Мирового древа.

*«Быстроногий вестник Зевса
Страшное одолел порождение
Мощной семенами Земли,
Копьём уметивши в Аргуса»²²⁷.*

Рождённый Землей, неусыпный тысячеглазый Аргус мог быть сражен только Гермесом, связанным с этим миром и оружием этого мира. Магическая подоплека налицо. Отметим, что Аргус никак не хтонический персонаж: «Архаический образ Аргуса переплетается с представлениями об Аргусе – сыне Зевса и Ниобы, эпониме города Аргоса в Пелопонессе и основателе земледелия, а так же с Аргусом – правнуком предыдущего и освободителем людей от чудовищ (бык в Аркадии, Эхидна); этот Аргус – переходная фигура от архаики к героизму. В дальнейшем – персонификация звездного неба»²²⁸. Сюжет об убийстве Аргуса Гермесом определенным образом соотносится с мифом об оскотлении Кроном бога Неба Урана. И речь идет опять же не о мальчишке-Давиде, прибывшем Голиафа, а о могущественном боге-трикстере, ставшем соучастником Творения мира.

Эпитеты египетского бога Тота, по-видимому, относятся уже к тому времени, когда его культ слился с культом Гермеса, но даже если это и не совсем так, отождествление этих богов позволяет воспользоваться ими: «Царь богов», «Единый», «Сияющий, как Единый», «Существующий изначала», «Создавший себя сам», «Родивший себя сам», «Нерождённый», «Не знающий смерти», «Презирающий конец жизни», «Руководитель существующего и несуществующего», «Владыка во веки веков», «Глава всех богов и богинь», «Князь богов», «Глава божественных князей»²²⁹.

В несомненно более поздних двух герметических гимнах²³⁰ первые строки совпадают – вот они:

²²⁷ *Вакхилид, Ио.*

²²⁸ Мифы народов Мира. т.1, –М.: «Советская энциклопедия», 1991, С. 100.

²²⁹ *Тураев Б.А.* Бог Тот/Записки ист.-филол. фак. СПб-го университета, СПб, 1898.

²³⁰ PGM.V, 400-423 и PGM, XVIIIb, см. Гермес Трисмегист и герметическая традиция востока и запада...

*«Гермес, Всевышний Господин Мира,
Ты, хранимый в сердце, круг Луны.
Ты, круглый и квадратный, архегет произнесенного Слова,
Защитник Причины Справедливости...»*

Эрос – сын Гермеса, божество Любви, также согласно орфикам, – Первопричина всего Сущего, как впрочем и Логос – второе его порождение.

*«... Сын всеродителя Зевса
Первым эфир лучезарный, чудесную света обитель,
В дивное двинул вращенье вокруг обновленной природы.
Этим он создал небесную твердь»²³¹*

С этим хорошо согласуется эпитет Тота-Гермеса – *«Утвердивший небо и землю своими изречениями»* и сведения Голосовкера Я.Э. о том, что Гермес перехитрил своего деда – титана Атланта – и заставил его держать небесный свод. Персей, показав титану добытую с помощью Гермеса голову горгоны, обратил Атланта в гору²³².

Одним из магических искусств надо назвать целительство. Гермес, «носитель жезла златого», дает Одиссею противоядие – траву, которая предохранит его от зелья Цирцей²³³. Есть также миф, согласно которому Эрмий спас самого Зевса и прочих богов от ужасного Тифона, коего породили в наказание Зевсу Гея-Земля и свергнутый Крон. Тифон настиг Зевса в Египте и отобрал у него оружие, связал, и, бросив в пещеру, вырезал у него сухожилия на ногах. Гермес же хитростью выкрал Зевсовы сухожилия и вживил их Зевсу²³⁴. Зевс был исцелен и сразил Тифона молниями. Папирус Strasbourg, PGM, XVIIIb²³⁵ гласит, что Гермес излечивает все болезни смертных.

Гермес возрождает мертвых. Так случилось с Пелопсом, которого расчленил Тантал и, сварив заживо, предложил в качестве пищи богам. Когда Гор оторвал голову своей матери – Исиде, Тот-Гермес исправил жестокость внука и даровал дочери коровью голову, с тех пор Исида рогата²³⁶.

²³¹ Из «Книги Сияния» – «Зогар», гимн нач. н.э. см. Зелинский Ф.Ф. Гермес Трижды-Великий. СПб, 1907.

²³² Овидий. «Метаморфозы», IV, 627-661.

²³³ Гомер. «Одиссея», X, 277-307.

²³⁴ Грейвс Р. Мифы Древней Греции, М., 1992, С. 99.

²³⁵ Гермес Трисмегист и герметическая традиция востока и запада...

²³⁶ Плутарх. «Исида и Осирис», 19.

В то же время Трикстер Гермес аморален, с точки зрения, как культурного героя, так и иного Олимпийского бога, и даже Прометей, похитивший для людей божественный огонь, в сравнении с Гермесом – образец античной нравственности.

Когда я выше рассматривал образ Одина, и через его параллель с Меркурием аналогию с Гермесом, уже отмечалось, что родитель Пана Гермес стоит на грани мира человеческого общества и первобытного мира Дикой Природы, а значит, охватывает то и другое. Вот как разрешается этот парадокс:

Гермес даровал человеку речь, т.е. мифологически был отцом речи; он же был отцом Пана. Приведем свидетельство Платона в диалоге «Кратил» (408 c-d):

«Сократ. – Также и в том, что Пан – двубразный сын Гермеса, есть доля разума, друг мой.

Гермоген. – Каким образом?

Сократ. – Ты знаешь ведь, что речь (Логос) всё обозначает и всё вращает и обращает всегда, а также что она двубразна – правдива и лжива?

Гермоген. – Конечно.

Сократ. – Далее, её правдивое естество и гладко, и божественно, и обитает в вышних с богами, лживое же внизу, среди толпы, будучи косматым и козловидным: там ведь пребывает большая часть мифов и вымыслов, в «трагической обстановке».

Гермоген. – Конечно.

Сократ. – Итак, по справедливости, речь (Логос) всё обозначающая и всегда вращающаяся, будет пастухом Паном, двубразным сыном Гермеса, сверху гладким, снизу косматым и козловидным; а, стало быть, Пан, раз он сын Гермеса, будет либо Логосом, либо братом Логоса; а что брат похож на брата – в этом нет ничего удивительного.»

Бог животной страсти Пан (близкий к ведийскому Пушану), «блюдущий Аркадию, хранитель светлых оград, Сопутник Великой Матери, сладкий любимец важных Харит», согласно поэту Пиндару. Пан – «плясун среди богов искуснейший», тот, кого «именуют олимпийцы псом Великой Матери»²³⁷. Имя «Пан» происходит от морфемы *pus-* или *paus-*, т.е. «делающий плодородным».

Пан в свою очередь соотносится с римским Фавном (*Faunus*, от лат. *favere*, «помогать», также *Fatuus*, *Fatulcus*, от *fatuor*, «быть одержимым», *fando*, «пророчествовать»²³⁸) он также считается в римской мифологии богом лесов, пастбищ, полей, животных, покровителем скотоводства; кроме

²³⁷ Пиндар. «Парфений Пану», 95-99.

²³⁸ Сервий. Комментарии к поэме Вергилия. «Энеида», VII, 47.

того, Фавн пророчествовал в стихах. Некоторые аналогии между хтоническим Фавном и Велесом²³⁹ выявлены ранее.²⁴⁰

Власть Гермеса, этого Трикстера, над животным миром, как отца над сыном,²⁴¹ а двуногого над четвероногим,²⁴² указывает на архаичность бога Гермеса, как и славянского Велеса, а также черты его как оборотня и животную гиперсексуальность. К этому надо добавить, что гермы – столпы в честь Гермеса – имели форму фалоса (подобно изваяниям Шивы). И статуи Гермеса имели либо одну голову на четырехгранном столпе, либо ваялись с подчеркнута большими детородными органами. Например:

*«В Киллене есть храм Асклепия и Афродиты. Гермес, которого там очень почитают, изображен в виде срамного члена, прямо стоящего на подставке».*²⁴³

*«Очутившись в Киллене, я видел и статую Гермеса, сооруженную в виде не чего-нибудь другого, как именно полового члена в некотором естественном состоянии».*²⁴⁴

Полный лукавства и вожделений Гермес говорит, что не прочь потешиться с богиней любви. Об этом мы узнаём у самого Гомера, когда рассказывается о том, как Гефест застал жену Афродиту под Аресом, и накрыл их сетью²⁴⁵:

*«Как ни хромает Гефест, но поймал он Арея, который
Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе живущих.
Хитростью взял он; достойная мзда посрамителю брака –
так говорили, друг с другом беседуя вечные боги.*

К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:

«Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестносец!

Искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такую

Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?»

Зоркий убийца Аргуса ответственвал так Аполлону:

«Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловежсец,

²³⁹ Чешскія глоссы въ Матер Верборум / разборъ А.О. Патеры и дополнительныя замечанія И.И.Срезневскаго, СПб., 1878. –152 с. (Приложение к XXXII-му тому Записок Имп. Академіи Наук. №4.

²⁴⁰ А. Наговицын. Велес, Ярила и Дионис // Мифы и магия индоевропейцев, вып. 8., М., 1999.

²⁴¹ Цицерон. О природе богов (56), *Аполлодор*. Эпитома. VII.38, *Гомер*. XIX. К Пану, 1. (Здесь и далее Гомеровски гимны цитируются по: Эллинические поэты VII-III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. –М.: Ладомир, 1999, –515 с.)

²⁴² *Гомер*. III. К Гермесу, 569-571.

²⁴³ *Raussaniae Graeciae descriptio, rec.Fr.Spiro. I-III. Lips. 1903, VI 26, 5.*

²⁴⁴ *Artemidori Oneirocriticis, ed. R.Hercher. Lips. 1907, I 45.*

²⁴⁵ *Гомер*. «Одиссея», VIII, 330.

*Сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил,
Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
Только б лежать на постели одной с золотую Кипридой!»
Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный».*

Намеки на то, что Гермес покровительствует любви, есть и у Нонна²⁴⁶ в «Деяниях Диониса» (XLVIII; 229-231), отстоящих от времен Гомера на тысячелетие:

*«Может быть даже державный Гермес-состязатель – отец твой,
К ложу Пейто скользнувший богини, пособницы брака,
Он тебе в единоборстве путь к страсти открыл любовной!»*

Сведения Цицерона о том, что Эрос (Купидон) – сын Гермеса (Меркурия), укладываются в любовные отношения Гермеса и Афродиты – результатом этой взаимной страсти стал ещё и Гермафродит.

Гермес не заботится, таким образом, этикой для достижения своей и божественной цели. Так, Апомосина, внучка царя Миноса, превосходила бога Гермеса быстротой ног, влюбленный в неё бог никак не мог её догнать, тогда *«он подстелил на дороге свежесодранные шкуры животных, на которых она поскользнулась... и была постигнута Гермесом»*. Когда она рассказала всё родному брату, тот не поверил сестре, и убил её ударом ноги.²⁴⁷

«...хитроумные дети бога Гермеса искусные в кознях» – так охарактеризовал отпрысков Трикстера Аполлоний Родосский.²⁴⁸ (Эрит и Эхион)

IV.2. Одиссей, Автолик и Сизиф

Среди смертных, впрочем, есть лишь один герой, сопоставимый в полной мере по хитрости и беспринципности с Гермесом – это Одиссей – *«недостойный, ненавистный блаженным богам»* по словам Гомера.²⁴⁹

²⁴⁶ Нонн Панополитанский Панополитанский, Деяния Диониса, –СПб.: Алетея, 1997, –554 с.

²⁴⁷ Аполлодор. Мифологическая Библиотека. III. II. 1. см также о похищении Гермесом дочерей Асопа – Коринна 2(1,III) «Пророчество о дочерях Асопа», 6-10/ Эллинские поэты VII-III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. –М.: Ладомир, 1999, –515 с.

²⁴⁸ Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», I, 50-51.

²⁴⁹ Гомер. «Одиссея», X. 72-75.

На трикстерные свойства Одиссея первым обратил внимание профессор Гарвардского колледжа Д. Руссо, автор оксфордских комментариев к «Одиссее».²⁵⁰

«Есть в эпосе древних греков культурные герои: Геракл, Персей, Тезей, Ясон, Ахилл, Аякс – все они встречаются на своем пути сверхчеловеческие препятствия и преодолевают их благодаря своей отваге и силе, иногда при небольшой поддержке хитрого маневра, магических действий или божественного помощника. Одиссей изначально творит хитрость и коварство, иногда слегка поддерживаемые отвагой и силой. Он также получает значительную помощь от богов, обычно от Афины, традиционно считающейся богиней мудрости, хотя более точно было бы назвать её богиней хитрого, изощренного ума – таков перевод греческого слова *metis*, обозначающего, помимо этого качества, ещё и имя титаниды, которую Зевс проглотил, после чего у него из головы родилась Афина. Если Одиссею покровительствует дочь Хитрости, которая сама есть воплощение хитрости, то не приходится удивляться, что Одиссей обычно добивается успеха при помощи врождённой хитрой изобретательности»... доставшейся ему по наследству от самого Гермеса.

Одиссей и Гермес в поэмах Гомера практически не встречаются друг с другом. Как уже было сказано, «*Эрмий, в бедах покровитель*»²⁵¹ спас Одиссея и его спутников от колдовства Цирцеи.

Но именно к нему, своему красноречивому предку, а значит, покровителю рода, взывает хитроумный Одиссей, согласно Софоклу, когда оставляет Неоптолема наедине с Филоктетом. Препоручая саму беседу сыну Ахилла, Одиссей просит Гермеса помочь, уговорить Филоктета – прибыть под Трою, ибо сказано, что только тогда падет Илион:

*«Я ухожу – теперь твоя забота.
Пусть нас ведет Гермес – Водитель душ
С Афиною, заступницей моею»*²⁵²

«Гомеровский Одиссей, – высказывает гипотезу Джозеф Руссо, – герой эпической традиции бронзового века, скрывает в себе другую, теневую, фигуру Одиссея – потомка бога-Трикстера Гермеса (впрочем, эта традиция сохранилась и в средневековой Европе, у дьявола²⁵³ всегда есть ученик, не

²⁵⁰ Джозеф Руссо. Юнгианский анализ гомеровского Одиссея/ Кембриджское руководство по аналитической психологии. Под редакцией Полли Янг-Айзендрат и Теренса Даусона... см. также: Дмитрий Гаврилов. Царь трикстеров Одиссей // “Реальный Мир”, ежемесячный журнал, вып. №1 (май), М., 2006, СС.198-210.

²⁵¹ Гомер. «Одиссея», XXIV, 10.

²⁵² Софокл. «Филоктет», 134.

²⁵³ В переводе с греческого дословно – «клеветник».

столь могущественный, но достаточно хитроумный²⁵⁴)... У Гермеса был сын по имени Автолик, который унаследовал от отца многие отрицательные качества, но, как ни печально, ни одного положительного. Он похищал скот, пользуясь своей способностью делать предметы невидимыми, и повсеместно приобрел дурную славу обманщика. Его обычным приемом была манипуляция в своих интересах теми, кто имел несчастье иметь с ним дело, при помощи ложных клятв и обещаний. Его внук, Одиссей, унаследовал от деда эти неприглядные качества – так же, как и дурное имя («Одиссей» означает «тот, кто причиняет горе или боль²⁵⁵) – но в ослабленной форме, в сочетании с некоторыми из не столь одиозных качеств своего прапрадеда Гермеса...»

Автолик – плод насилия Гермеса, совершенного над четырнадцатилетней дочерью Дедалиона, Хионой:

*«Раз возвращались вдвоем Аполлон и Майей Рождённый,
Первый из Дельф, а второй – с вершины Киллены; и оба
Сразу узрели её и сразу же к ней воспылали.
Но упованья любви Аполлон отлагает до ночи.
Тот же не в силах терпеть – и тростью, сон наводящей,
Девьих касается уст: та спит под мозучим касаньем.
Силою взял её бог. Ночь в небе рассеяла звезды.
Образ старухи приняв, и Феб достигает блаженства.
Вот уже сроки свои исполняет созревшее чрево:
Хитрый родился побег от ствола крылоногого бога.
Звался Автоликом он, на всякие ловок проделки,
Сделать свободно – и тем он искусства отца не позорил –
Белым он черное мог и из белого черное сделать.
Фебов же сын у неё – ибо двойней она разрешилась –
Был Филаммон, знаменитый игрой на кифаре и пеньем».*²⁵⁶

²⁵⁴ См. например: Дьявол и его ученик// Сербские народные сказки. –М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956, СС.30-34; Сын дьявола//Французские народные сказки. –М. –Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. СС.217-224.

²⁵⁵ Как отмечено в одной из работ, посвященных Трикстерам: «Клоун знает, какая возникает боль, когда мы вынуждены пожертвовать всеохватывающим эгоцентрическим обладанием. Это обладание делает нас очень чувствительными к потерям, отдавая должное ведущей к свободе отстраненности. Энергия клоуна сосредоточена на тончайшей грани между слезами и смехом, личной трагедией и божественной комедией.» – см. *Мэрион Вудман. Волшебники, Трикстеры и клоуны: проявление маскулинности в зависимостях и пристрастиях/ Мэрион Вудман. Опустошенный Жених. Женская маскулинность: Аналитическая психология/Пер. с англ. Валерия Мершавки. –М.: ИНФРА. 2001. СС. 36 – 59.*

²⁵⁶ *Овидий. Метаморфозы. XI, 303-317.*

Получив уже в свою очередь от Автолика в наследство умение «скрываться и давать клятвы», Одиссей хорошо знал, как связать других клятвой, как и где самому применить ту или иную клятву и как при этом выйти сухим из воды.

Есть у Одиссея и ещё один мифологический предшественник, с которым Одиссея сравнивали – это Сизиф. И по одной из послегомеровских версий именно он истинный отец Одиссея. Я нахожу при том миф о столкновении Трикстеров.²⁵⁷

*«Меркурий дал в подарок рождённому им от Хионы Автолику способность быть первейшим вором и никогда не уловляться в воровстве, а будучи же пойманным, изменяться в какой угодно вид: из белого в черный, из черного в белый, из безрогого в рогатый, из рогатого в безрогий. Когда Автолик начал делать постоянные набеги на скот Сизифа и Сизиф не был в состоянии его поймать, то последний заметил, что у него совершается кража, так как количество скота у Автолика увеличивалось, а у него самого уменьшилось. Чтобы его поймать, Сизиф сделал заметку на копытах скота. И когда Автолик украл обычным способом скот, то Сизиф явился к нему, опознал по копытам свой скот, который тот украл, и увел его. Задержавшись же там, он овладел дочерью Автолика, Антиклеей. Впоследствии она была выдана замуж за Лаэрта, и от неё родился Одиссей...»*²⁵⁸

Если обратиться к трагедии Софокла «Филоктет», обнаруживается такой намёк на духовное происхождение этой бестии: Одиссей – «сын, Сизифом проданный Лаэрту». Образ ли это²⁵⁹, сплетня ли из уст Филоктета в адрес ненавистного ему Трикстера, но стоит, в самом деле, упомянуть о том, кто же такой Сизиф.

Царь Сизиф – основатель одного из славнейших и древних городов Эллады Коринфа, крупнейшего торгового центра (прежде этот город назывался Эфирой), учредитель Истмийских игр, зять самого титана Атланта.

²⁵⁷ Именно Гермес сумел перехитрить Сизифа впоследствии и доставить его в Аид на вечные муки. см. *Схолин*. Комментарии к «Идиаде» Гомера. VI. 153.

²⁵⁸ Гигин. «Сказания». 201.

²⁵⁹ Вероятно, это метафора, потому что в обратном порядке Филоктет применяет её к Нептолему, который, хоть и завладел луком Филоктета по наущению Одиссея неправыми речами, возвращает владельцу его оружие, благородство в Нептолеме побеждает. И Филоктет говорит: «Да, да, – ты показал, какой ты крови: ты не Сизифов сын, ты сын Ахилла» (Софокл. «Филоктет», 1334-1335).

Многие помнят, что этот человек отбывает вечное наказание в мрачном царстве Аида, пытаясь закатить на вершину горы огромный камень²⁶⁰ (ибо если он это сделает, то освободится), который в принципе нельзя закатить. Отсюда и обозначение работы, которая не приносит результата, «Сизифов труд». Однако не многие знают, за что же так пострадал Сизиф.

Аполлодор высказывает версию, что *«такому наказанию он был подвергнут из-за Эгины, дочери Асопа. Когда Зевс тайно похитил его, Сизиф, как говорят, рассказал об этом искавшему её Асопу.»*²⁶¹ Итак, перед нами культурный герой, который сказал правду о верховном правителе олимпийских Богов и людей, сладострастном Зевсе, этим он, словно Трикстер, пошел против существующего авторитета.

Конечно, не всякий, кто восстает против существующей власти, Трикстер. К тому же, хоть и соблазнительно увидеть в том провидческий дар Сизифа, ведь он откуда то узнал, кто совершил похищение – это объясняется проще. Асопа и Сизифа связывают хотя и не прямые, но династическо-родственные узы через жену Сизифа. Само собой Асоп пришёл в Коринф к царю, как мудрому правителю, который, сопоставив всё то, что он знал о похищениях, мог логически вычислить имя вора.

Но у Сизифа есть и ряд других черт Трикстера. Он не просто умен и хитер, он способен изменить свой образ, то есть обернуться, и он гетеросексуален.

«Традиция рисует Сизифа хитрым стяжателем, презирающим законы богов и людей. Ненавидя своего брата Салмоней, Сизиф замыслили убить его и запросил оракул Аполлона, как это совершить. Оракул ответил, что Салмоней могут погубить только дети его дочери Тиро, если они родятся от Сизифа. Тогда Сизиф стал любовником своей племянницы, и от этой связи родились близнецы. Предупреждённая оракулом Тиро, чтобы спасти отца, убила своих детей.»²⁶²

Вот как пересказывает Н.А.Кун²⁶³, опираясь на недоступную мне поэму «Героини» Овидия, а также гомеровскую «Илиаду», несомненно, главную причину – почему Боги наказали Трикстера Сизифа, как нарушителя космического порядка, опровергателя самих устоев равновесия Жизни и Смерти:

²⁶⁰ Сизиф совершал разбойные нападения на путников, грабил и жестоко убивал их, придавливая огромным камнем. См. Мифы народов мира. т.2. –М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1980. С.439.

²⁶¹ *Аполлодор*. Мифологическая Библиотека. I.IX.3.

²⁶² *Гигин*. «Сказания». 60.

²⁶³ *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. –М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1955, 111-112.

Никто во всей Греции не мог равняться по коварству, хитрости и изворотливости ума с Сизифом. Сизиф благодаря своей хитрости собрал неисчислимые богатства у себя в Коринфе; далеко распространилась слава о его сокровищах.²⁶⁴

Когда пришёл к нему бог смерти мрачный Танат, чтобы низвести его в печальное царство Аида, то Сизиф, ещё раньше, почувствовав приближение бога смерти, коварно обманул бога Таната и заковал его в оковы. Перестали тогда на земле умирать люди. Нигде не совершались большие пышные похороны; перестали приносить и жертвы богам подземного царства. Нарушился на земле порядок, заведенный Зевсом.²⁶⁵ Тогда громовержец Зевс послал к Сизифу могучего бога войны Ареса. Он освободил Таната из оков, а Танат исторг душу Сизифа и отвел её в царство теней умерших.

Но и тут сумел помочь себе хитрый Сизиф. Он сказал жене своей, чтобы она не погребала его тела и не приносила жертвы подземным богам. Послушалась мужа жена Сизифа. Аид и Персефона долго ждали похоронных жертв. Всё нет их! Наконец, приблизился к трону Аида Сизиф и сказал владыке царства умерших, Аиду:

– О, властитель душ умерших, великий Аид, равный могуществом Зевсу, отпусти меня на светлую землю. Я велю жене моей принести тебе богатые жертвы и вернусь обратно в царство теней.

Так обманул Сизиф владыку Аида, и тот отпустил его на землю. Сизиф не вернулся, конечно, в царство Аида. Он остался в пышном дворце своем и весело пировал, радуясь, что один из всех смертных сумел вернуться из мрачного царства теней.

Разгневался Аид, снова послал он Таната за душой Сизифа. Явился Танат во дворец хитрейшего из смертных и застал его за роскошным пиром. Исторг душу Сизифа ненавистный богам и людям бог смерти; навсегда отлетела теперь душа Сизифа в царство теней.²⁶⁶

По другой версии Сизифа перехитрил лукавейший неуловимый Гермес.

Но и Гермес не был бы Трикстером, если бы не было бы хотя бы одного случая, когда он угодил бы в западню (впрочем, не отмщённым тоже не остается):

²⁶⁴ Это к вопросу о тяге Трикстера к наживе и покровительстве торговле и грабежу.

²⁶⁵ Вспомним, что титан Прометей посоветовал людям не возносить требы на костер и лишить богов воскурений, которыми те якобы насыщаются.

²⁶⁶ По другой версии, как упомянуто выше, это сделал Гермес Хтоний, смыкающий волшебным жезлом очи у сонных и мертвых – сам хитроумный Трикстер. В любом случае, Сизифа погубила самоуверенность. Напомним, что бог Локи спрятался от асов в водах водопада в виде лосося, но поскольку он мастерил перед этим первую в мире сеть, по её обрывкам «умница» Квасир понял, что этим можно Локи поймать.

«Меркурий, сын Юпитера и Майи, одной из Плеяд – наставник в красноречии и мире, передателем божьих вестей. Был он также изобретателем палестры (борьбы), о чём рассказывается следующим образом. Некий аркадский царь Хорик имел сыновей Плексиппа и Энета и дочь Палестру. Когда юноши случайно вступали между собой в состязание, они испытывали напряжение благодаря давлению и напору своих тел. Так как они делали это в присутствии отца и тот получил от этого нововведения удовольствие, то отсюда произошла определенная игра. Сестра юношей Палестра сообщила об этом Меркурию, который был в неё влюблен. Когда же тот увидел это нововведение, он с умыслом научил людей ещё более полному искусству. Получивши об этом сведения от сестры, юноши сообщили об этом старику. Тот больше разгневался на сыновей за то, что они не преследовали такого вора Меркурия.

*Тогда они, найдя его слящим на горе, обрубали ему руки, откуда и он сам и гора стали называться Килленскими, потому что по-гречески *culloys* называют тех, кто лишен какой-нибудь части тела. Отсюда и некоторые обращающие на себя внимание предметы, вроде безруких символов, мы называем гермами. Громко нажаловавшись Юпитеру, Меркурий заставил растерзать Хорика и собрать в мешок, а в вознаграждение своей возлюбленной Палестры он приказал всякое упражнение, совершаемое телом, называть палестрой. Другие полагают, что «Меркурий» произошло у латинян из «Медикуррий», потому что он постоянно бегаёт между небом и миром подземным. Он также есть бог товара. То, что он имеет крылья на шляпе и на ногах, некоторые хотят объяснить быстротой речи, наставником в которой он является. Ему придается герольдов жезл (*caduceus*) потому, что он при помощи доверия приводит (*conducit*) врагов к дружбе. Этот прут опутан змеями, потому что как эти последние, забыв свой яд, вступают между собою в общение, так и враги, пренебрегши своей враждой...»²⁶⁷*

Также и сам наследственный Трикстер Одиссей, вследствие убеждённости в своей изворотливости, тоже иногда попадает в ловушку, ему расставленную. Аполлодор пересказывает известный миф, когда Одиссей не хотел принимать участие в походе (на Троию) и притворился безумным. Тогда Паламед (сын Навплия, и потомок Прометея) изобличил его в притворстве: он последовал за Одиссеем, притворился безумным, и, оторвав Телемаха от груди Пенелопы, стал вытаскивать меч, будто бы с целью убить. Боясь за своего сына, Одиссей признался, что безумие его было притворным и принял участие в походе (по другой версии Паламед положил на пашню сына Одиссея, и Одиссей остановил плуг, чтобы не поранить сына).

²⁶⁷ *Сервий*. Комментарии к поэме Вергилия. «Энеида», VIII, 138.

Впрочем, со свойственной Трикстеру жестокостью Одиссей отыгрался на разоблачителе.²⁶⁸ В ходе Троянской войны Одиссей, захватив в плен фригийца, заставил его написать письмо, уличающее Паламеда в измене: Приам будто бы обращался к Паламеду. Спрятав золото в палатке Паламеда, Одиссей кинул табличку с письмом посреди лагеря. Агамемнон прочел это письмо, и, найдя золото, передал Паламеда союзникам как предателя. Те его побили камнями.

Платон в «Горгии» упоминает Трикстера Терсита (ещё одного из погубленных Одиссеем, не терпящим ни соперников, ни кривых зеркал) среди «других мерзавцев из простого звания» (525 d). Говорит это Сократ в речи о Смерти и Аиде в диалоге, посвящённом риторике. В «Государстве», в мифе Эра (так же непосредственно связанного с темой Смерти) вновь появляется Терсит, «всеобщее посмешище», выбирающий себе в Аиде облик обезьяны (620 c).

О Терсите рассказывает Гомер в «Илиаде» (II, 212-277):

*«Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
Всё позволяя себе, что казалось смешно для народа.
Муж безобразнейший, он меж данаев пришёл к Илиону;
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.
Враг Одиссея и злейший ещё ненавистник Пелида,
Их он всегда порицал; но теперь скиptronосца Атрида
С кривом пронзительным он поносил...»*

«Роль Терсита [у Гомера] исчерпывается тем, что он «поносит бранными словами царей, первоначально принося царям регенерацию в культовом акте публичной брани и публичного обличения. И весь разбираемый эпизод ещё полон ритуальных остатков: Одиссей как это водится при Сатурналиях, бьёт шута («набитый дурак»), и сцена побоев проходит в обстановке общего смеха и глумления, подобно всем эпилогам кульново-маскарадной смерти, до Христовой включительно... Шут представлял собою одну из метафор смерти, как царь – одну из метафор жизни. Сатурналии показывают единство этих двух аспектов в одном лице «шутовского царя», где эквивалентами «шута» являются «узник», «раб», «дурак» и «разбойник», resp. «вор». Этот шутовской царь есть столько же царь, сколько и раб; идея праздника – представить переход смерти в жизни, смену старого и нового года, регенерацию из вчерашнего умирания (его метафоры – «узы», «рабство») в сегодняшнее новое оживание («царствование»). Функции этого

²⁶⁸ *Аполлодор*. Эпитома. III. 7-8.

перехода несет шут, как олицетворение инвективы (брани-насмешки), смеха и глупости – трех метафорических передач образа плодородящей смерти...

В угрозе Одиссея Терситу свернуто дана и заключительная часть шутовского обряда: Терсита разденут донага, избьют и прогонят из стана, как всех Сатурналиевых шутов, козлов отпущения, фармаков и т.д. И потому-то в загомеровском эпосе и в греческом фольклоре Терсит оказывается убитым, причём в одном случае он умирает от пощечины, в другом его сбрасывают со скалы – два обрядовых приема в этого рода праздниках».²⁶⁹

Одиссей принуждает Ахилеса, рядившегося в женские наряды, обнаружить себя и принять участие в Троянской войне, этим он погубил Ахилла. Под видом купца, Одиссей привез товары на остров, где скрывался Ахиллес. Среди них было и оружие. Затрубив сигнал тревоги в рог, Одиссей вынудил Ахиллеса выявить свои мужские качества – герой бросился к оружию.²⁷⁰

Одиссей высаживает укушенного змеей Филоктета (владеющего стрелами и луком Геракла) на остров, но когда грекам предсказывают, что без этих стрел им города не взять, Одиссей отправляется за Филоктетом и привозит его под стены Трои.²⁷¹ Вот как он инструктирует Неоптолема, который должен уговорить Филоктета всё-таки помочь грекам, которые бросили его в беде. В этом весь трикстер:

*«Ты должен хитрый выдумать рассказ,
Чтобы похитить лук непобедимый.
Ты знаю, сын мой, не рождён таким,
Чтоб на обман идти и на коварство, -
Но сладостно... торжествовать победу!
Решишь! Вновь станем честными... потом...
Забудь же стыд, – всего на день один
Доверься мне... а после почитайся
Весь век благочестивейшим из смертных!»*²⁷²

А вот характеристика Одиссея из уст Филоктета:

*«... Узнаю
Атридов руку, руку Одиссея.
О, у него всегда дурные речи
На языке; лукавый негодяй,
Стремится он всю жизнь к бесчестным целям.»*²⁷³

²⁶⁹ Фрейденберг О.М. Терсит. // Яфетический сборник. Т.6. Л., 1930.

²⁷⁰ Аполлодор. Мифологическая Библиотека. III.XIII.8.

²⁷¹ Аполлодор. Эпитама. III, 26; V, 8.

²⁷² Софокл. «Филоктет», 77-84.

²⁷³ Софокл. «Филоктет», 411-415.

Мотивы Трикстера никогда не понятны окружающему социуму, между тем Одиссей высадил Филоктета на остров, потому что рана его гноилась, и он мог стать источником заразы для воинов-ахейцев, плывущих под Трою. Громкими криками и стонами он мешал им спать. Конечно, гуманней было убить, раз нельзя вылечить. Но Трикстер не знает боли, и не знает гуманности, он поступает так, как часто поступают и с ним. И опять же, дабы совершить социально-культурное действие – победить, опрокинуть Троянцев в согласии с предначертанием Богов, именно Одиссей инициирует возвращение Филоктета с отравленными стрелами Геракла в войско ахейцев.

Перевоплотившись в нищего, Одиссей проникает и в Трою, чтобы похитить изображение Афины Паллады, и в свой дом, отомстить женихам. Он, словно ведомый Гермесом, сеет повсюду смерть и страдания.²⁷⁴ Не забудем классическую шутку Одиссея, попавшего в плен к циклопу Полифему и предусмотрительно назвавшемуся именем «Никто». Когда ослеплённый Одиссеем циклоп стал звать братьев на помощь, те спросили его, кто же посмел сотворить эдакое зло, и получив ответ, что «Никто», бросили Полифема одного в его горе и беде.

Кстати, Одиссею досталось в наследство не только хитроумие, но и красноречие. Вспомним, хотя бы, как Одиссей воодушевлял ахейцев, когда дело под Трое казалось безнадежно проигранным. Ещё более показательна изворотливая и велеречивая речь Одиссея-Улисса пред ахейскими вождями в споре о доспехах Ахилла, когда он победил силой мысли могучего Аякса.²⁷⁵ Следствием стало помешательство Теламонида и его самоубийство.

²⁷⁴ *Аполлодор*. Эпитома. V, 13.

²⁷⁵ *Овидий*. *Метаморфозы*. XIII, 354-394.

Одиссей в рубище странника возвращается домой, рисунок на вазе

Когда та же Елена, подозревая неладное, подошла к Троянскому коню и стала звать греческих героев, подражая голосам их жен, то Одиссей, сидевший в коне, и придумавший эту хитрую комбинацию, не дал грекам выдать себя, зажав им рты.²⁷⁶

Одиссей и предводительствует греческим десантом, засевшим в чреве коня. Его родич и друг, тоже внук Автолика, и правнук Гермеса – Синон выступил в этом эпизоде мнимым перебежчиком и убедил троянцев, что ахейцы уплыли.

«В отличие от своего деда Автолика, – замечает Джозеф Руссо, – Одиссей обычно пользуется своей хитростью и изобретательностью для достижения благих целей – например, эти его качества не раз спасают его самого и его спутников от различных опасностей. И, как и пристало Трикстеру, он иногда испытывает искушение послать всё к чёрту и погубить какой-нибудь выходкой тех самых людей, которых только что спас, как чуть было не случилось в случае с циклопами и с ветрами Эола, и в конце концов случилось в эпизоде с Лестригонами. Способность Одиссея контактировать с людьми и служить посредником в их контактах вместе с его высокой мобильностью и постоянным поиском приключений напоминает (предка) Гермеса – бога путешественников, перекрестков, взаимодействий и удачи. А долгое возвращение Одиссея в свое царство описывается как возвращение самого царства к законности и порядку под управлением добродетельного правителя. Однако указания на то, что Одиссей до Троянской войны был добрым и любимым народом царем Итаки, странно контрастируют с его развитой способностью причинять боль, страдания, потери и смерть

²⁷⁶ *Аполлодор. Эпитома. V, 19.*

удивительно большому числу людей. Он является причиной гибели своих спутников после того, как они съедают священных быков бога Солнца и ста восьми женихов Пенелопы, которые рассматриваются как параллель его спутникам (те и другие именуются «глупцами, погибшими из-за своего безрассудства»); он является причиной гибели овец феаков, которые помогают ему в возвращении домой; он причиняет циклопу Полифему сильную боль и ослепляет его; и, наконец, в последней книге он причиняет своему отцу ненужное беспокойство, прежде чем сбрасывает маску и показывает, что он и есть давно ожидаемый сын. Последний эпизод кажется настолько иррациональным, что некоторые критики считают его не принадлежащим Гомеру, а добавленным к поэме позже. Однако с точки зрения излагаемой здесь гипотезы всё правильно: беспричинное желание причинять боль является одной из характерных черт Трикстера».

Одиссей вызывает души умерших из Аида, рисунок на вазе

Если обратиться к эпизоду, когда по вине Одиссея, его жадности в споре о доспехах Ахилла, погиб Аякс Теламонид (Аянт – вождь саламинцев под Троей), то у Софокла в одноименной трагедии «Аянт» читатель найдёт мало лестного для Одиссея. Афина говорит о своем любимце: *«всегда врагам удар готовит он нежданный», «как собака Лаконская, вынюхивает цель».*²⁷⁷

«Хор Аянту:

...Распуская облыжно пустую молву,

²⁷⁷ Софокл. «Аянт», 1-2; 7-8.

*Всем нашептывать стал про тебя Одиссей.
Сплетник всех убедит! Кто теперь клевете
Не поверит?... Доволен рассказчик, а тот,
Кто рассказчику внемлет, – и вдвое!
Любо всем издеваться над горем твоим,
Все в великую душу без промаха бьют!»*²⁷⁸

Аянт называет Одиссея хитрой лисой²⁷⁹, гнусной мразью и болтуном²⁸⁰

*«Все зрящий насквозь,
Всех бедствий орудье,
Хитрец Одиссей,
Грязнейшая мразь!
Срам войска!... Увы
Теперь ты лисуешь!
Злорадно теперь
Хохочешь, злодей!»*²⁸¹

Разгадка страданий Аянта-Аякса в том, что «самонадеянных людей ввергают боги в бездну тяжких бедствий». Аянт был груб с богами и Афиной, и когда она помогала грекам в битве, он отверг её помощь – «и жалкий трус с Богами одолеет» врагов:

*Ужасно он ответил, несказанно:
«Царица, стой за спинами других, –
Коль в сече я, так не прорвут нам строя!»*²⁸²

Лживыми, но красноречивыми устами Трикстера Одиссея, Афина наказала Аянта, вселив в него безумие после того, как Аянту не достались доспехи павшего Ахилла. Вот ещё характеристика Одиссея:

*«В душе своей черной,
В душе коварной
Смеется над горем,
Нежданно постигшим нас,
Многоопытный муж*

²⁷⁸ там же, 148-154.

²⁷⁹ там же, 103.

²⁸⁰ там же, 396.

²⁸¹ там же, 382-389.

²⁸² там же, 777-794.

*Злорадным смехом!»*²⁸³

*«Кто не речист, но мощен душой,
Тот в скорбном споре уступает забвению,
А лучший дар достается искусной лжи –
Так тайными голосами
Услужили данайцы Одиссею,
И Аянт, обездолен золотым доспехом,
Встретил смерть».*²⁸⁴

Двуличный Одиссей между тем, словно Джозеф из «Школы злословия» Шеридана, разыгрывает перед самым Агамемноном следующую нравоучительную сцену, упрашивая похоронить Аянта со всеми почестями, хотя сам же и орудие гибели этого славного героя:

*Одиссей: «Так слушай же. Молю тебя богами:
Не оставляй его непогребенным,
Не будь жесток, не поддавайся гневу
И ненавистью лютой справедливость
Не попирай. Ему всех ненавистней
Я в войске был с тех пор, как мне был отдан
Доспех Ахилла. Всё ж его позорить
Не стану, пусть он враг мой. Признаю:
Он был из нас, явившихся под Трою,
Всех доблестней, коль не считать Ахилла.
Его лишая чести, ты не прав.
Ведь не его, а божьи законы
Ты оскорбляешь. Если умер честный.
Его нельзя бесчестить – пусть он враг».*

И вот уже все поверили в благочестие Одиссея, и сам Агамемнон, и хор, льстиво замечающий от имени народа, что *«безумец лишь способен, Одиссей, сказать, что ты не мудрым уродился»*. И сводный брат самоубийцы Аякса Теламонида – Тевкр протягивает руку фактическому убийце брата, обманутый этой комедией, что разыграл пред всеми Одиссей. Он просит лишь Одиссея не участвовать в похоронах, и тот смиренно соглашается.²⁸⁵

²⁸³ там же, 980-986.

²⁸⁴ Пиндар. Немейские песни, 8 («Аянт»), 23-28.

²⁸⁵ Софокл. Трагедии. –М.: «Искусство», 1979, СС. 296-297.

Как говорится: «Занавес»! Но цель оправдывает средства – греки снова едины, их войско не раскололось, а военный вождь греков себя не опозорил святотатством, и Боги снова к нему благосклонны.

«Неоптолем. *Но не считаешь ты, что ложь – позор?*

Одиссей. *Нет, – если ложь бывает во спасенье.*

Неоптолем. *Ты не краснеешь сам от этих слов?*

Одиссей. *Коль виден прок, так действуй, не колеблясь».*²⁸⁶

Это уже в чистом виде задатки Макиавелли, задатки диктатора, типа Сталина.

Таким образом, можно считать доказанной гипотезу, подтверждением которой автор не утруждает себя, но выражает её в концентрированной форме, достойной цитирования:

«в архаической фольклорной традиции, предшествовавшей созданию Гомером «Одиссей», Гермес веками рассматривался как бог-Трикстер и божественный покровитель Одиссея; что же касается Афины, она в то время не имела никакого отношения к этому пользовавшемуся дурной известностью герою. Но при создании героической эпической поэзии, предназначенной для исполнения при царском дворе, нужна была новая парадигма – парадигма, которая воплощала бы более высокую мораль, создавала бы ощущение, что настоящее основывается на славном прошлом, и связывала бы героев с престижными божественными предками и покровителями. В качестве базы для такого эпоса прекрасно подходили легенды о Троянской войне и её героях. Так Одиссей утратил свое родство и особую связь со своим прапрадедом Гермесом, богом хитроумной изобретательности, и приобрел в качестве «приемной матери» Афины, «добрую» богиню цивилизованного разума. Вопреки тщательной переработке традиционного материала, которую предпринял Гомер, неустранимые противоречия, проявляющиеся в характере и действиях Одиссея, и само имя героя раскрывают архетип, стоящий за фасадом высокоморального эпического героя. Одиссей является фигурой гораздо более глубинной, чем любой другой персонаж древнегреческой героической традиции именно потому, что представляет собой проявление архетипа Трикстера – архетипа гораздо более парадоксального, чем архетипы героя, воина и царя».²⁸⁷

И в заключение обратим внимание на ещё одну трикстерную черту Одиссея. Многие не находят у него гиперсексуальных свойств, но они совершенно очевидны.

²⁸⁶ Софокл. «Филоклет», 108-111.

²⁸⁷ Джозеф Руссо. Юнгианский анализ гомеровского Одиссея...

Стремящийся к своей Пенелопе, Одиссей год провел на ложе волшебницы Кирки и прижил от неё сына Телегона. Затем семь лет он провел на ложе нимфы Калипсо, и та родила от Одиссея сына Латина.²⁸⁸ Расправившись с женихами, Одиссей пошел в Эпир и там сошелся с царицей Каллидикой, от которой родился ещё один сын – Полипойт. Оставив царство этому сыну, он вернулся на Итаку, а там узнал, что у него от Пенелопы есть ещё один сын, помимо Телемаха, – Полипорт... И этот был далеко не последний. Словом, последние годы Одиссея полны любовных приключений согласно Аполлодору²⁸⁹ и не столь благочинны и целомудренны, как показывает Андрей Кончаловский, вслед за Гомером с настойчивостью избавляющий Одиссея от дурной наследственности.

Погиб Одиссей совершенно нелепо, как и водится у Трикстеров. Он был убит собственным сыном Телегоном, который в поисках отца, заехал на Итаку и стал воровать Одиссеев скот. Одиссей настиг своего сына, но в стычке тот поразил его копьём, наконечник которого был сотворен из шипа ядовитого морского ската. Хотя, возможно, всё было и совсем не так. Не мог же ошибиться предсказатель Тиресий у Гомера?

*«... смерть не настигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною».*²⁹⁰

²⁸⁸ Аполлодор. Эпитома. VII, 16 и 24.

²⁸⁹ там же, VII, 34-40.

²⁹⁰ Гомер. «Одиссея». XI, 134.

ЧАСТЬ V. ЧЕРТЫ ТРИКСТЕРА В ЭПИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

V.1. О русском эпическом творчестве

Русские эпические песни, сохранившиеся главным образом в устах северного крестьянства под названием «старинок» принято называть былинами. Термин «былины» искусственный, введенный в научное употребление в 30-х годах XIX века на основании упоминаемых в «Слове о полку Игореве» «былинах сего времени». Самые старшие записи не имеют даже 400-летнюю давность²⁹¹.

Принимая же во внимание неизбежную изменчивость всякого фольклорного текста в уст — в уста, из поколения — в поколение, приходится признать, что даже наши древнейшие записи не сохранили былин в их первоначальном содержании и форме.

Пик записи былин приходится на период с первой трети 19-го века по начало 20 века.²⁹² Известно несколько десятков былинных бродячих сюжетов и более полутора тысяч единиц записанных вариантов текстов. Ещё в 1930-е годы была показана и доказана высокая степень сохранения эпического текста в устной традиции²⁹³. Таким образом, былинное творчество рассматривается в современной науке как первоисточник. К былинам обращались выдающиеся русские ученые современности: Б. А. Рыбаков²⁹⁴, В.Я. Пропп²⁹⁵, а также его последователи Ю. И. Юдин и

²⁹¹ Хотя собственно Былинных текстов в рукописях XVII в. дошло до нас пять. Самым древним рукописным текстом является «Сказание о киевских богатырях, как ходили в Царьград и как побили цареградских богатырей и учинили себе честь» (в конце текста это «Сказание» названо «Богатырским словом»).

²⁹² *Кириша Данилов*, Древние российские стихотворения, изд. 2-е, М., 1818; *Киреевский П. В.*, Песни, собранные К-м, десять выпусков, М., 1860–1874; Русские Б. старой и новой записи, под ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Ф. Миллера*, М., 1894; *Соболевский А. И.*, Великорусские народные песни, т. I, 1895 (Низшие эпические песни); *Гильфердинг А. Ф.*, Онежские Б., СПб., 1895–1898; *Марков А. В.*, Беломорские Б., М., 1901; *Ончуков Н. Е.*, Печорские Б., СПб., 1904; *Григорьев А. Д.*, Архангельские Б. и исторические песни, М., 1904–1910; Б. новой и недавней записи, под ред. *В. Ф. Миллера*, М., 1908; *Миллер В. Ф.*, Исторические песни русского народа XVI и XVII вв., СПб., 1915. и т.д.

²⁹³ *Соколов Б. М.*, Былины старинной записи (семь неизданных текстов)/ журнал «Этнография», кн. 1–4, М., 1926–1927; *Соколов Ю. М.*, По следам Рыбникова и Гильфердинга (Экспедиция фольклорной подсекции ГАХН в Олонецкий край в 1926 и 1927)/ «Худож. фольклор», т. II–III, М., 1927.

²⁹⁴ *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

²⁹⁵ *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958.

V.2. Трюкачество в былинах об Илье Муромце. Воровство силы

При рассмотрении цикла былин об Илье Муромце последними высказывается идея, что сам образ богатыря: «соединил в себе, по всей вероятности, черты многих его предшественников – героев эпоса, – а песни об Илье Муромце объединили множество сюжетов, возможно связанных с именами более ранних эпических прообразов»²⁹⁷. Они также указывают, что сам сюжет о «бунте Ильи», отраженный в былинах «Илия и голь кабацкая», «Как Илья Муромец поссорился с князем Владимиром», и связанный с ним сюжет о последовавшем татарском нашествии, могут рассматриваться как «своеобразный, требующий осторожного отношения, но и очень богатый исторический источник последнего периода архаической эпохи... Конфликт между Ильей Муромцем и князем Владимиром в его развитой форме вызван переломной эпохой, когда княжеская власть перестает быть одним из институтов общинно-племенного народоправства, превращаясь во власть олигархическую.»

Мне представляется, что былины о «бунте» Ильи Муромца против Владимира, а также ряд песен об Илье и «голях», составляют своего рода трикстерную линию в поведении Муромца, отличающегося от прочих «трюкачей» лишь более значительной физической силой.

Читатель, знакомый с образом Ильи Муромца по известному фильму Птушко или прозаическим пересказам для детей младшего школьного возраста, а в худшем случае — и вовсе по какой-нибудь современной фэнтезийной серии, твердо убежден, что равным счётом ни одно из перечисленных выше определений к богатырю не подходит. Муромец видится читателю могучим бородатым мужиком на Сивке-Бурке с картины «Три богатыря».

Но здесь не все просто, как кажется на первый взгляд. Начнём хотя бы с того, что «сила» Ильи изначально не собственная, не развитая, а приобретенная посредством трюка. Получив эту «силу» в разных её аспектах, Илья едет выполнять социальные предначертания, хотя в большинстве случаев все равно все его поручения по собственному почину, а не по чьему-то велению. Сила «богатырская» заимствуется: у Воды ключевой да колодезной, принесенной каликами; у Матери-Сырой Земли, к которой богатырь, будучи положенным на обе лопатки, припадает телом; у

²⁹⁶ Фроянов И.Я., Юдин Ю.А. Былинная история (работы разных лет). –СПб.: Издательство СПбУ, 1997.

²⁹⁷ Юдин Ю.А., Фроянов И.Я. Отражение социальной борьбы в русских героических былинах// Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы социальной и классовой борьбы): межвуз. сб. Вып. 9. –Л.: ЛГУ, 1985. С.1-17.

Соловья Разбойника и его рода; и у самого Святогора.

Великан Святогор и Микула, рис. Н.Кочергин, 1949 г.

В последних двух случаях Илья проявляет **гиперсексуальность**, достойную Трикстера – в ряде сюжетов насилуя дочерей (дочь²⁹⁸) плененного Соловья и переспав с женой Святогора, он тем самым понижает их – Соловья и Святогора – социальный статус, повышая свой собственный.²⁹⁹ Героика былины не позволяет слушателю усомниться, что Илья в чем-то виноват: жена Святогора сама его соблазнила, а Святогор сам ложится в гроб, не по росту Илии, и сам вдыхает в Илию половину своей силы (по другой версии Илья слизывает пену, сочащуюся из уст умирающего великана сквозь щели его – Святогорова – гроба).

Этот момент, однако, хорошо объясняется вышеупомянутой гипотезой о составном образе Ильи Муромца, сочетавшего в себе нескольких более древних персонажей, возможно, периода языческого.

V.3. Гиперсексуальность Ильи Муромца

К удовольствию Ильи разрешаются и его любовные приключения.

Так, поехав по дороге, где быть женатому, он попадает в Девичье царство и там едва не становится жертвой Царь Дивицы. Но кинув коварную королеву на кровать, Илья обнаруживает, что это ловушка, и в неё попались уже сорок князей да королевичей. **Врожденное качество Трикстера – хитрость, недоверие, осторожность** – спасает Илью.

Сам Илья Муромец живет, что называется, гражданским браком во дворце с поленицею, у которой «темной» отец, и которому Илья вместо руки подает меч, чтобы ладони не раздавил.³⁰⁰ Кстати, приблизительно таким же образом герой по сюжету одной из былин обманул «темного» отца Святогора – дав ему вместо руки головню, и услышав в ответ: «Крепко у тебя рукопожатие, богатырек...»³⁰¹ Вероятно, поляницу зовут Златогоркой или даже Святогоркой, и она не малой силы, а то и вовсе великанша, судя

²⁹⁸ Дочь Соловья Илья иногда убивает, например «взял девку за ноги, на другу ступил, – пополам порвал». Вот такая первобытная звериная жестокость, тоже свойственная Трикстеру (см. Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д.Григорьевым. В 3-х томах. Т.1 -СПб.: Тропа Троянова, 2002, С.180). Кстати, нередко таким же образом Илья прибывает и своего сына или дочь, которые покусились на сонного батюшку, чтобы отомстить за одинокое детство «выбля...ков».

²⁹⁹ В цикле былин о Добрыне Никитовиче Алеша Попович традиционно соблазняет жену отсутствующего Добрыни, то есть, как и в бою, действует напуском, красноречием, хитростью – всем тем, что имеется у всякого Трикстера в арсенале приемов.

³⁰⁰ Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д.Григорьевым. В 3-х томах. Т.1 -СПб.: Тропа Троянова, 2002, СС.488-489.

³⁰¹ *И.Белкин (Д.Громов)*. Три взгляда Вия// Мифы и магия индоевропейцев. вып.8, М., 1999.

по батюшке. И, тем не менее, Илья превосходно управляется с исполиншей, приживая сына.³⁰²

Любовь у Муромца часто происходит без ухаживаний, терзаний и сватовства, не в пример Добрыне или иным героям, а как само собой разумеющееся дело, по животному, случка при случайной встрече. Например:

*«Он ходил по свету и сделал девке брюха...»³⁰³
«Ехал Илья да по цисту полю;
Он на стречи стрецял да молоду жону,
По прозванью ей звали Святыгоркой.
Становил тут Илея свой веть бел шатер,
Сотворил с ею да любовь тайную...
И поехали они да распростилисе.»³⁰⁴*

Илья Муромец «жил во конюхах у тятеньки» Сокольник и «прижил сына от чужой жены».³⁰⁵ Побив сына Сокольника в поединке, Илья раскрывает ему, что сам его отец. Приезжает Сокольник к матери.

*«Говорит Сокольник таковы слова;
«Был я на полях киевских,
Видел старого казака Илью Муромца,
Он тебя назвал бя...ю, меня зовет выбя...ком».
– Не пустым старой похваляетсе:
Жил со мной в таю три месяца,
Тут тебя мне-ка прижил.»³⁰⁶*

В большинстве случаев Сокольник (Подсоколь -ник, -ничек), побежденный Ильей и отпущенный им с приветом к матушке, приезжает домой и рубит ей голову «за бя...во». Есть также многие концовки былин, в которых Илья убивает своего сына (точно так и Кухуллин убивает своего сына, признав его), даже зная, что это его сын, за самонадеянность – Сокольник не сразив Илью в поединке, пытается прибить старого

³⁰² Сокольник – Златыгорки и Ильи сын (Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи. – М. –Л.: Издательство Академии наук СССР. 1961. №12, С. 86), Сокольник – Ильи и Марьи Бурдуковны сын, с которой Илья некоторое время жил да поживал (Архангельские былины и исторические песни... Т.1 С.188).

³⁰³ Архангельские былины и исторические песни... Т.1. С.77.

³⁰⁴ Архангельские былины и исторические песни... Т.1. С.410.

³⁰⁵ Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи. – М. –Л.: Издательство Академии наук СССР. 1961. №22, С.102.

³⁰⁶ Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи... №43, С.142 см. также №51, СС.161-162 и №67, СС.183-184.

сонного.³⁰⁷ Сюжеты концовок также нередко совмещаются.

Илья Муромец и поединчик, рис. Н.Кочергин, 1949 г.

³⁰⁷ например, см. Архангельские былины и исторические песни... Т.3. №336, №346.

*«А ко той как бабы да ко Златыгорки
А к ней гулял-ходил удалой веть доброй молодець,
А по имени старой казак Илья Муромець.
Он ходил-гулял Илеюшка к ней двенаццеть лет,
Он веть прижыл ей чадышко любимоеь.
Он задумал стары ехать во чисто полё...»³⁰⁸*

Сейчас это называется «поматросил и бросил» – сын рождается после отъезда Ильи во всех случаях, в его воспитании Илья не принимает. Лишь изредка все оканчивается благополучно – в тех случаях, когда Илья зачал сына «не в тае», а законно. Сокольник становится дружинником князя.³⁰⁹

Однако в подавляющем большинстве случаев Илья ведет «походный» образ жизни, и это поведение «перекати-поле» свойственно Трикстеру.

V.4. Илья Муромец как оборотень и провокатор

Читателю должно быть памятно три пира, на которых «буйствует» Илья, и в этом буйстве проявляются и другие отчетливые трикстерные черты изначального образа Муромца.

Менее интересна пирушка у Идолища, поскольку в определенном смысле Илья выполняет социальный заказ и «опускает» зазнавшегося врага. Так Илья Муромец, чтобы освободить Киев-град, князя с княгиней от Идолища, переодевается в каличьё платье, и ведет себя, как калика.³¹⁰ **Склонность к переодеванию, «оборотничеству» – отличительная черта Трикстера.**

Является на пир к Идолищу, Илья устраивает перебранку, что де Идолище есть жадно, как собака, да пьет, как корова – но собака та костью подавилась, а корова захлебнулась. Спровоцировав Идолище на действия, мнимый калика убивает его собственным ножом.³¹¹ По другой версии Илья Муровиць спасает Царь-град от Чудища и выручает царя Костянтина Атаульевича – при этом он также переодевается в калику и одной каличьей шапкой побивает «змеишша».³¹² В своеобразной небылице Илья Муромец («Илья Муравец и Издолищо») «закидывает шапками» – сорочинским колпаком – врага, приговаривая каждый раз «Это що, братци, за цюдо

³⁰⁸ Архангельские былины и исторические песни... Т.3, №368 С.353.

³⁰⁹ Архангельские былины и исторические песни... Т.3. №№ 389,392.

³¹⁰ Архангельские былины и исторические песни... Т.3 №323.

³¹¹ Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи. – М. –Л.: Издательство Академии наук СССР. 1961. №12, СС. 83-84 см. также №74, С. 211.

³¹² там же СС. 351-352, см. также Архангельские былины и исторические песни... Т.3 №418 С.588.

щодное, это що, братци, за диво дивное?»³¹³

Илья Муромец и Идолище, рис. Н.Кочергин, 1949 г.

В сочетании с пиром у князя Владимира, при сравнении с тем, что Илья учинил у Красна Солнышка, напрашиваются многочисленные ассоциации. За образом защитника Ильи угадывается некая скрытая сущность, более свойственная для Трикстера. Илья все равно, Идолище, или сам князь Владимир перед ним, богатыри ли – мазаны они одним миром перед таким **переменчивым** далеко не «чистоплюйным» персонажем, как Муромец.

С одной стороны Илья говорит, что:

*«Не сдадим мы проклятому Идолищю
Своей земли да святоруськие...»*

И там же³¹⁴:

*«Мне не жалко-то вора князя Владимира
Со бя...ю со Апраксею королевисной?
Мне-ка жалко-то во Киеви божьих церквей».*

Как же, жалко? Одно лицемерие! Илья почти что единственный из всех богатырей, который осмысленно и осознанно рушит эти самые церкви и сшибает с них золотые маковки, торгует нательным крестом.

Спасая Добрыню от «поленницы преудалой» он говорит своему старшему другу и брату названому:

³¹³ Архангельские былины и исторические песни... Т.1. С.430.

³¹⁴ Былины Печоры и Зимнего берега... №141, СС.456-457.

*«Мы приедем во город славнокиевской,
Расскажу я на чесном пиру,
Што сидела-то поленница преудалая
На твоём-то заднице на белом лице».*

Совершенно антисоциально по отношению к существующему законному правителю Киева поведение Ильи на пиру у князя.³¹⁵

³¹⁵ Как отмечает А.Е.Наговицын, идея Трикстера в первую очередь связывается со смешным, нарушением тех или иных «очевидных» установок и законов, размыванием устоев. В историческом плане уроки скоморошества властью были усвоены. Так хорошо известно, что русские цари реформаторы Иван Грозный и Петр Первый, борясь с устоями реформируемого им общества, постоянно проводили «всепитейные собрания», «асамблеи» и т.д., где участники наряжались, скоморошничали, а неугодных бояр жаловали в шутов, как князя Долгорукова. Через такие и подобные действия разрушалась всебоярская вольница и проводилось изменение социальных порядков.

При Петре Великом штат придворных шутов насчитывал 24 человека. причём царь, любивший все делать сам, не ограничивался их представлениями, а сам изобретал и принимал участие в разного рода шутовских действиях. Созданный им «всешутейший и всепьянейший собор» во главе с «князем-папой» Петром Ивановичем Бутурлиным включал в себя ближайших сподвижников Петра. Все важнейшие государственные события – военные победы, дипломатические успехи – отмечались шутовскими выходками: наряженные члены собора на санях, запряженных свиньями, козлами, собаками, разезжали по столице, врываются в боярские дома и заставляли хозяев принимать участие в общем веселье.

Особым разгулом сопровождалась состоявшаяся в 1720 году шутовская свадьба князя-папы. Действо это граничила с кошунством – ведь пародировалось одно из важнейших церковных таинств. Свадебную процессию возглавляли Петр и Александр Данилович Меншиков, одетые в костюмы матросов и бившие в барабаны.

Склонность Петра превращать в шутов представителей древнейших русских аристократических родов напоминала боярам худшие времена Ивана Грозного. Этот царь-трикстер создал в Александровской слободе пародию на православный монастырь. Монахами стали приближенные опричники, игуменом – царь. Длительные церковные службы сменялись неистовым разгулом и кровавыми казнями. Загадочная история 1575 года, когда Грозный объявил царем крещеного татарского князя Симеона Бекбулатовича, а сам принял титул князя московского (причем официальные обращения к Симеону начинал со слов: «великому государю всея Руси Ивашка московский смиренно челом бьет»), также имела очевидный шутовской подтекст. Царь явно заигрывался и уже не отличал пародии от действительности. Неудивительно, что результатом его правления в России стала Смута. (см. *Трахтенберг Л. А.*, «Всешутейший собор» и связанные с ним празднества Петровской эпохи: проблемы происхождения...).

Начнем с того, что в ряде былин Илья уже нарушает запрет князя Владимира, являясь в Киев, и приходит туда наряженным в Никитушку Залешанина, чтобы неузнанным испытать княжий двор. Когда Илью сажают не на почетное место, он приговаривает, что князь *«сидит всё с воронами, а меня сажашь да всё с воронятами»*. Князь призывает богатырей, те пытаются выгнать мнимого Залешанина, но он *«стоит и не шелохнется»*. Потом Илья расшвыривает богатырей и уезжает во чисто поле, где готовится стрелнуть в *«грины княженеськие»* да князя самого стрелами калеными. Лишь добрый друг Добрыня утихомиривает Илью.³¹⁶

В ещё более интересных былинах об Илье и голях речь идет о том же, как появился он в Киеве традиционно не узнанным, хотя и похожим отдаленно на того Муромца, которого знают по всему предыдущему циклу (**и это, ещё раз подчеркнем, по нашей версии символически связано с такой чертой Трикстера, как оборотничество**), но при этом описывается совершенно четкая спланированная линия поведения главного героя. Особо отметим, что Илью зачастую не узнают даже голи, с которыми он пирует и которые его поют, ни калики, с которыми он ходит, ни, тем более, сам Владимир.³¹⁷

В былине «Калика и голи кабацкия»³¹⁸ Илья вообще не назван своим истинным именем, хотя совершает решительно те же деяния. Решительно, **под видом Ильи-богатыря выступает в былинах некая языческая сущность более древних времен.**

Причем, сущность хтоническая, в отличие от Красна Солнышка князя Владимира. Ибо силы Илье прибывает от колодезной, то есть подземной воды, когда он сидит недвижим тридцать лет и три года, да от Земли – к ней он примыкает, напитаться Хтоном, в неё Илью заключают (поруб, погреба), ею Илья и становится в былине о «Камском побоище».

Сразив Соловья-разбойника, Илья:

*«Поехал ... да во темны леса,
Во темны леса да во дремуция,
За болота же за дыбуция.
Повалилса Илья да во сыру землю:
«Во сырой земли да двацать лет лежу,
Двацать лет пролежу – да не выглену».*³¹⁹

В приведенном выше отрывке отголосок магического обряда обретения

³¹⁶ Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи... №95, СС. 273-274.

³¹⁷ Архангельские былины и исторические песни... Т.3 №355, СС.271-279.

³¹⁸ Архангельские былины и исторические песни... Т.2. №214.

³¹⁹ Архангельские былины и исторические песни... Т.1. №182.

чистого видения мира, очищения. Нахождение в землянке без света и без звука, запрет на произнесение слов самим и по сей день практикуется в языческих общинах. Это один из приемов смещения сознания, столь неизбежного в магии. И сам Илья совершенно очевидно хочет подпитаться Силой Земли, как это он делает в разных былинах в разной ситуации. Будучи долгое время лишён радостей жизни, Белого Света, из схрона человек встает обновленным, изживая в себе яд измены ли, усталости ли, или чего другого... Он совсем иначе воспринимает после возвращения явний мир и жизнь его обретает иной смысл.

Но вернемся к мифологеме перебранки на пире. Итак, Илья просит княжких целовальников напоить его, путника, дорогим вином.

*«Неведом я к вам пришел
Пить вина безденежно
А считать казну за Ильи Муромцем!»*

*«Ты какого роду-племени,
Ты откуда, гость непосланой?
– «Я Микитушка Шалталович».
– «А коли Микитушка Шалталович.
То садись-ко на задню доску на скамеечку».*

V.5. Возмутитель спокойствия

Таким образом, **Муромец, как и классический Трикстер, устраивает испытание** – княжким людям и самому укладу княжьего двора.

Необходимо подчеркнуть, что сами названия «ссора», «бунт» Ильи даны исследователями былин. Они в известной мере отражают понимание тем или иным ученым сути былинного сюжета. Если слово «ссора» смягчает остроту конфликта, низводит его до уровня случайного происшествия, то слово «бунт» переводит конфликт в план непримиримого классового столкновения.

Мы отнесли бы этот сюжет – пиры с Идолищем, Владимиром и голями – к классическому типу перебранки, происходящей на Традиционном пиру, когда явившийся герой поносит сидящих на этом пиру, ниспровергая их завышенные самооценки. Тут можно вспомнить перебранку Локи с Богами на пиру у Эгира, перебранку Садко с купцами новгородскими, перебранку не узанного женихами Одиссея в его доме на Итаке, а также провокаторскую деятельность ирландского Трикстера Брикриу.³²⁰

³²⁰ По преданию, герой из Ольстера Брикриу устроил пир. На таких собраниях камнем преткновения было право самого прославленного воина разрезать тушу пиршественного быка. Чтобы посеять смуту, Брикриу ради забавы тайно обратился

Под предлогом того, что путник неплатежеспособен, князьи люди (целовальники) отказывают, и испытание на гостеприимство не проходят. Тогда Муромец просит голей сложиться по денежке и напоить его, что те охотно и делают. Богатырь в свою очередь отдаривает голю, прошедшую испытание, – силой отнимает у целовальников три бочки вина и устраивает для «неимущих» братьев пир. Пирующие пьют вино, силой отнятое Ильей и им самим не принадлежащее. Возлияния происходят открыто, всенародно и рассчитаны на любого желающего прохожего. Целовальники жалуются на Илью князю Владимиру, но Илью это несколько не пугает.

Центральный конфликт сюжета об Илье Муромце и голях кабацких относится – по мнению Юдина и Фроянова: к той эпохе, «когда стало намечаться расхождение между традиционным общенародным характером родо-племенной власти, опирающейся, в частности, на позднеродовой институт престижных княжеских пиров, и новой ролью князя, превращающегося со своим окружением в представителей публичной власти, отрывающейся от основной массы населения Древней Руси. Иными словами, перед нами – едва обозначившееся отчуждение князя от народной массы, что становится причиной противоборства народных слоев населения с князем и ближайшим его окружением. В сюжете отражена социальная борьба в древних обществах, отождествлять которую с классовой – нет никаких оснований. Нельзя, однако, не видеть в этом свидетельство социальных противоречий в доклассовом обществе.»

Появление Ильи Муромца в Киеве (как и Локи на пиру богов у Эгира) имеет целью показать слушателю, что это вовсе не такой гармоничный город и не столь справедливы княжий двор, пир и суд, как подражывается традиционно. Муромец, словно Трикстер, выступает возмутителем спокойствия, ниспровергателем авторитетов.

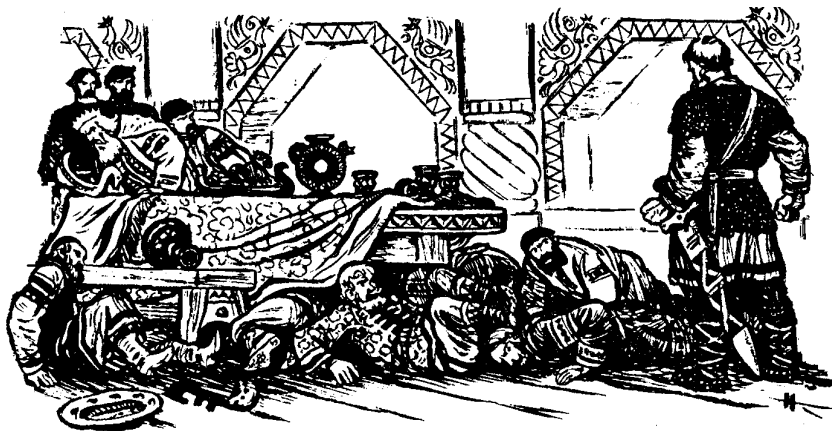
Илья с полным основанием ожидает, что пирующая голя (а равно и слушатели былины) станет по праву прославлять его за чарой на пиру, где Трикстер-Илья утверждает свое первенство, подменяя собой неласкового князя Владимира, который поит только целовальников.

к трем разным героям одновременно, побуждая их искать этой чести. Само собой, что интересы столкнулись. А в числе этих воинов был сам Кухулин (остальные – Коналл Кирих и Лаогхэйр Буаднах). Все трое отправились к королеве Медб с просьбой рассудить их спор, и королева предпочла Кухулина. Соперники оспорили её решение и ещё раз попытались счастья. Втроем они отправились к Ку Рой Мак Даири, королю Мунстера. Но и он решил спор в пользу Кухулина.

Окончил свои дни Брикриу плохо, к нему обратились с просьбой рассудить спор между Донном Куальгне и Финнбенахом, но расвирепевшие быки во время поединка растерзали его. Была у Брикриу и ещё одна неприятная черта – Брикриу, когда он пытался скрыть свои злые мысли, на лбу у него выскакивал багровый фурункул, размером с человеческий кулак.

Пир голи противостоит княжескому. На первом князю места нет, поскольку сам Муромец, а не князь выступает здесь в роли устроителя. Это прямой вызов Владимиру, что подтверждается вторжением Ильи в княжеские погреба. Бросает Муромец и социальный вызов тем, кто держит вино под запретом и продает его за деньги – целовальникам. Не исключено, что имущество князя такого вида, как ритуальный напиток – мёд, в былинах при поздней записи «вино», в доклассовом архаическом обществе мог рассматриваться как общественное достояние. В этой связи вспоминается похищение меда поэзии Одним у великанов и возвращение его как достояния асам и их сторонникам.

Илья идет в голь не столько, чтобы напиться и напоить, нет. Он, возможно, идет высмеивать князя. Вопреки казенному миру Владимира, кабацкий мир традиционно вывернутый, почти скомороший – здесь уж Илья вволю высмеял Владимира и наверняка был понят. В древнерусском городе, так сложилось, оказалось две правды: одну проповедовал тот же поп или государев человек, а с другой, невидимой, уличной правдой выступал «блядин сын» – голь, не ведающая о социальной справедливости, ряженая или в тряпье, бесправная – и изначально враждебная к благочинию. Это благодатная почва для Трикстера-скомороха.

Илья Муромец на пиру у князя Владимира, рис. Н.Кочергин, 1949 г.

В дошедших до нас сказаниях и былинах, повествующих о Киевской Руси, Новгородской республике, Владимиро-Суздальском и Московском княжествах, часто упоминается о богатых пирах, братчинах и игрищах, на которых князья и дружинники, да и народ посадский отмечали победы, удивляли послов иноземных обилием стола, справляли обрядовые

праздники. Пиром или веселой попойкой заканчивались и всякие мирские дела, семейные события. Хмельное питье: пиво, брагу, медовуху каждая семья варила для себя, варили и мирскую брагу и мирское пиво для общественных нужд.

Само слово «целовальник» может указывать на время переработки первичного текста былин и закрепления его в том виде, как он дошел до нас. Не исключено, конечно, что былинный содержатель кабака и продавец питания целовал крест самому государю, и во времена былинной централизованной Киевской Руси в стольном городе такая выгодная статья дохода вряд ли упускалась бы.

Корень слова «голь» указывает на то, что перед нами человек обездоленный, лишенный имущества. С другой стороны «голь кабацкая» по отношению к Руси киевского периода – это безусловный анахронизм. В Киеве и других русских городах дотатарской эпохи и периода татаро-монгольского ига не было ни кабаков, ни кабацких пропойц, спустивших все достояние вплоть до одежды. Но сама позднейшая ассоциация голей былинных с голями кабацкими характерна. Былинные голи не только неимущие, но и бесправные, беззащитные. В былинах о татарском нашествии Илья выступает в роли защитника вдов и сирот. Эта роль стала для него общеэпической. Защитник вдов и сирот естественно становится сотоварищем беззащитных голей.

При Иване III в Московском княжестве право приготавливать питье полностью переходит в ведение казны и по княжескому указу корчмы открываются в городах только с ведома княжеского двора. Рост производства и продажи напитков привел к распространению пьянства и под нажимом церкви Иван IV Грозный принимает решение о запрещении продажи хмельных напитков. Для опричников и служивых людей царь открывает особый дом на Балчуге, именуемый кабаком, где нередко в разгулах и попойках приближенных участвовал и сам Великий Государь.

Доходы от кабака были внушительные и царь принимает решение, запретить крестьянам и посадским людям приготавливать домашнее питье и покупать напитки только в царевых кабаках.

Для продажи вина в кабаках назначались целовальники. Это были люди из пользующихся уважением, избираемые местными жителями. Общество, выбирая целовальника, несло ответственность за него. И в случае недостачи или недобора выручки покрывало допущенные целовальником недоимки.

Наблюдение за работой целовальников осуществлял выбранный из зажиточных грамотных поселян – голова. И голова и целовальники давали присягу, обязуясь собрать положенный кабацкий доход, да непременно с прибылью. При этом они целовали крест.

Неся государству службу голова и целовальники обязаны были поставить кабак, заполучить казенное вино, соблюдать цены, ориентируясь на

московские, сохранять выручку и два раза в год – в феврале и в августе отвозить её в казну.

Таким образом, **Илья, как и Трикстер, нарушает складывающийся социальный порядок**, не согласен он с тем, что главное условие и средство всеобщего традиционного архаического пира – питие – попросту присвоено (захвачено) князем и продается за деньги целовальниками. Погребя, из которых, взломав двери, Илья Муромец выносит и выкатывает бочки, в былинах оказываются княжескими или дворянскими, а кабаки, в которых Илья гуляет – «царевыми».

Есть ещё некоторые вопиющие детали социального бунта Ильи против сложившегося в былинном Киеве (или реальной Москве?) порядка. Испрашивая вина у целовальников и получив отказ, Илья предлагает им взамен дорогой, тяжелый золотой (серебряный) крест или посылает голей продать, заложить этот крест. Языческий обычай столования и сам пир оказываются для него важнее христианской атрибутики. Богатырь, не задумываясь, совершает святотатство (с точки зрения правоверного христианина) для того, чтобы возможен стал его совместный пир с голями – сшибает маковки с церковей.

*«И он берет-то как свой тугой лук розрывчатой,
А он стрелочки берет каленыи,
Выходил Илья он да на Киев-град
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки божьи церкви погуливать.
На церквах-то он кресты вси да повыломал,
Маковки он золочены вся повыстрелял.
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
– Ай же пьяницы вы, голюшки кабацкии!
Да и выходите с кабаков, домов питейных,
И обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
То несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта».*³²¹

V.6. Магический вызов Ильи Муромца

Если в былине об Илье Муромце и голях кабацких богатырь готов продать или заложить свой крест, чтобы устроить пир голей, то в былине о столкновении с князем Владимиром этот мотив усилен и преобразован. Илья стреляет из лука, сбивает золотые церковные кресты, валит маковки, выдергивает

³²¹ Гильфердинг А.Ф. Онежские былины. 3-е изд., т. 2, № 76.

колокольные языки и т.п., а на добытые богатства берет вина, не спрашивая на то согласия целовальников. Сам же пир опасен для Владимира потому, что Илья иногда высказывает на нем намерение сместить князя. Характерно в этой связи, что, стреляя по церквам и княжеским палатам, Илья не только добывает золото для устройства пира, но и ломает те части культовых строений и княжеских палат, разрушение которых в магических представлениях означает гибель церковного храма или дома:

*« – Лети-ко, стрелочка, по поднебесью,
Пади-ко по окошечкам.
Летела тут стрелочка по поднебесью,
Пала по царским окошечкам,
Отстрелила вси маковки позолочены»
«А с церквей-то он кресты повылломал,
Золоты он маковки повыстрелял,
С колоколов языки-то он повиыдергал».*

Соответственно в крестьянском быту, например, действия, вызывавшие несчастье в доме, состояли в ломании ночью забора, покраже ворот, опозорении домашнего очага.³²² Во всем сказанном обнаруживается затемненная временем цель стрельяния Ильи, связанная с системой представлений языческой эпохи. **Чтобы лишить своего противника, князя Владимира, силы и возможности сопротивляться, Илья, как Трикстер, похищает силу князя, совершает магическое разрушение его дома, а также магически уничтожает его святыни – церковные строения.** Ранее, напомним, воровал силу у Соловья да Святогора.

Особенно важно подчеркнуть разрушение храмов. Здесь наблюдается свойственный языческому мировоззрению взгляд на святилище как на опору тех, кто ему поклоняется. Вот почему в древности вражда племен и народов часто начиналась и всегда сопровождалась разрушением культовых строений для того, чтобы лишить врага покровительства богов и повергнуть его.³²³

Понятно, почему в рассматриваемой былинной ситуации Илья, воспринимающий Владимира как своего врага, намеревается, согласно некоторым вариантам, убить его. Таким образом, разрушение церквей в былине является первым шагом на пути осуществления замысла Ильи. Все это говорит о непрочности христианских церковных представлений, отраженных в сюжете. За этими представлениями не на словах, а на деле скрывается подчас языческий образ мышления.

³²² Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI-XIX вв.: Очерк по истории народных верований// Труды института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, Новая серия. Т. 10. М., 1957. СС. 129-131.

³²³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. С 243.

Кроме ломания культовых сооружений, Илья поносит и волочит одежду с плеча князя Владимира – шубу.

Волочение шубы, полученной в подарок от Владимира, есть враждебный акт, направленный против дарителя, между которым и подаренной им шубой тоже существует магическая связь. Иными словами, шуба в некотором роде – это часть самого Владимира. И когда целовальники, бояре или кто-то ещё доносят князю, что, таская и топча шубу, Илья угрожал то же сделать с «собакою» князем Владимиром, тот сразу и охотно верит в это. По понятиям людей Древней Руси, волочение – это посрамление врага и утверждение победы над ним³²⁴.

В некоторых вариантах былины Илья напивается на пиру у Владимира и «волочит» шубу вражеского царя. При этом он бахвалится, как будет расправляться с супостатом. Эти слова в искаженном виде передают Владимиру, в адрес которого, якобы, и говорится брань-похвальба. Вследствие оговора Илья оказывается в «погребе да сорока сажон» на тридцать лет. Княгиня нанимает тех же голей, чтобы прорыть потайной ход к Илье, что они и делают. Когда на Киев приходит «царицо да Кудреванищо», Илью слезно просят выйти на белый свет и защитить. Явившись из хтонического мира, Илья являет хтонические черты – ревет по-звериному, свистит по-соловьиному.³²⁵ Когда же он, точно освободившийся Локи, в принципе сказавший правду в лицо властителям, выходит наружу, то спуску не дает не только татарам погным, но и клеветникам – вместе с Добрыней и Алешей вырубая под корень бояр.³²⁶

Илья часто засаживается Владимиром в подземелье³²⁷ и обречается на голодную смерть, под сомнение поставлена сама система социальных отношений народа и князя в прежнем общинно-племенном смысле.

Конфликт богатыря с князем, запечатленный в сюжете об Илье Муромце и голях кабацких, доводится до прямого противоборства, требование Ильи к Владимиру созвать широкий пир и сделать открытым для всех на время пира доступ к пиршественному напитку сопровождается угрозой отобрать у князя власть, если он попытается воспротивиться воле героя. **Илья своими действиями старается низвергнуть сложившийся социальный порядок и вернуть его к порядку прежнему, языческому, как ему кажется – справедливому.**

³²⁴ Ипатьевская летопись, 1447 год.

³²⁵ Архангельские былины и исторические песни... Т.3. №402

³²⁶ Архангельские былины и исторические песни... Т.2. №267

³²⁷ Мотив заточения героя в подземелье языческий, связан с эпохой античности (например Зевс низвергает Прометея) и представлением о временной смерти при пребывании в ином, подземном мире (эллинистические асы заключают Трикстера Локи в Хель).

Если первоначально Илья Муромец отстаивает право на беспрепятственное участие в пире с освещенным древними традициями приобщением к пирушественному напитку всего городского и примыкающего к городу сельского населения, то голи как главные участники антикняжеского пира Ильи должны постепенно выступать на первый план за счет остальных участников пира в ходе обострения, углубления и развития былинного конфликта. Выделение и подчеркивание их роли особенно характерно поэтому для сюжета о столкновении Ильи Муромца с князем Владимиром. Само это выделение сопутствует переходу мотива антикняжеского пира из сюжета об Илье и голях кабацких в сюжет о столкновении богатыря с князем, где голям отводится роль соратников Ильи по «бунту».

*«Пейте вы, голи, не сумляйтесь:
Я завтра буду в Киеве князем служить,
А у меня вы будете предводителями! –
обещает Илья Муромец своим новым товарищам».*

Вдовы, сироты и голи эпоса появляются на Руси вовсе не в период татарского владычества. Этот слой населения существует издавна, но именно в этот период в его положении, по-видимому, происходят социально значимые перемены, отраженные эпосом. Предпосылки подобным переменам складывались уже во времена Древней Руси, о чем свидетельствует «Поучение Владимира Мономаха». Владимир Мономах подчеркивает в «Поучении...» те неперенные черты княжеской власти, которые накладывают на князя обязанности защитника вдов и сирот, неимущих и обездоленных людей. *«Всего же паче убогих не забывайте, но елико можете по силе кормите, и придайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубить человека... напоите, накормите уненна».*

В этих советах – отмечают Юдин и Фроянов – явственно звучит голос не феодального владыки, а былого племенного вождя, обязанного быть защитником, сберегателем и радетелем всего коллектива. В то же время настойчивость, с которой высказывает свои советы Мономах, говорит о том, что тут уже не все обстоит благополучно и князья подчас уклонялись от исполнения древних обязанностей.

Итак брань Ильи приходится на исторический момент начавшегося перерождения княжеской власти, опиравшейся ранее на старые традиции. Это соответствует статусу князя в Древней Руси, который становился выразителем интересов привилегированной верхушки, но не утратил ещё

связи с народом.³²⁸

Примерами такого же мифопоэтического рода являются бунт Рустама («Шахнаме») и стычки Кухуллина с Конхобаром.

Шахи, короли, князья – основа устоявшегося общества, а в обществе переходном такой фигурой становится богатырь, герой, способный разрешить проблемы. Ведущая социальная роль от князя переходит к богатырю-трикстеру.

Отмечено, что когда «образ эпического монарха перестает быть выражением идеи единства народа, его идеальным защитником (как это было, в «Песне о Роланде», в более ранних былинах киевского цикла, в киргизском «Манасе» или в калмыцкой «Джангариаде»), он тускнеет и снижается, приобретая отрицательные черты – трусливого и беспомощного, жестокого и жадного деспота несправедливого гонителя добрых витязей. Известно, что такова была позднейшая трансформация образа Карла Великого во французском эпосе, Владимира Красное Солнышко в русских былинах; таким изображает и Фирдоуси шаха Кей Кавуса.³²⁹

В этом отношении само неприглашение на пир или неузнавание героя неправедным князем есть не просто акт бытовой невежливости. Пир в былинах, как и в исторической действительности, – это общенародный форум, призванный решать важнейшие вопросы общественной жизни. Илья сознает свое право на участие в таком пире, переживает это горячо и протестует против игнорирования своих прав.

*«Славныя Владимир стольне-киевской
Собирал-то он славный почестен пир
На многих князей он и бояров,
Славных сильных могучих богатырей;
А на пир ли-то он не позвал
Стараго казака Ильи Муромца.
Старому казаку Илье Муромцу
За досаду показалось-то великую,
И он не знает, что ведь сделати
Супротив тому князю Владимиру».*³³⁰

Желая добра Киеву и зла Владимиру, Илья, как и положено Трикстеру, нарушает тот порядок, что установил Владимир. Но этот конфликт и обличение несправедливости централизованному Киеву идет только во вред

³²⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. С. 42-44.

³²⁹ Жирмунский В.М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962. С. 130-136

³³⁰ Гильфердинг А.Ф. Онежские былины. 3-е изд., т. 2, № 76.

– из него уходят и разбредаются богатыри³³¹ – опора и защитники земли от набегов. Уход богатырей символизирует и предвещает эпоху феодальной раздробленности, предшествовавшей приходу сперва половцев-кипчаков, потом – монголо-татар. Наступает Рагнарёк былинной Киевской Руси.

По ещё одной из версий былины под названием «Камское побоище» («Конец богатырей»), существующей в нескольких вариантах, богатыри и Илья, похвалившись справиться с любой силой (эти неразумные слова озвучивает хитроумный Алеша Попович), включая неземную – божественную, не могут убить более ни одного врага, потому что взамен поверженного встает его вдвое и втрое больше прежнего. Убоявшись знака божьего, богатыри, включая Илью, спасаются бегством и окаменевают.³³²

Это знак того, что социально-культурный переход между эпохами свершился, и реальность уже не нуждается ни в культурных героях, ни в Трикстере, отдельными чертами которого, как было показано выше, наделен Илья Муромец.

ЧАСТЬ VI. ТРИКСТЕР В МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРЕ СЛАВЯН. БОГ ВЕЛЕС и СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ

VI.1. Чёрт, Иной сотворец Мира

Неужели, в мифологии древних славян и их домашней, так сказать, Природной вере, нет персонажа, подобного Локи или Одину, Гермесу или Меркурию, соответствующего архетипу Трикстер?

В примечании к былине отмечено, что: «Отношения богатырей русских Данилы Ловчанина, Ставра Годиновича, Суханьши Замантьева, Чурилы, Ивана Гостиного сына, Михайлы Даниловича и особенно Ильи Муромца с князем Владимиром вообще были, как известно, довольно сложными, драматичными, весьма далекими от идиллии. Причины конфликтов могли быть самыми разнообразными: и коварство, и жестокость князя, и неосторожное слово богатырей на пиру у него. Но в случае с Ильей Муромцем речь идет не об отдельном эпизоде, а о постоянном конфликте, отголоски которого мы встретим во всех былинах. Уже первая поездка в Киев влечет за собой столкновение с князем, а в былине «Илья Муромец и Идолище» богатырь признается, что за тридцать лет службы князю киевскому он не получил от него и куска хлеба мягкого. Поэтому возникновение отдельного былинного сюжета «Илья Муромец в ссоре с Владимиром» глубоко закономерно.

³³² Архангельские былины и исторические песни... Т.2. №276; см. также. Былины. –М.: Терра – Книжный клуб, 1998. СС. 312-318 (Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи. М. -Л. 1961. №96).

Первый, кого обычно называют исследователи, отвечая на такой вопрос, – это Чёрт. Образ чёрта конечно дохристианского происхождения, и в славянской мифологии, в языческих представлениях чёрт не плохой, он просто **иной**, так как находится за чертой жизни и смерти, он такой же «аутсайдер», как и трикстер.

Христианские представления о дьяволе оказали конечно решающее воздействие на позднейший облик беса и чёрта: в фольклоре и народных картинках черти – антропоморфные существа, покрытые чёрной шерстью, с рогами, хвостами и копытами (одним копытом). Словом, если обратиться к изображению греческого Бога Природы Пана, то это вылитый чёрт, плоть от плоти Дикого Леса.

Исследования выявляют народные представления о подвижности, «вертлявости» чертей или бесов, их способности к исключительно быстрому передвижению. Как чёрт на воздухе, воздухах (летать, носиться и пр.) – «о ком-то, быстро передвигающемся»; бесова нога – «вертлявый, бойкий»; носиться, как чёрт на ходулях – «быстро бегать, идти»; как чёрт с полоху (переполоху) – «от испуга очень быстро»; вертеться, суетиться, метаться и т.п., как бес, бесы; чёртом – «очень быстро, проворно, ловко»; вертячий чёрт – «бранное выражение»; «изворачиваться, юлить, хитрить» = вертеться, как бес (черт) перед заутреней.³³³

Черт, как и трикстер, находится в пространстве отдельном от людей и от богов.³³⁴ Чёрт отличается способностью к оборотничеству: он превращается

³³³ Елена Березович, Инна Родионова. «Текст чёрта» в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов// Между двумя мирами: Представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции. (Академическая серия. Вып. 9). М., 2002. С. 7-44.

³³⁴ Согласно болгарской богомильской легенде, Бог сотворил дьявола из своей Тени. А мир теней он перпендикулярен миру живых. Вероятно, именно отсюда рассуждения трикстера-Воланда у Булгакова в его беседе с Левиим Матфеем, когда последний заявил, что не желает «здравия» Воланду: «Но тебе придется примириться с этим, – возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, – не успел ты появиться на крыше, как сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она, – в твоих интонациях. Ты произнес свои слова так, как-будто не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало Зла, и как бы выглядела земля, если бы с нею исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты, ободрав весь земной шар, снес с него прочь все деревья и все живое, из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? « (у альбигойцев, к которым относится и Коровьев-Фагот, преобразившийся в фиолетового рыцаря, Сатана – Творец всего материального мира, а из Тьмы рождается Свет). Кроме того надо вспомнить, что библейская история творения мира содержит «историю грехопадения», в которой есть и хитрость, и обман, и воровство, и нарушение табу, и *смех*. Змей, который был

в черную кошку, собаку, свинью, змея, чаще – человека, странника, младенца, кузнеца, мельника.³³⁵

Чёрт в народных верованиях постоянно вмешивается в жизнь людей, причиняет мелкие неприятности, принуждает к неоправданным поступкам, насыляет морок, заставляет плутать пьяных, провоцирует на преступление, самоубийство, соблазняет женщин, пытается заполучить душу человека.³³⁶ Всё это типичные черты Трикстера, как читатель мог убедиться ранее.

Любопытно, что скандинавского бога Одина именуют богом висельников, повешенных. В этой связи упомянем о связи веревки вообще и нечистой силы, или даже дьявола.

Это находит отражение в ситуации самоубийства, которое «благословляется» нечистой силой. Есть история о том, как девушка, привязавшая веревку, чтобы повеситься, была спасена ангелом-хранителем, после чего услышала брань удалявшегося черта³³⁷; мужик, собиравшийся повеситься, видел во сне ухмылявшегося черта с веревкой,³³⁸ «воздействие нечистой силы на висельника, надевающего на себя петлю по наущению или прямо с помощью дьявола, считается и у славян почти повсеместно причиной самоубийства».³³⁹

Чёрт занимается подменой детей и их воспитанием, удачно защищает своих любимцев на светском суде³⁴⁰. Чёрт вовсе оказывается кумом Бабы-яги.³⁴¹ Черти подсовывают недостойным нечистоты (как Уленшпигель) вместо причастия.³⁴²

«*хитрее* всех полевых зверей» обманом заставляет людей нарушить запрет Бога и украсть плоды с Дерева Познания добра и зла. Змей обещал, что вкусив этих плодов, люди сделаются «как боги», то есть узнают *всё*; поев, люди «узнали, что наги они».

³³⁵ Рангом повыше, Дьявол оборачивается как мужчиной, так и женщиной (не обращая внимания на пол), само собой и животным – козлом или лошадю, птицей, рыбой, гадом.

³³⁶ Мифы народов мира. Энциклопедия (в 2 томах). – М., 1994. – Т. 2. С. 625.

³³⁷ Русский демонологический словарь /Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995. С.596.

³³⁸ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера /Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб., 1996.

³³⁹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь /Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С.378.

³⁴⁰ Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д.К.Зеленина. –СПб.: Тропа Троянова, 2002. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.7), СС.171-175.

³⁴¹ там же, С.304.

³⁴² там же, С.299.

Черти, бывает, попадают впросак, их подстреливает охотник, проиграв спор черти дают право беспрепятственной охоты (словно лешие),³⁴³ отдают волшебные предметы добру молодцу,³⁴⁴ а оброк – мужичку, типа Балды. Чёрт дает под залог души деньги мужику и остается с носом, в обмен на душу служит вместо солдата и не выдерживает тягот.³⁴⁵ Если обратиться к фольклору европейскому, то чёрт тоже уступает в находчивости Пьеру или Жаку пройдохе.³⁴⁶

Более того, в славянском фольклоре и в эпосе ближайших соседей славян сохранились множественные фрагменты дуалистического мифа о сотворении мира и самого человека двумя началами – божественным и «дьявольским», стало быть светлым и темным.

Выскажу идею, что на проверку в этом мифе так называемый Белобог, или собственно Бог, выступает культурным героем, а его спутник и соперник, соревнующийся с ним, то есть Чернобог, на деле проявляет себя как самый настоящий Трикстер.

Например:

*«Стал Господи мир творить, где народу жить. Распустил он море-окиян; надо землю сеять. Прибежал лукавый чорт, да и говорит Господи: «Ты, Господи, всё творишь: весь мир сотворил, окиян-море напустил; дай мне хошь земли засеять!» – «Сей!» сказал Господи. Сеял, сеял лукавый, – никакого толку! – «Опускайся ты, лукавый, сказал Господи, – на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли». Опустился лукавый на дно моря, захватил лукавый горсть земли; вынырнул: глядь – всю землю водой размыло. Опустился в другой, – тоже: в горсти нет земли. Опустился лукавый в третий раз, и, по Божьему по велению, оставалась за ногтем песчиночка. Бог взял ту песчиночку, и засеял всю землю, с травами, с лесами, со всякими для человека угодыями».*³⁴⁷

«В начале Света благоволил Бог выдвинуть Землю. Он позвал Черта, велел ему нырнуть в бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принести ему. – Ладно, думает Сатана, я сам сделаю такую же

³⁴³ Сказки и песни Белозерского края, кн. 1./ Полное собрание русских сказок, т. 2., –Спб.: «Тропа Троянова», 1999, №35, №96, №7.

³⁴⁴ там же, №42.

³⁴⁵ Сказки и предания Самарского края. Сб. Д.Н. Садовников. –Спб.: Тропа Троянова, 2003. – 447 с. – (Полное собрание русских сказок. ранние собрания. – Т.10). №№79-80, СС. 246-247.

³⁴⁶ Как чёрта перехитрили//Французские народные сказки. –М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. СС.266-276.

³⁴⁷ Буслаев Ф.И. Русские народные песни, собранные П.И. Якушкиным. Предисловие // Тихонравов Н.С. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. I. М., 1859. Отд. 2. С. 100.

землю! Он нырнул, достал в руку земли и набил ею свой рот. Принес Богу и отдаёт, а сам не произносит ни слова... Господь куда ни бросит землю – она вдруг является такая ровная-ровная, что на одном конце станешь – то на другом всё видно, что делается на земле. Сатана смотрит... хотел что-то сказать и поперхнулся. Бог спросил: чего он хочет? Чёрт закашлялся и побежал от испугу. Тогда гром и молния поражали бегущего Сатану, и он где приляжет – там выдвинутся пригорки и горки, где кашлянет – там вырастет гора, где привскачет – там высунется поднебесная гора. И так бегая по всей земле, он изрыл её : наделал пригорков, горок, гор и превысоких гор».³⁴⁸

«По старосветному Окиян-моря плавало два гоголя, первый – бел-гоголь, другой – черен гоголь. И теми двумя гоголями плавали сам Господь Вседержитель и Сатана. По божью велению, по богородицину благословению сатана вызынул со дна синя моря горсть земли. Из той горсти Господь сотворил ровные места и путистые поля, а Сатана понаделал непроходимых пропастей, ущелий и высоких гор».³⁴⁹

«Здавна, як землі ще не було, всюди вода була. Не було і нас ще. А чорт жив десь так у хатах, хто зна де жив. Дак бог прийшов до чорта та й повів чорта до Дніпра, щоб пурнув да виніс піску в руці. Він пурнув, так не винесе – вода виміє: оце що набере піску, то вода й виміє з руки. Дак бог повів його до другого, до мільшого, дак він відтіля виніс піску. Дак бог тим сіяв тут усюди по тих водах, дак стало вже сухо і світ став... Кажуть люди старі, що так було»³⁵⁰.

«Вот, когда Бог сотворил воду, то и говорит Сатане: «Поди в море, возьми со дна горсть песку и принеси Мне, Я сотворю землю». Сатана достал со дна две горсти песку (он уж тогда задумал обмануть Господа и так же творить как он), принес одну горсть и подал её Богу, а другую затаил у себя. Бог бросил горсть песку – и родилась земля. Но когда он ушел, и кинул свою горсть Сатана, то на земле появились горбины и каменные горы. Вот почему на земле родились горы»³⁵¹.

³⁴⁸ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1994. С. 458-462.

³⁴⁹ Ончуков Н.Е. Неизданные сказки из собрания Н.Е. Ончукова. СПб., Алетейя. 1998.

³⁵⁰ Легенди та перескази / Упоряд. та прим. А.Іоаніді. Киев, 1985. С. 39.

³⁵¹ Бурцев А.Е. Полное собрание этнографических трудов. Т. 6. СПб., 1910. С. 121.

«Як уже бог схотів посіять землю, так послав нечистого, щоб землі достав з моря. Воно тоді не можна було, бо скрізь вода була. І сказав, щоб собі не брав землі, а щоб усю оддав богові, скільки дістане.

А він там скільки достав, може, усю взяв, то оддав, а у роті собі сховав. А бог як посіяв землю, так у чорта в роті начала рости земля, начала рвать. А він де пирхав, так там болото стало, де пирхне – коняка; чхає і ригає – чоловік, кінь, собака, кіт»³⁵².

«Бог человека по своему образу и подобию создал, и чёрт тоже захотел сделать: написал и вдунул в него свой дух. выскочил козел рогатый – чёрт испугался и попятился от козла. С тех пор он и боится его. Вот почему в конюшнях козла держат, и на коноводных тоже – где бывало пар до ста лошадей, всегда козла держали. Он – чертов двойник».³⁵³

Персонаж мифологии обских угров – Куль-отыр (манс.) или Кънь-лунг (хант.). Куль-отыр ответственен за смерть людей, такая черта очень часто присуща трикстеру. По другим мифам Куль-отыр противостоит высшему богу пантеона угров Торуму: выпрашивает у него и прячет светила, вредит при создании людей, соблазняет их на нарушение запретов и указаний Торума, создает вредоносных животных, пресмыкающихся. В то же время Куль-отыр является «богатырем» уже по месту, занимаемому им в пантеоне, кроме того, об этом прямо свидетельствует само имя (отыр – богатырь»³⁵⁴).

Трансформация Куль-отыра из некоего первосущества, великана-богатыря, происходит с экспансией православия и стиранием Природных культов обских угров. В характеристике Куль-отыра конечно уже преобладают отрицательные качества. Куль-отыр под воздействием христианского вероучения наделяется демоническими чертами и превращается в черта. Наглядный пример такого превращения Куль-отыра в черта представляет собой миф «О подземных духах», записанный в сер. XX века В.М. Кулемзиным. Этот миф содержит рассказ о происхождении черта и создании Нижнего мира. Но как явно видно из записей аутентичных мифов именно Куль-отыр поссорившись с Торумом, уходит под землю через

³⁵² А.Іоаніді. С. 39.

³⁵³ Сказки и предания Самарского края. Сб. Д.Н. Садовников. –Спб.: Тропа Троянова, 2003. – 447 с. – (Полное собрание русских сказок. ранние собрания. – Т.10). №№82, С. 248.

³⁵⁴ Н. Л. Пяткова. Организующая роль Трикстера в мифологии хантов и манси//Урало-сибирская научно практическая конференция. Екатеринбург: Уральский государственный университет. 2003.

отверстие, оставленное посохом Торума. Так же из этих мифов следует, что Куль-отыр является хозяином Нижнего мира – мира мёртвых.³⁵⁵

А вот нижеприведенная версия создания человека была изложена ещё языческими волхвами в споре с Яном Вышатичем, усмирителем Белозерских язычников по Лаврентьевской летописи³⁵⁶ (1076 г.), в пересказе христианина Яна и самого летописца. Человека создали Бог и Сатана (Трикстер Локи, как известно, тоже участвовал в творении человечества):

«Бог мывся, отерсе ветхем и сверже с небесе на землю; и распреса сатана з богом, кому в нем творити человека. И сотворил диавол человека, а бог душу в онь. Тем же аще умрет человек, в землю идет тело, а душа – к богу».

Ян тех волхвов повесил, *«и в другую ночь медведь возлез, угрыз, снести их...»*

Это уже рассказ, записанный в Пензенской губернии у мордвы сравнительно недавно по историческим меркам. Не исключено, что русские язычники уходили постепенно на восток, не желая поступиться верой предков. На Волге они смешивались с местным финно-угорским населением, миф накладывался на миф:

«Человека хотел сотворить не Чам Пас, а Шайтан: собрал глины, песку и земли от семидесяти семи стран света, но слепить благообразно тела не мог – то слепит свиньей, то собакой, то гадом; а ему хотелось сотворить человека по образу и подобию Божью. Позвав птичку-мышь, он сказал ей: «Лети на небо, там у Чам Паса полотенце висит; когда он в баню ходит, тем полотенцем обтирается; висит оно у него на гвоздике, заберись ты в один конец полотенца, своей гнездо, разведи детей, чтобы один конец полотенца стал тяжелее и упал бы ко мне на землю». Летучая мышь так и сделала. Шайтан обтер полотенцем слепленного им человека, который получил образ и подобие Божие, но вложить в него живую душу он не мог. Когда Господь оживил его, Шайтан вступил с ним в спор: и на его долю из человека надобно что-нибудь ему дать. Решили так: «Образ и подобие от моего полотенца, – сказал Чам Пас, – и душа моя, а тело пусть будет твое». А птичку-мышь Чам Пас наказал за службу

³⁵⁵ Е.В. Бабаец. Трансформация образа Трикстера в представлениях обских угров после христианизации// Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители». Выпуск №8 – СПб.: Издательство «Санкт-Петербургское философское общество», 2001. – С. 300.

³⁵⁶ Лаврентьевская летопись, ПСРЛ, т. 1., –М.: Языки Русской Культуры, 1997, – 496 с.

Шайтану: отнял у неё крылья и приставил голый хвост, так же как у Шайтана, и дал такие же лапы, как и у него»³⁵⁷.

Как пишет наш коллега, Дмитрий Громов³⁵⁸, зафиксировано 11 фольклорных записей данного сюжета. Ниже я привожу тексты двух русских, украинской и сербской легенд³⁵⁹.

«Шол по земля Господь Бог, а с ним дьявол. Ну, тот, который людей сомущает, и здумал он и Бога сомутить. И так и шли они. Им на пути стречатца куча земли. «Кто, – говорит дьявол, – из нас сильнее, ты али я, покажем свою силу». Взял землицы, плюнул на неё, в руках повалял и сделал вроде как статуи, человека обрисовал. «Вот видишь, он на меня походит (похож)», – говорит дьявол Иисусу Христу. Ну, подошел Иисус Христос к этой статуе. А она на полу лёжит. Дьявол не мог её уставить, штоб стояла. Так подошел Иисус Христос, взял капочку самую земли на ладонь, на руку-то, маленько слюной спустил, размешал эту грязь, да по губам и помазал этому-то статуе. Потом в лицо дунул – дух доспел. Статуи-то и оживел, стал, поднялся и пошел. Дьявол-то улетел. Тело-то в нас дьяволово, от земли, а душа-то Божова – она завсегда и после смерти уходит к нему обратно на небо»³⁶⁰.

«Чорт сотворил тело человека из глины, но не мог оживить его; Бог сказал чорту: отдай мне человека, я дам ему жизнь»; чорт отдал, чтобы посмотреть, как это сделать» <Далее чорт пропускает момент творения, и так и не узнает, как Бог оживил человека.>³⁶¹

³⁵⁷ Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 5. Гл. XI. Дуалистические поверия о мироздании // Сб. ОРЯС. СПб., 1889. Т. 46. С. 10-11.

³⁵⁸ Громов Д. Восточно-славянские дуалистические легенды о сотворении мира // Вестник Традиционной Культуры: статьи и документы. Вып. №3/ под ред. докт. филос. наук Наговицына А.Е., М., 2005. СС.8-29.

³⁵⁹ Помимо приведенных ниже записей, см.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. СПб., 1872. Т.1. С. 145.; Радченко К.Ф. Этюды по богомилству. Народные космогонические легенды славян в их отношении к богомилству // Изв. ОРЯС (Отделение русского языка и словесности академии наук), СПб., 1910. Т. 15, кн. 4. С. 74-76. Галицько-руські народні легенди. Т. 2. Збір. Володимир Гнатюк // Етнографічний збірник. Львів, 1902. Т. 13. (Далее – Гнатюк-2.) С. 222. № 388.

³⁶⁰ Фольклор Приангарья / Пред. и публ. Запорожца В.В. // Живая старина. № 2. 2000. С. 47-48.

³⁶¹ Воспр. по: Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива имп. Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 2. С. 675-676.

«Тай він тогди злпциў з землї чоловіка и зачѣнў на него хїкати, плювати, харкати, аби єго оживити, а далї теленає ним, шторцує – не мож. Приходить Пан-бог и питає єп: – «А ти шо, мой, робиш?» – «А, каже, я собі зробиў товарищі, бо ти, каже, маєш товариші, а я ни маю; хочу собі зробити также товариші.» – А Бог каже: – «А деж ти годен собі товариші зробиши?» – «Тай казаў ему ити від того гет и вівернуў того чоловіка, тим шо він – оссина єму – обхаркаў у середину, и оживиў єго и назвал єго Адам».³⁶²

«Бог сотворил ангела по образу своему и подобию, а дьявол, как нечистая сила, стал ему завидовать и начал из земли и воды составлять тварь, которая во всем походила на ангела. И так он из земли создал человека, поставил его на солнце сушиться. (...) Нечистый невесело смотрел на свое создание, которому не мог дать души. В это время пришёл Господь Бог и спросил его: – «Что это такое, что ты слепил из земли?» – «Человек», – отвечал дьявол. – «Так что же он не ходит?» – «Не могу дать ему души», – ответил дьявол. – «Э, хорошо, – сказал Господь. – Так я ему дам душу, и, пока он жив, пусть будет моим, а когда умрет – твоим». Дьявол согласился на это условие. Тогда Бог, рад тому, что даст душу ещё одному созданию, усмехнулся и дунул в лицо человека. И вот человеческое лицо озарилось божеской светлостью, стало милым и улыбающимся, как у ангела, а очи тихонько открылись, и в них явился лик Божий, исполненный ангельским блаженством.

И поэтому и теперь у человека, который ничего не имеет на душе, которого не мучит никакой грех, на лице видны душевная чистота и ангельская благодать, как в тот момент, когда ему Бог своим духом дал душу»³⁶³.

Всё перечисленное в точности соответствует нашему понятию о Трикстере по второму его признаку: «Трикстер – неподконтрольная никому фундаментальная Мировая Сила, результат действия которой непредсказуем, даже для самого Трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социально-культурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча».

³⁶² Матеріяли до гуцульської демонології. Записав у Зелениці Надвірнякського повіта 1907-1908 Антін Оніщук // Матеріяли до української етнології. Львів, 1909. Т. 11. Ч. 2. С. 66.

³⁶³ Вольтер Э., Вукичевич М.М. Сербская легенда о двух царствах – Божьем и Дьявола // ЖС. 1915. Вып. 1-2. С. 101-114. (перевод).

Очень часто легенды о низвержении «Черного бога» и его помощников содержат мотив возникновения «нечистой силы».³⁶⁴

*«На небе у Бога были ангелы. Их было много. Жили ладом, хорошо. Потом о чем-то застырили промеж себя – это ангелы и Бог-то. Бог-то взял и стихнул их с неба. Ну, они полетели вниз, на землю. Кто куда упал, тот таким и доспелся. Новой упал в лес, доспелся лешим, новой в баню – так банник, а другой на дом – тот суседка; на мельницах живут мельники, на гумне и ригах – рижники. В воде опять же водные черти. А один упал в чан с пивом, баба наживила, ну там хмельник живет»*³⁶⁵.

И если задуматься, то нечистая сила в русских сказках как раз исполняет ту самую функцию Трикстера, что и классические Трикстеры в мифах эпоса. «Антихристы прежде всего к таким подъезжают, таких желают поймать в сети, которые благочестивые и богомольные».³⁶⁶ Нечистый дух крадет женщин³⁶⁷ или навещает их по ночам.

Языческая формула «договорных отношений» человека с Темной Силой представлена Петром Альбином в «Миснейской хронике»: *«славяне для того почитали Чернобога, как злое божество, что они воображали, будто всякое зло находится в его власти, и потому просили его о помиловании, они примиряли его, дабы в сей или загробной жизни не причинил он им вреда»*.³⁶⁸

Гельмолд описывает, что когда на пиру у славян чествовали злого бога Чернобога, то при обносе гостей чашею каждый произносил проклятия, а не слова благословения. Впрочем, каждый понимает в меру своего воспитания: *«Удивительное суеверие славян, ибо они на своих празднествах и пирах обносят круговую чашу, возглашая над нею слова – не скажу благословения, но проклятия, во имя богов доброго и злого, так как ожидают от доброго бога счастливой доли, а от злого – несчастливой; поэтому злого бога даже называют на своём языке дьяволом или Чернобогом»*.³⁶⁹

³⁶⁴ Сила, относимая к потустороннему «иному», «нездешнему» миру, которому человек противопоставляет здешний, «чистый», правильный. Тут особенно стоит обратить внимание на использование всеми Трикстеров испражнений, нечистот. Даже Один через задний проход подарил «долю рифмоплетов».

³⁶⁵ Фольклор Приангарья / Пред. и публ. Запорожца В.В. // Живая старина. № 2. 2000. С. 48.

³⁶⁶ Сказки и песни Белозерского края, кн.1. Сб. Б. и Ю. Соколовых/ Полное собрание русских сказок, т.2., –Спб.: «Тропа Троянова», 1999, –800 с., С.33.

³⁶⁷ там же, С 380, №79.

³⁶⁸ Белкин И. Как выглядел Черный бог// Мифы и магия индоевропейцев, N4-5, – М.: Менеджер, 1997.

³⁶⁹ Гельмолд. Славянская Хроника. пер. Л.В.Разумовского, М., 1963.

В русской сказке «Кузнец и чорт»³⁷⁰ рассказывается:

«Кузнец имел промысел – кузничю. Он ковал, а денег у ево на пропитание не было. Всё нужное имел себе промыслом со своим. А держал в кузниче во своей икону – Божьей облик, и картину – дьявола...»

В этой связи вспоминается кузнец Вакула из Гоголевских «Вечеров на хуторе...»: «... намалевал Вакула чорта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «Он, бачьяка какак намалевана!»³⁷¹

Кузнечное искусство между тем во времена православия относилось не вполне к христианским, ибо использовало печь – «геену огненную», с которой ассоциировался ад. Стало быть, посредством адава пламени кузнец изготавливал мирские вещи. И потому с языческой точки зрения понятно, почему у кузнеца кроме изображения Бога есть в кузне изображение его противника. По тексту сказки становится очевидно, что кузнец не следует покону, и дьявола не чтит: *«Богу помолничья, а счаны соймет – жопой дьяволу поклоничья; насмехался над бесом. Дьявол сердился на ево топере и грозился: «Погоди, я тебе ету штукину отведу всю!»*

Дьявол нанимается к кузнецу в работники и обещает его обогатить.

В этой связи вспоминаются таковые устойчивые языковые выражения и поговорки: «Чёрт дал работу, а Бог отдых»³⁷²; «чертомелить» – то есть работать много, с большим усердием и напряжением³⁷³; «чертоломить» – выполнять тяжелую физическую работу³⁷⁴; работать «как чорт».

Очевидно, что в данном мотиве отразилось представление о работе, повседневном физическом труде как явлении «небожественном» по своей сути и происхождению – представлении, восходящем к библейскому сюжету о грехопадении и изгнании из рая и поддерживаемом на уровне обрядового кода и в нормах бытового поведения (запрет на работу в праздничные и

³⁷⁰ Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д.К.Зеленина. –СПб.: Тропа Троянова, 2002. СС. 176-178 (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.7); близкий сюжет см. Сказки и предания Самарского края. Сб. Д.Н. Садовников. –Спб.: Тропа Троянова, 2003. – 447 с. – (Полное собрание русских сказок. ранние собрания. – Т.10). №81, СС. 247-248.

³⁷¹ Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством/ Н.В.Гоголь, Собрание соч. в 6-и томах, М., 1952, т.1. С.145.

³⁷² Смоленский этнографический сборник /Сост. В.Н. Добровольский. СПб., 1894. Ч. III: Пословицы. С.133.

³⁷³ Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964-1987. тт.1-7. Т.7. С.27; Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск, 1986-1989. Вып. 1-4. 1, С.120.

³⁷⁴ там же.

выходные дни вследствие восприятия их как дней, посвящённых Богу).³⁷⁵

Итак, дело у кузнеца идет на лад, да так, что не успевает деньги тратить, не то, что считать. Подсылает дьявол кузнецу двух бесов под видом старцев, и просят они кузнеца их из стариков на молодых перековать за большие деньги. Работник-дьявол их на глазах у нанимателя-кузнеца и перековал. А потом распростился с кузнецом – и поминай, как звали.

Через некоторое время к кузнецу, оставшемуся одному, но со славой мастера, обращаются два православных старца, которые прослышали, что тут старость на молодость перековывают. Кузнец и взялся за это дело, только православных покалечил. Кузнеца в кандалы, и в острог ведут. Ему встречается бывший его работник и раскрывает, почему всё так вышло, приговаривая: *«Богу-то молись, да и дьявола-та не гневи!»*

Как вариант у западных славян от дьявола во многом зависело, удастся ли у гончара посуда. Посторонним и детям не позволяли садиться за гончарный круг, так как в этом случае в дело мог вмешаться дьявол. Если работа не ладилась, то это также приписывали вмешательству нечистой силы. В конце дня мастер крестил гончарный круг или рисовал на нем крест; оставлял кусок глины на круге и делал на ней крест, чтобы дьявол не вращал его ночью. Гончарные клейма в виде крестов на днищах горшков известны по данным археологии. Связанное с огнем, гончарное ремесло устойчиво ассоциировалось с миром мёртвых, ср. рус. поговорку: *«Быть тебе в раю, где горшки обжигают!»*³⁷⁶

VI.2. Велес, властитель Иного

Чертовщина, шутовство или бесовство с точки зрения христианской церкви приписывалось должно быть всем прежним языческим богам. *«Куда же древле погании жьряху бесом на горах, ныне же паки туды святые църквы стоят»* – отмечал новгородский летописец.³⁷⁷ Кстати «шут» – диалектное «чёрт».³⁷⁸

Например, в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» говорится: *язычники «это те, которые богами называли; солнце и месяц, землю и воду, зверей и гадов, кто в жестокосердии своем дал богам имена, как*

³⁷⁵ Елена Березович, Инна Родионова. «Текст чёрта» в русском языке и традиционной культуре...

³⁷⁶ Топорков А.Л. Гончарство: мифология и ремесло//Фольклор и этнография. Л., 1984. С.41-47.

³⁷⁷ Первая новгородская летопись младшего извода. М., Л., 1950, С.103. Впрочем патриарх Иов хвалил ещё царя Федора Ивановича за то, что он на севере России сокрушил идолов и «идежа быша ельинская капища, тамо божественные церкви» (воздвигал) ПСРЛ. СПб. 1910 Е. 14. СС.9-10.

³⁷⁸ См. подробнее:

людям, и те, которые почитали Утрия, Трояна, Хорса, Велеса, превратив бесов в богов. И в этих злых богов верили люди».³⁷⁹

Дословно по другому списку: «вероваши, юже ны бе тварь Бог на работу створил, то то они все боги прозваши солнце и месяц землю и воду, звери и гады, то сетнее и члвчь окамента оутрия трояна хрса велеса пероуна на Богы обратия бесом злым вероваши, доселе мракмь злым одержими соуть, того ради сде тако моучаться».

Таким образом, чтобы обнаружить Трикстера в славянском пантеоне, надо искать беса из бесов.

Если исходить из аналогии с германским и греческим пантеонами, а также из общности на каком-то раннем этапе самой культуры индоевропейцев, очевидно, что есть лишь один бог, наиболее соответствующий описанию Беса в «поганстве»³⁸⁰, вернее лишь одно имя такого бога-Трикстера в славянских языках. Это Велес.

Навь-бог Велес, рис. В.Дунько, 2000 г.

В мифологии соседей славян – древних балтов имя этой Силы варьируется: Виелона, Велнс или Велс, что собственно и означает «чёрт», «дьявол» – это постоянный противник Громовержца и владелец мира мёртвых и пастырь душ. У тех же балтов «*Velu mate*» – мать мира мёртвых, а «*veles*» – души умерших³⁸¹. У литовцев существовал особый праздничный

³⁷⁹ Подразумевается, что были и добрые боги? Обращаем внимание на множественное число – «злых богов».

³⁸⁰ О.В.Белова. Бес/ Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого. Т.1. –М.: Международные отношения, 1995. СС. 164-166.

³⁸¹ В.Н.Топоров. Боги// Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого, М., 1995, С. 210. См также: Д. Гаврилов. От Порядка – к Гармонии, от Закона – к Воле // Гаврилов Д.А. Ёлкин С.В. Протоязык и традиционализм. Пути реконструкции. –М.: МГИФИ, 1997, -98 с. СС.70-76 (ISBN 5-7562-0151-5).

ритуал, посвященный богу Виелоне. Он заключался в том, что для праздничного пира закалывали свинью и приглашали Виелону вместе с мёртвыми принять участие в этом пире. У литовцев в день поминовения усопших («время Велса») был обычай сжигать кости животных.³⁸² Несомненно, это говорит о том, что балтийский Велс, как и славянский Велес, сочетал в себе функции властителя загробного (навьего³⁸³) мира.

Кстати, и слово «власть» Топоровым соотносится с именем Велеса. Великость и власть — Велес — он великий есть. «**Великий**, церк. велий, превышающий обычную меру, сравнительно с другими обширный, большой; о человеке славный великими, знаменитыми подвигами; но, в сокращенном виде, иногда относится и к росту... **Велес** м. ряз. (велец, велеть, великий) укорно, повелитель, распорядитель, указчик. Велибный, кур. высокий и сухопарый. Велебный» (Толковый словарь В.И.Даля).

В реконструкции змееборческого мифа В.Н.Топорова и В.В. Иванова Велес противник Перуна, крадущий у Громовика скот. Приблизительно этим занимался быкокрад Гермес, ворующий у солярного Аполлона коров.

Исследователь А. Иштуин в работе «Восточнославянские боги и их имена» отмечает: «В балтийской традиции существуют особые приметы и поверья о т.н. «мёртвой кости»: латыш. *vela kauls*, литов. *navikaulis*, ср. рус. *навья косточка*, хетт. *uallas hastai*; само название и ритуальное использование этой кости связывают божество мёртвых, покойника и скот. Велсу был посвящён месяц октябрь – *Walla Manes*. Ср. белорусский обычай осенью приглашать *дедов*, т.е. предков, к столу. Именно от имени литовского бога Велса-Виелоны идёт балтийское имя чёрта *Велняс* (литов. *velnias*, *velinas*, лат. *velns*). Несмотря на негативную оценку данного «демонического» персонажа, он связан с музыкой, танцами и даже наделён

³⁸² Мифы народов мира: Энциклопедия. Т.1. М., 1994. СС.228–229.

³⁸³ Навь – в самом общем смысле, мир мертвых. Но это и фундаментальная тенденция обратить явный мир в невидимый, т.е. неразличимый мир фантазии и идеи, скрыть до поры до времени то, что не должно быть раскрыто по замыслу Единого ныне. Это стремление Вселенной сохраниться, и одновременное стремление Вселенной и Человека взаимно познать друг друга за счет самопогружения. Это все консервативные процессы, в том числе и память. Это тяга к прошлому, но это в тоже время и процесс подготовки мертвой материи к новому рождению, и обращение живой материи в мертвую. Это все Силы, умиротворяющие природу. Встреча с Навью всегда проверка культурного героя на Силу и обоснованность претензий на что-то сверх обычного. Навь – это как раз стихия бога-трикстера, практика получения Силы через разрушение, это поиск Силы в себе, например, Один сам ранит себя копьем и подвешивает вниз головой – на девять дней без пищи и воды – в ветвях Мирового древа, ради знания, Шива-Махаиогина сам погружает себя в тысячелетнюю медитацию... см. *Д.А.Гаврилов, А.Е.Наговицын. Боги славян. Язычество. Традиция...*

мудростью, а также снабжён атрибутами скота (рогами и копытами). Налицо все функции древнего божества, хотя и с негативной оценкой. Слово *vele* по-литовски значит 'душа', но прямо связано с богом скота. Подтверждение той же ассоциативно-мифологической связи души и животного мира находим в западноевропейских языках (лат. *anima* 'душа' и *animalis* 'животное')».

Это противостояние солярному или громовому божеству, и близость к миру мёртвых, Иному Свету, даёт мне с вами право предположить, что Велес и у славян выполнял приблизительно те же функции, провести параллель между Велесом и Гермесом (как олимпийцем, так и Хтонием, а также и отцом звероподобного Пана).

Имя властителя Иного мира у славян варьируется в списках летописи и поучениях против язычества – Велес, Волос, Власе, Власий, Влас – «скотий бог», «скотий», т.е. дикий, лютый, звериный.

Навь-бог Один с воронами и волками, рис. А.Байбаковой, 1999 г.

Есть предположение, что в том числе у северно-германского Вотана = скандинавского Одина: было, возможно более архаическое, имя Вольс или Вельс, поскольку одного из его «родичей» – Беовульфа – называли «потомок Вольса/Вельса»³⁸⁴ (вульф — волк, имя сказочного оборотня Волха-Волоха, умевшего превращаться в рыскающего зверя, тоже созвучно неспроста). Известны и жертвоприношения Вотану-Одину волков, которых вешали на

³⁸⁴ *Погодин А.* Опыт языческой реставрации при Владимире // Тр. русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т.Н. С. 151.

столбах, именуемых «волчье дерево».³⁸⁵

Велес, уподоблен Пану, козлоногому сыну Гермеса³⁸⁶ – богу Дикой природы (Mater Verborum³⁸⁷ – «*Veles: Velесь – Pan, utago hircina*»).

Как отметил А.Н.Афанасьев³⁸⁸, в словацкой песне (колядке) слово *велес* прямо употребляется в значении «пастух»:

*Пасли овцы велесы
При бетлемском салаше...*

Вспомните звериные колядные маски! Мир Дикий, звериный не относится ни к миру людей, ни к жилищам Богов – этот промежуточный Свет самое место для бога-трикстера, предводителя буйной Дикой Охоты типа Одина. И Велес, конечно, пастырь, но пастух он дикий, потусторонний.

Русские летописи по договорам Олега и Святослава с греками свидетельствуют:

В лето 6415 (911): *«Цесарь же Леон с Александрьмь мир сътвориста с Ольгьм, имышеся по дань и роте заходивьше межю собою, целовавше сами кръст, а Ольга водивьше на роту и мужа его по Русьскому закону и кляшася оружием своимь и Перуньмь, богьмь своимь и Волосьмь скотиемь богьмь и утвердиша мир».*

В лето 6479 (971). *«...да имеем клятву от бога, в нь же веруем и от Перуна и от Волоса, скотия бога».*

Вероятно, Велес, как и Гермес, и податель богатства (через скот, основное богатство кочевых племен – «*бог скотов*» («О идолах Владимировых»)), а позднее и просто бог наживы и достатка.

Есть все основания полагать, что именно Велес следит за исполнением законов и договоров, он отец и рассудитель истины, подобный Гермесу и Одину. Потому «*Вторый (идол) Волось, бог скотий, бяше у них (язычников) во великой чести*» («Густинская летопись»³⁸⁹).

Упоминание Велеса в договоре, рядом с Перуном – покровителем князя и дружины, не случайно, и оно ничуть не противоречит гипотезе В.Н.Топорова о конфликте между Перуном и Велесом.

³⁸⁵ *Иванов Вяч. Вс.* О последовательности животных в обрядовых фольклорных текстах // Проблемы славянской этнографии: (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д.К.Зеленина). Л., 1979. С. 154 и примеч. 15.

³⁸⁶ Гермес вместе с Гекатой множит скотину – *Гесиод*. Теогония. 445.

³⁸⁷ Чешскія глоссы въ Матер Верборум...

³⁸⁸ *Афанасьев А.Н.* Рецензия на кн.: История России с древнейших времён. Соч. С.Соловьёва. Т.1. М., 1851 // Современник. Т.35. 1852. №10. Отд.3. С.25.

³⁸⁹ *цит. по Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т.2 – Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе, М., 1913.

Меркурия германцы также призывали в паре с воинственным Марсом – богом воинского искусства. И не случайно здесь сакральная пара – мудрый, старый, не совсем положительный в христианском смысле этого слова «скотий бог» и сильный, молодой воин-властитель. Описывая войну двух германских племен, Тацит сообщает, что *«обе стороны заранее посвятили, если они победят, Марсу и Меркурию войско противника, а по этому обету подлежат истреблению у побеждённых кони, люди и всё живое»*³⁹⁰.

Как уже было сказано, под именем Гермеса-Меркурия греки и римляне подразумевали германского бога Вотана – «Отца ратей» и Вальфэдра – «Отца павших».

Конечно же, несмотря на явные атрибуты черноты Велес, как Один, Меркурий и Гермес – бог наук и мудрости, а кроме того и красноречия. В «Слове о Полку Игореве» находим *«Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовь внуче...»* Таким образом, Боян – наследник и последователь Велеса в его искусстве вещать, говорить, договариваться.

Н.М. Карамзин пересказывает *«для любопытных» «басни», в одной из которых находим: «Словено-Русские князья, обрадованные такою грамотою (от Александра Македонского), повесили оную в своем капище с правой стороны идола Велеса... Через несколько времени восстали от их рода два князя Лях (Мамох, Лалох) и Лахерн, воевали землю Греческую и ходили под самый царствующий град: там, близ моря, положил свою голову Князь Лахерн (где создан был после монастырь Влахернский...)*» Взял он это, как представляется, или из «Древней Российской Вивлиофики» под ред. Н.Новикова (1791 г. издания), либо, что вернее, из Новгородского Хронографа 1680 г.³⁹¹, который опирается на литературные произведения ещё более ранние.

Оригинальную гипотезу высказал В.Н. Топоров, указывая на эту поэтическую функцию Велеса и этимологические данные: *«*veleti как обозначение особого типа речевой деятельности при др.-ирл. File «поэт» *uel-, особенно при учете мотива прижизненного нисхождения поэта (филида) в царство смерти»*³⁹². К этому добавим, что мыслью Боян растекается, возможно, по Мировому древу, корни которого традиционно ведут в Нижний мир.

Чехи, даже приняв христианство, помнили Велеса, как одного из самых могущественных «демонов», приносили в жертву ему черных кур и

³⁹⁰ Тацит. Анналы, XIII, 57.

³⁹¹ Сказания Новгорода Великого (IX-XIV вв.) под. ред. Ю.К.Бегунова, –СПб.: Политехника, 2004, СС. 47-61.

³⁹² В.Н.Топоров. Боги// Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого, М., 1995, СС. 210-211.

голубей³⁹³. В «Слове св. Григория» сказано о поклонении славян «скотноу богу и попутникоу и лесну богу». Т.е. Велесу – богу скотьему, покровителю путешественников, богу лесов. Тут стоит отметить, что эпитет «скотий» означает ещё и «дикий», волохатость Велеса восходит к древнейшей охотничьей магии, оборотничеству, владению Дикой Природой. И некошенный клочок пшеницы – так называемая Николина или Велесова борода, – оставляемый крестьянином на поле ещё в 19-ом веке, это языческая треба Велесу, который со стороны Леса пасет стада. То есть треба лесному хозяину – медведю, беру – лишь бы скот не воровал, а пас бы, охраняя от чужого Леса.³⁹⁴

Любопытный фрагмент, свидетельствующий о устойчивости Традиции в народе, находим у Епифания Премудрого в «Житии Сергия Радонежского», 1417-1418: *«Некоторые из них (зверей) стаями были и с ревом проходили, а другие не вместе, но по два или по три или один за другим мимо проходили; некоторые из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его. Среди них один медведь имел обыкновение приходить к преподобному. Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, но чтобы взять из еды что-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижины своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы, когда придет, как обычно, зверь, готовую себе нашел пищу; и он брал её в пасть свою и уходил. Когда же не хватало хлеба и пришедший по обыкновению зверь не находил приготовленного для него привычного куска, тогда он долгое время не уходил. Но стоял медведь, озираясь туда и сюда, упорствуя, как некий жестокий заимодавец, желающий получить долг свой. Если же был у преподобного лишь один кусок хлеба, то и тогда он делил его на две части, чтобы одну часть себе оставить, а другую зверю этому отдать; не было ведь тогда в пустыни у Сергия разнообразной пищи, но только хлеб один и вода из источника, бывшего там, да и то понемногу. Часто и хлеба на день не было; и когда это случалось, тогда они оба оставались голодными, сам святой и зверь. Иногда же блаженный о себе не заботился и сам голодным оставался: хотя один только кусок хлеба был у него, но и тот он зверю этому бросал. И он предпочитал не есть в тот день, а голодать, нежели зверя этого обмануть и без еды отпустить».*

³⁹³ А.Ирасек. Старинные чешские сказания, М. Л., 1952. С. 15.

³⁹⁴ Обратим внимание, что в Скандинавии уже в христианские времена по сообщению Якоба Гримм в «Германской мифологии» (один из знаменитых братьев Гримм), обращаясь к Одину с мольбой о хорошей жатве, жнецы становились вокруг посвященного ему участка, закручивали колосистый хлеб, орошали его пивом, и потом скинув шляпы и приподнявши вверх серпы, трижды возглашали громким голосом: «Воден, прими своему коню корм».

Весьма не случайно, вероятно, что Сергей стоял в духовной оппозиции митрополиту Алексию, и что именно он, а не митрополит, благословил Дмитрия Донского и войско русское на ратный подвиг в Куликовской битве, которую Сергей прозревал, находясь за сотню с лишним километров от знаменитого поля.

Медведь и козел³⁹⁵ (коза) – непрменные участники русских народных обрядовых шествий и праздников с переодеванием.

«Среди археологических находок пока отсутствуют зооморфные маски, которые изготавливали из нестойких материалов – шерсти, меха, тканей и т. п. Судя по этнографическим данным, в русских областях основными новогодними масками были маски коня и быка. Для белорусов и в меньшей мере для украинцев характерна маска козы. Общераспространены «игры с медведем», главным участником которых выступал дрессированный медведь или ряженный в медвежью шкуру, вывороченный тулуп, гороховую солому («гороховый медведь»). Связь медвежьей потехи с аграрной магией отчетливо выступает в позднем скоморошестве и славянской праздничной обрядности. Вслед за ритуальным «убийством» медведя следовало его «воскрешение» при помощи «доктора», поводыря-цыгана или других персонажей. Как ни в чём не бывало, зверь вставал и начинал танцевать. В игре, символизировавшей триумф жизни над смертью, подчеркивались эротические мотивы (декламация непристойных стихов, вырезанный из дерева фаллос, носившийся ряжеными), которые отчетливо указывали на связь образа медведя с культами плодородия (конец его спячки знаменовал начало весны). Реликтом обрядовых действ являлись совместные спектакли медведя и «козы», которые дожили до начала XX в. В святочных маскарадах европейских народов ряжение медведем и козой связано с брачной и земледельческой символикой, с пожеланиями благополучия владельцу усадьбы. Скоморох с медведем и его помощник в вывернутой шубе и рогатой козьей маске, щелкавшей деревянной челюстью, – излюбленные персонажи старинного народного «театра» и русских лубочных картинок. «Коза» выкидывала замысловатые коленца под барабанную дробь и перестук деревянных ложек с бубенчиками на ручках».³⁹⁶

Об особой роли Велеса свидетельствует отсутствие его столпа в пантеоне князя Владимира, столп Велеса стоял отдельно, не на холме, а на Подоле. Между тем и разделяются с Велесом в Киеве при Владимире Черноризцу Иакову (XI в), отправляя в загробный мир по реке, т.е. не уродуют, а хоронят старого бога. *«А сам в Киев швед, повеле испровреци и избита кумиры, овьи иссеци, а инья ижжеци; а Волоса идола, егоже именовашу*

³⁹⁵ В ряде русских сказок на козле едет чёрт.

³⁹⁶ В.П. Даркевич. Средневековые маскарады / Древности славян и Руси. –М.: Наука. 1988. С.217.

*скотья бога, веле в Почайну реку въврещи...»*³⁹⁷ Этим, якобы Владимир отправил Велеса, как потом в Новгороде и Перуна, в плавание в царство мёртвых. Упокоил, стало быть, двух самых известных богов славян.

Впрочем, в Ростове много позже каменный кумир Велесу рушат. В житие Авраамия Ростовского сказано: *«Чудский конец поклонялся идолу каменну, Велесу»*. Обращаем внимание на сакральное местоположение кумира – Чудский конец. С Велесом сравнивается непосредственно бес, владеющий знанием о спрятанных кладах. И Авраамий, уничтоживший *«идолу камену»* Волоса в Ростове, *«едва не стал жертвой беса»*, преобразившегося в свою противоположность – *«в образ воина, который возвел на него навет «царю» Владимиру...»*. Бес *«обвинил Авраамия в том, что тот занимается волхвованием, что он утаил от князя найденный им в земле медный котел с деньгами»*. Так Велес наказал жадного попа.

В «Сказании о построении града Ярославля», источнике XVIII века, восходящем к древней записи, «которая хотя и подновлялась позднее, но, тем не менее, в достаточной степени отразила истинный ход событий», прямо говорится, что прежде скоморохов, именно волхвы были непосредственными жрецами *«скотьего бога»: «Сему же многоказненному идолу и керметь (капище) створена бысть и волхов вдан, а сей неугасимый огонь Волосу держа и жертвенная ему кури»*. Жрец гадал по дыму костра, и если гадал плохо, а огонь угасал, то жреца казнили. *«И люди эти клятвою у Волоса обещали князю жить в согласии и оброки давать ему, но только не хотели креститься... При засухе язычники молили слезно своего Волоса, чтобы низвел дождь на землю... На месте, где некогда стоял Волос, тут и дудки, и гусли, и пение, раздававшееся много раз, и плясание некое было видимо. Скот же когда на этом месте ходил, необычной худобе и недугу подвергался... Говорили, что вся эта напасть была гневом Волоса, что он превратился в злого духа, дабы сокрушить людей, как сокрушили его и керметь»*³⁹⁸.

С большой долей вероятности можно говорить, что Велес – водчий и пастырь мёртвых как и его балтские аналоги, как и св. Николай. Собственно и сам св. Николай по нашему мнению – православное, двоеверческое имя древнего Велеса³⁹⁹.

«Бежит река огненная, чрез огненну реку калиновый мост, по тому калинову мосту идет стар матер человек; несет в руках золотое

³⁹⁷ Иаков-мних. Житие св. князя Владимира //Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. вторая. С. 530-533

³⁹⁸ Краеведческие записки. Ярославль. 1962 г. Вып. 4. С. 90-93.

³⁹⁹ Аналоги Велеса в постязыческом эпосе. Велес как Мороз и св. Микола/ Д.А.Гаврилов, А.Е.Наговицын. Боги славян. Язычество. Традиция... СС. 275-279.

*блюдечко, серебряно перышко... сбавляет с раба божьего семьдесят болезней».*⁴⁰⁰

Заметим, что идет он с той стороны по калинову мосту, из Иного мира, через реку-то смердящую (мёртвую) – Смородину. Это Навий властитель идет или, по меньшей мере, проводник в Мир Иной!

Велес – бог-оборотень, хозяин магии и сокровенного, властитель перекрестков, навий бог, как было показано в нашей предыдущей книге⁴⁰¹, где проводился функциональный анализ образов Гермеса, Меркурия, Одина, Велеса.

VI.3. Русский бог Николай Чудотворец

На особое почитание русскими св. Николая в сравнении с прочими святыми указывают свидетельства иностранцев, посетивших Русь в позднем средневековье⁴⁰².

*«Они делают с помощью топора и рук своих главных богов,
Их идолы поглощают их сердца, к богу они никогда не взывают,
Кроме, разве Николы-Бога, который висит на стене.
Дом, в котором нет нарисованного бога или святого
Не будет местом их посещения – это обиталище греха.»*

Или же

*«Их божества сотворены секирой от руки.
Им идолы милы. Господь не ведом им.
Но на стене «Никола-Бог» для них необходим
И если в доме нет раскрашенных богов
Никто не ступит и ногой под этот грешный кров.»*

«Среди всех народов русские более прочих привержены чревоугодию и суевериям. Их покровитель, святой Николай, достаивается большего числа поклонов и молитв, нежели все святые вместе взятые. Русский не молится Богу, он поклоняется святому Николаю и обращается к нему с любыми своими нуждами. Его изображения можно видеть повсюду: в столовых, в кухнях и всех прочих местах. Воистину, это их семейный Бог. Каждый входящий в дом сначала должен поклониться иконе, а потом уже приветствовать хозяина. Мне приходилось видеть московитов, которые, взойдя в комнату, где по какой-то невероятной случайности не было святого образа, бежали в соседнюю искать оный. Как и во всех доведенных до крайности религиях, сии обычаи суть пережитки язычества,» – пишет Джаккомо Казанова, посетивший в 1765 году Москву.

⁴⁰⁰ Там же, С. 295.

⁴⁰¹ Велес. Волос/ Д.А.Гаврилов, А.Е.Наговицын. Боги славян. Язычество. Традиция. – М., «Рефл-Бук», 2002. СС. 234-324.

⁴⁰² Дж.Горсей. Записки из России XVI-начало XVII в. М., МГУ, 1990, С. 269.

Словом, не случайно во многих русских сказках в качестве основного действующего персонажа фигурирует Никола Чудотворец, наследие времен особого почитания великого языческого Бога – Велеса.

До сих пор и у западных славян отмечается, вероятно, важнейший из праздников, день св. Микулаша, то есть св. Николая. Праздник «...имеет ещё древнюю языческую традицию и связан с божеством, охранявшим скот»⁴⁰³. Великоморавское княжество, видимо, восходит к предгосударственным образованиям конца VII-VIII вв. Центральной Моравии и Юго-Западной Словакии. Топонимы иногда могут служить неплохим доказательством иных гипотез. Наиболее значительное городище моравов того периода находится в местности Валы, около Микульчиц, т.е. вероятно, связано с культом Велеса/св. Николая.

У кашубов в Польше под именем Николая был известен злой дух, который загадывал загадки заблудившимся в лесу; если человек отгадывал, Николай выводил его из леса, а если нет, то человек попадал во власть нечистой силы, продавал душу дьяволу, – как отмечает в ряде своих статей С. М. Толстая.

Чествование св. Николая как хозяина скота отмечено и в Польше. Николе молятся здесь при выгоне скота на пастбище и называют «патроном скота» (*patron od bydla*), а также «скотьем пастырем» (*pasterz dobytku*) и т. п.⁴⁰⁴; в этих молитвах скот выгоняется с таковыми словами:

*Wyganiojcie bydelecko na zielona lacke!
Panu Jezusowi w racke,
Pod Matki Boski ploszczyk,
Swietygo Mikolaja losecke.*

Зафиксировано такое характерное обращение к св. Николаю, как хозяину дикого зверья, с просьбой оградить скот от лесного зверя. Обратим внимание, что волк уподобляется псу, а пес – существо служивое, не иначе волки – псы Николая, как есть и псы и у Одина – два его волка.

*Swiety Mikolaju, wez kluczyki z raju,
Pozamykaj wscieklego psa, wilka lesnego!
Aby ni mial mocy do cielatek, do bydlatek –
Krwie chlapac, skory drapac,
Kosci po lesie roznosic.*

⁴⁰³ Грацианская Н.Н. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития. – М. 1975. СС. 105, 106, 111.

⁴⁰⁴ Kotula F. Znaki przeszlosci. Odchodzace slady zatrzymac w pamieci. Warszawa, 1976. СС. 50,53,91.

*[Святой Николай, возьми ключики из рая,
Замкни бешеного пса, лесного волка,
Чтобы не имел силы к теляткам, к скотинке,
Кровь пить, шкуру драть,
Кости по лесу разносить.]*⁴⁰⁵

*Swiety Mikolaju, wez kluczyki z raju:
Zamknij paszczeke psu wscieklemi,
Wilkowi lesnemu!
Niech po bydlatku i po cielatku
Krewki nie chlipaja,
Skorki nie drapaja.
[Святой Николай, возьми ключики из рая,
Замкни пасть псу бешеному,
Волку лесному!
Пусть у скотинки, у теленка
Кровь не пьют,
Шкуры не дерут.]*⁴⁰⁶

*Swiety Mikoiaju,
Wez kluczyki z raju!
Zamknij psa wsciektego i wilka lesnego,
Niech nie patrzy na te owce,
Co ja je pase.
[Святой Николай,
Возьми ключики из рая!
Замкни пса бешеного и волка лесного,
Пусть не смотрят на тех овцы,
Которые я пасу.]*⁴⁰⁷

Успенским особо отмечается, что как восточные славяне, так как и западные, перенесли прежде всего на св. Николая культ «скотьего бога» Велеса.⁴⁰⁸ Автором проводится подробный функциональный анализ, и его работу можно считать выдающейся в своем роде по качеству и количеству привлеченного материала, а также методике изыскательской работы. И

⁴⁰⁵ там же, С. 69 см. также СС. 265, 311, 373, 376, 387, 440–441, 486.

⁴⁰⁶ там же, С. 420, см. также СС. 46, 58, 61–62, 68, 70, 72, 80, 89–90, 92.

⁴⁰⁷ там же, С. 93.

⁴⁰⁸ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). –М.: Издательство Московского Университета, 1982, СС. 31 – 117.

было бы трудно что-либо сказать после Успенского на тему соотношения Велеса и св. Николая, но рассмотрение их в качестве трикстеров – это, пожалуй, единственное поле, не затронутое в предыдущих исследованиях.

Исследователями мифологии ближайших соседей славян, подвергшихся христианизации, отмечено, что в период насаждения православия прежние основные божества язычников приобретают имена христианских святых и их противников.

Так, в мифологии обских угров встречается персонаж, обладающий трикстерским поведением – это Мир-сусне-хум. Рассмотрев различные черты поведения этого героя, можно легко убедиться в том, что он действительно трикстер.

При этом имя данного Трикстера подчеркивает его особую силу и статус как в мире богов, так и в мире людей. Мир-сусне-хум носит имена: «Князь-дух», «Князь-старик», «Господин, Князь, Герой», «Верхний золотой», «Золотой князь», «Господин-старик», «Хантыйский князь», «Золотой богатырь», «Золотой владыка», «Князь, богатырь», «Князь-старик» и т.п. Мир-сусне-хум – младший сын Верховного духа – Торума, «за миром наблюдающий человек». В мифах он предстает перед нами как культурный герой, которому приписывается инициатива творения земли, создания человека, обучение промыслам, другим важным знаниям и навыкам. Он способен превращаться в различных птиц, что подчеркивает его трикстерскую природу перевертыша. Мир-сусне-хум обладает одной из важнейших характеристик Трикстера – медиативностью, он соединяет мир людей с миром духов: именно ему Торум дает задание наблюдать за людьми.⁴⁰⁹ Под влиянием православия Мир-сусне-хума стали отождествлять с Николаем Чудотворцем.⁴¹⁰

Таким образом, и предположение, что именно Велес скрывается под личиной Николая Чудотворца, имеет право на существование.

Рассмотрим некоторые типы сказочных историй с участием Николая Чудотворца, которые восходят к более древним пластам языческой Традиции.

Первый тип историй, когда Николая является под видом нищего, калики перехожего, неузнанным и набивается либо в попутчики, либо в постояльцы. Спутники или хозяева само собой не берут старичка в расчет, и в этом состоит их ошибка, в этом состоит не только их просчет, но и

⁴⁰⁹ Н. Л. Пяткова. Организующая роль Трикстера в мифологии хантов и манси//Урало-сибирская научно практическая конференция. Екатеринбург: Уральский государственный университет. 2003.

⁴¹⁰ Е.В. Бабаец. Трансформация образа Трикстера в представлениях обских угров после христианизации...

традиционная самоуверенность культурного героя в том, что именно он обладает правом на Силу (Богатство) и Удачу.

Никола Чудотворец покровительствует наживному купеческому делу,⁴¹¹ исцеляет или воскрешает любимых культурного героя,⁴¹² в то же время наказывает охотников, которых он предостерег от опасности, а те не послушали старика⁴¹³, учит уму разуму попутчика (кузнеца или попа), обделившего товарища в дороге.⁴¹⁴

Классический сюжет, былинная история Михайло Потыка, в которой Николай Чудотворец являет себя, как могучий волшебник⁴¹⁵. Михайло Потык был превращен своей женой Марьей в камень. Его едут спасать Илья и Добрыня, названные братья, по пути к ним пристает «калека перехожая». Ну и понятно, напрашивается в сотоварищи. Богатыри в полный скок, калека еле шагает, а догнать его не могут (вспомним, кстати, Миколу Селяниновича и Святогора).

*«Приводил их калека к бел-горючему камешку.
– А скидайте-ка вы, богатыри, с плеч подсумки,
А кладите вы броню на сыру землю.
Тут лежит ваш названный брат.
И заклятье на него крепко положено.
А кто-то этот здынет да камешок,
А кинет этот камень через плечо, –
Тот Мишатку-то Потыка и освободит.
Соскочил-то тут с коня Добрынюшка Микитич-он,
Хватил этот камень, здынул его,
Здынул-то столько до колен-то он,
А больше-то Добрынюшке не по силушке,
И бросил он этот камень на сыру землю.
Подскакивал ведь тут Илья Муромец,
Здынул он этот камень до пояса,
Как больше-то Ильюшенька не мог здынуть.
Как этот калека тут подхаживал,
А этот-он ен камешок покатывал,
А сам он камешку выговаривал:
– А где-то был горючий белой камешок,*

⁴¹¹ Сказки и песни Белозерского края, кн 1...№ 38, 77.

⁴¹² там же.

⁴¹³ Сказки и предания Самарского края. Сб. Д.Н. Садовников. –Спб.: Тропа Троянова, 2003. – 447 с. – (Полное собрание русских сказок. ранние собрания. – Т.10). №89, СС. 265-266.

⁴¹⁴ там же, №89, СС.263-265.

⁴¹⁵ Былины/ сост. и прим. Ю. Г. Круглова, –М.: Просвещение, 1993. – 207 с.

*А стань-ко тут удалый добрый молодец,
Подлечкись-ко, Потык, лекким-лекко! –
Взымал-то ен, словно перышко, да кидал через плечо,
А позади там стал удалой доброй молодец».*

Калека в конце называется Николой. И творит он чародейство, чего не могут сделать ни физически сильные Илья, ни Добрыня. Чары Марьяны, т.е. Мораны-Морены-Мары, богини смерти, оказываются развеены более древним богом той же сущности, богом магии и смерти Велесом-Николаем Чудотворцем, выступающим под видом своего «жреца» калики-перехожего.

Второй тип историй, когда Чудотворец ставит в неловкое положение того или иного русского мужика. Например, вот вам сказка «Бедный мужичек и Николай Чудотворец».⁴¹⁶

Один мужичек дожил до такой бедности, что нечего было продать и купить хлеба. И вот молится он Николаю Чудотворцу: «Николай Чудотворец, пойдя я от бедности красть к богачу, а ты спаси меня, свечку поставлю тебе, если исполнишь мою просьбу». Приходит бедняк к богачу, вошел в клеть, взял деньги и стал выходить вон, да нечаянно задел он ногою обо что-то – загремело, застучало да и свет стал появляться. От страха он без оглядки побежал в поле и видит, что за ним бегут два мужика. Не зна, куда спрятаться; видит мелкий лесок, он туда. А там корова пала. Он – залезь в неё. Мужики мимо пробежали, не заметив его. Когда мужики скрылись, бедняк вышел из коровы и пошел домой.

А в воскресенье пошел в церковь, поставил свечку в десять копеек Николаю Чудотворцу в благодарность за спасение. Выходит он из церкви и встречает мужичка. Мужичек и спрашивает у бедняка: «А что, мужичек, исполнил ли ты завет-то свой?» – «А разве ты знаешь про мой завет?» – «А если бы не знал, так у тебя не спрашивал», – отвечает встречник. «А коли знаешь, так скажу тебе, что исполнил». – «А каково тебе было лежать в падине-то?» – «Желанный ты, мой батюшка! Уж коли ты знаешь про моё дело, так не говори никому. Лежавши-то в падине, я ведь чуть не умер». – «Ты чуть в падине не задохся, а я от твоей свечки, которую ты поставил в церкви, чуть не задохся. Так вот что я тебе скажу: трудись ты до поту лица, а никогда не давай завета никакому святому и никогда не ставь свечи, когда идешь на кражу; уж больно тошно было стоять в церкви от твоей свечи». Видит тут этот мужик, что перед ним стоит сам Николай Чудотворец, пал на колени и со слезами просит Николая Чудотворца:

⁴¹⁶ Великорусские сказки архива Русского географического общества. Сборник А.М. Смирнова. В двух книгах. Книга 1. –СПб.: Тропа Троянова, 2003, – 479 с. – (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.9). №53

«Прости ты меня грешного!» Николай Чудотворец оградил этого мужика крестом и скрылся. (Боровичский у. 1903 г.)

Отметим, что идя на воровство, мужик обращается к Чудотворцу, за которым я предполагаю свойства Трикстера. И Николай, преподнеся незадачливому вору урок, не говорит ему ничего душеспасительного о вреде воровства, а просто предостерегает, чтобы в следующий раз воровал сам, а на Бога и святых не уповал. Кстати, вполне в духе Гермеса, бога воров.

Ещё один тип историй, когда Чудотворец сразу действует как мудрый советчик. Подобно Велесу, Никола покровительствует путникам, например: он подсказывает Садко, как спастись от Морского царя. Словно Гермес («Одиссея»), Никола приходит к Садко во сне и наказывает, как выбраться на свободу.⁴¹⁷ В духовных стихах «О Каликах перехожих» св. Николай вообще становится покровителем моряков. Они верят, что «*Св. Николай доставит попутный ветер и на некоторое время освободит их, гребцов, от гребли и работы...*»⁴¹⁸

Миколу, как и Велесу – богу наживы и Удачи, посвящает Садко золотую казну. И к нему же обращается за прибавлением богатства и удаче в торговле, причём бог явно поставлен на одну ступень со св. Николаем⁴¹⁹:

*«Да змолился Садко да господу Богу,
Как тому-то нынь Мыколы нынь святителю:
– Я построю тебе церковь соборную,
Да на-во имё Миколы нынь святителя.
Кабы тут у Садка да казны прибыло...»*

*«Пошел-то Садко да во божью церковь,
Он молитцэ Миколы Всеможайскому:
– Ты ой есь, Микола Всеможайския!
Пособи мне выкупить товары из Нова-города!»*

Похож Никола и обликом на волохатого Велеса. Иногда Никола не назван по имени, похоже, что такой вариант былины о Садке более древний,

⁴¹⁷ Ещё один бродячий сюжет, когда Никола Чудотворец дает волшебный корень солдату, чтобы справиться с колдуном (Гермес дает такой же корень Одиссею, чтобы противостоять колдовству) – Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д.К.Зеленина... С. 226.

⁴¹⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введ., пер. [с нем. издания 1656 г.], примеч. и указ. А. М. Ловягина. Спб., 1906. Ср.: *Olearius A. Offt beehrte Beschreibung der neuen orientalischen Reise...* Schleswig, 1647. С.382.

⁴¹⁹ Новгородские былины, –М.: Наука, 1978, – 456 с., стр.: 206, 202, 189.

но читатель без труда поймёт по образу «белыя седатыя старика», о ком идет речь:

*«Во снях ему не спалось, грозно виделось:
Приходило старчище незнай собою;
Говорил старчище таковы слова...»*

Кроме того, «стар-матер человек Микола» покровительствует при заговорах⁴²⁰, и функции его, судя по заговорам, в точности совпадают с функциями древнего Велеса. В дополнение к уже упомянутым заговорам от зверя лесного и на сохранение скота приведем такие:

«Святый Николае отворяет морскую глубину, поднимает железные врата, залучает от раба Божия усови аду в челюсти».

«Святой Николай, ты разрушаешь горы, разрушаешь камни. Разрушь горе, колдовство, чародейство, зависть, ненависть, сделки, сглаз, от плохой минуты рабу Божьему не на час, не на два, а навсегда».

«Зимний Микола едет на санях». «Ехал в санях Микола, просил ночлега. Обещал приехать в мае на телеге» – на санях является под Новый Год Чудотворец, как Морозко. Характерно, что в эпоху «развитого православия» гроб с телом усопшего в русских деревнях ставили тоже на сани⁴²¹. Смерть и поныне ассоциируется с холодом, и не удивительно, что зимние духи в двоеверческой традиции носят навьи имена Мороз, Морозко.⁴²² Они привечают добрых и трудолюбивых людей, а злых замораживают или позорят.

Морозко, или же Дед Мороз, в православии как раз соответствует Николаю-угоднику. Мороз появляется как белый, седой Рождественский Дед в числе ряженых. Он, по-видимому, является также богом мудрой старости. Достаточно вспомнить волшебных коней: Сивку-Бурку Вещую Каурку или Сивого Мерина из русских сказок. Именно Сивка запряжена в сани Рождественского Деда, в Колядин день Сивого старика провожают, и он метлой заметает след за собой.

Старость и юность сходны. Николай и Дед Мороз любят ребятишек и всячески угождают им. Они щедры и выполняют просьбы взрослых и детей.

Иногда упоминают двух или трех Морозов – Синий нос, Красный нос и Белый нос (степени обморожения) – но это лишь представление некоторых месяцев одной зимы.

⁴²⁰ Чародейство. Волшебство. Знахарство. Заклинания. Заговоры, –М.: Терра, 1998, стр.: 151, 295, 321.

⁴²¹ Миролюбов Ю. Сакральное Руси. т.1. Русский языческий фольклор, –М.: Золотой век, 1997, С. 366 сл.

⁴²² Северные сказки. Сб. Н.Е. Ончукова. / Полное собрание русских сказок, т.1. кн.1... №108, С. 351.

Николо Чудотворец чаще встречается либо на дороге – это пилигрим, дорога – его вотчина, как и у Гермеса, либо в лесу, где он покровительствует животным, подобно всё тому же Велесу (или лешему, см. сказку «Николо Дубеньский»⁴²³ или «Николо Дуплянский»). Велес – северный бог, значит, и искать такие сказы необходимо в соответствующих сборниках: там меньше наслоений, Традиция жива. Среди предреволюционных изданий хотелось бы выделить собрание «Сказки и песни Белозерского края». Уже в первом томе сборника братьев Б. и Ю. Соколовых находим⁴²⁴: «Николай Чудотворец и Иван купеческий сын»; «Савелей богатой и Микола Милостивой»⁴²⁵; «Мужик несчастной и Микола Милостивой»⁴²⁶; «Николай Чудотворец»; «Завистливый поп и Николай Чудотворец»⁴²⁷.

В самом деле, Николай со всей языческой откровенностью научает и служителей христианской церкви уму разуму, выступает покровителем, как и Илья Муромец (голи), того обездоленного, нищего класса русского народа, который сам не способен противостоять бесчинствующей власти, и которому остается лишь смеяться, или уповать на Николу.

Совокупность разнообразных функций Николы нашла отражение, в следующем рассказе Генриха Штадена (немца, служившего опричником при Иване Грозном) о походе Грозного на Псков в 1570 г.: *«Великий князь [Иван Грозный] отдал половину города [Пскова] на грабеж, пока он не пришёл ко двору, где жил Микула (Mikula). Этот Микула – прожиточный мужик (Kerls); живет во Пскове во дворе один, без жены и детей. У него много скота, который всю зиму ходит во дворе по навозу, под открытым небом, растет и тучнеет. От этого он и разбогател. Русским он предсказывает многое о будущем. Великий князь пошел к нему на двор. Микула же сказал великому князю: „Довольно! Отправляйся назад домой!» Великий князь послушался этого Микулы и ушел от Пскова обратно в*

⁴²³ Северные сказки. Сб. Н.Е. Ончукова. / Полное собрание русских сказок, т.1. кн.1, –СПб.: «Тропа Троянова», 1998, №139, СС. 429-431.

⁴²⁴ Сказки и песни Белозерского края, кн.1./ Полное собрание русских сказок, т.2., –СПб.: «Тропа Троянова», 1999, –800 с., стр.:368-375;162-167;236-238;446-449.

⁴²⁵ Здесь Микола выступает посмертным судьей Савелия богатого, разбойника и мужика.

⁴²⁶ Здесь бродячий сюжет о споре богатого и бедного, о том, кто у кого что украл. Микола со слов Христа предрекает мужику, что его счастье – воровать и божиться при этом. Здесь Микола попадает впросак, потому что мужик, сослвшись на слова Христа отказывается вернуть Миколу золотое стремя и клянется, что не брал.

⁴²⁷ Аналогичный бродячий сюжет записан в сборнике Н.Е. Ончукова. Северные сказки/ Полное собрание русских сказок, т.1. кн.1. ... №42.

Александрову свободу»⁴²⁸. Никола с одной стороны олицетворяет собой материальный достаток, он связан со скотом, он прорицает, а с другой стороны, он выступает как защитник народа, причём противостоит в этом качестве княжеской власти; спасение Пскова при посредстве Николы закономерно выглядит как чудотворство.

Ещё более интересный слой историй, когда русский Бог Николай Чудотворец морочит самого библейского Бога или Илью Пророка (надо полагать в оригинале Велес дурил грозного Перуна).

Отмеченное противопоставление Бога и Николы нашло отражение в поговорках: «Бог не убог, а Никола милостив»⁴²⁹ «Ежели Бог пособит, Никола поможет...»⁴³⁰. Знаменательно, что это противопоставление могло не только четко осознаваться в русском народном православии, но и восприниматься как грех – отмечает Успенский: «Так, сибирский крестьянин Артемий Сакалов, записывая (в середине XVIII в.) свои грехи, кается в том, что в минуту невзгод у него вырвалась фраза: «Владыко человека лупит, а Никола видит и не отнимет».⁴³¹

Таким образом Николе, как и Трикстеру, приписывается способность противодействовать верховной небесной власти (библейскому Господу или даже Христу).

Соответственно, Никола выступает как крестьянский и вообще народный святой, покровитель народа, – отмечает Успенский. – Эта демократическая сущность Николы очень ярко проявляется в русских переделках греческих сказаний о нем, когда, например, в греческой версии св. Николай помогает корабельщику, но в русской – крестьянину,⁴³² и где Никола может даже именоваться «смердовичем», «мужицким заступником». Достаточно характерно также фольклорное определение Николы как «бурлацкого бога»: «Батюшка Никола – Бурлацкий бог»; «Мыкола-икона, Бурлацкий бог» – отмечает Успенский со ссылкам на находки разных дореволюционных авторов. Подобное восприятие Николы, – заключает он, – соответствует

⁴²⁸ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Пер. и вступит, статья И. И. Полосина. [М.], 1925 («Записки прошлого»). Под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского), С.91.

⁴²⁹ *Даль В.* Пословицы русского народа, изд. 3-е, т. I. М., 1904, С.9.

⁴³⁰ Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным. С предисловием Ф. И. Буслаева.– «Летописи русской литературы и древности», издаваемые Николаем Тихонравовым, кн. 2. М., 1859, СС. 115-116.

⁴³¹ *Покровский Н.Н.* Исповедь алтайского крестьянина.– В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1978. Л., 1979. С.54

⁴³² *Tschizewskij D.* Der HI. Nikolaus. Recklinghausen, [1957], СС.6, 13.

восприятию Волоса как бога «всей Руси», между тем как Перун, отождествившийся с Тором, выступает как бог княжеской дружины.⁴³³

В этой связи обратимся к традиционному сюжету спора грозного Илья и хитроватого Николы:⁴³⁴

Жили два брата, сначала вместе, а потом разделились. После раздела один брат стал жить богато, а другой бедно. Бедный брат срубил сучье, сожжёт его и вспахал, а сеять было нечего. Купил он полмешка пшеницы и полмешка жита, положил на лошадку, привез на полосу, стал сеять, думая так: «На одной половине посею пшеницу, а на другой жито». В это время верхами и с ружьями подъехали к нему два полесовника: на одной лошадке Илья Пророк, а на другой – Николай Чудотворец. Сошли они с лошадей и говорят: «Что ты, мужичек, думаешь тут делать?» – «Да вот на одной половине сучья думаю посеять пшеницы, а на другой жита». А Илья Пророк и говорит: «Ты так больно много изведешь семян, а ты вот насыпь одну шляпу пшеницы, а потом одну шляпу жита». – «Что ты, кормилец, так будет уж больно редко». – «Не будет редко, а сей: бегай по полосе и сей». Мужик послушался его, так и сделал. «А из остатка, – говорит Илья Пророк, – жена тебе крупы надерет на всё лето. Теперь ты свою лошадку спусти на травку, а мою возьми и спаши одну половинку, – где пшеница; а на другую половинку возьми лошадку у моего товарища и запашаи жито. Мы же пойдем пока, побьём птиц».

Поблагодарив их, мужичек стал запахивать свою полосу. Перед самым концом запашки выходят Илья Пророк и Николай Чудотворец и говорят: «Ну что, запахал свою полосу?» – «Кончил, родимые, благодарю вас за лошаaddock». Илья Пророк и спрашивает: «А которая из лошадей получше, моя аль моего товарища?» – «Да обе хороши». – «Нет, всё-таки ты нам скажи, которая из них лучше в пашне». Мужик и говорит: «Твоего товарища-то немного лучше». Сели эти два мужичка на лошадей и поехали. Дорогою Николай Чудотворец и говорит Илье Пророку: «Вот ты стараешься около мужичка, дал ему лошадей вспахать, а между тем твою-то лошадь он похаял, а мою похвалил». Илья и говорит: «Если он

⁴³³ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии (Данные о Велесе в традициях Северной Руси и вопросы критики письменных текстов).—Труды по знаковым системам», 6. Тарту, 1973 («Учен. записки ТГУ», вып. 308), С. 56; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974., СС. 45, 62.

⁴³⁴ Великорусские сказки архива Русского географического общества. Сборник А.М. Смирнова... №54 См. также аналогичный сюжет №91, СС. 267-268 в сб. Сказки и предания Самарского края. Сб. Д.Н. Садовников. –Спб.: Тропа Троянова, 2003. – 447 с. – (Полное собрание русских сказок. ранние собрания. – Т.10).

мою лошадь похаял, так я ему отомщу, когда вырастет хлеб». Жито и пшеница у мужичка выросли хороши. А когда наступила жатва Николай Чудотворец и говорит Илье Пророку: «Поедем посмотрим: каковы у мужичка жито и пшеница, что при нас он сеял». Илья и говорит Николаю Чудотворцу: «Вот что я сделаю: напущу небольшую тучку на эту полосу мужичка, и зальёт она весь хлеб, так что и снимать ему будет нечего».

Увидал эту пшеницу и жито богатый брат и говорит бедному: «Продай брат мне на это жито и пшеницу. Ведь тебе когда ещё она вырастет?» – «Нет, не отдам, я и сам рад, что такие хорошие уродились». Вот идет однажды бедный брат и попадаетея ему навстречу Николай Чудотворец и говорит: «Продай жито-то и пшеницу брату, а то ведь Илья Пророк думает послать грозу – заполощет тебе эту полосу, ничего ты и не получишь с неё. А когда богатый брат будет просить у тебя обратно деньги, так ты половину-то ему отдай, а другую возьми себе, вот и поправишься. А я (Николай Чудотворец) пошлю солнышка да маленький дождичек, у тебя опять жито и пшеница подрастут». Послушал бедняк этих речей и запродавал эту полосу своему богатому брату. Илья Пророк не знал, что полоса продана, напустил грозу: пошел дождь как из ведра и заполоскал эту полосу так, что грязью всё взялось. Видит богатый брат, что оплошал, даром отдал деньги брату; приходит к нему и говорит: «Что, брат, пожалей ты меня, поднимем грех пополам, отдай мне хоть половину-то денег».

Через некоторое время попадаетея ему Николай Чудотворец и говорит: «Ты отдай брату, что он просит, т. е. половину денег, но возьми трех посторонних (троих понятых) и при них уговорись с братом, чтоб он не касался уже более к этой полосе, а что вырастет после, так что было твое». Так и сделал бедный брат. После грозы Николай Чудотворец послал солнышко да стал помачивать, и жито и пшеница опять отросла, да така хорошая, что все с завистью смотрят. Между тем Илья Пророк не знал об этом.

Когда бедняк выжал хлеб и поставил в суслоны, Николай Чудотворец зовет Илью Пророка посмотреть на полосу. Приехали на полосу, Николай Чудотворец и говорит: «Ну что, Илья, а ведь хлеб-то вырос хороший у мужичка, хоть ты и наслал грозу». – «А вот что, – говорит Илья, – отниму у его хлеба споркость: с каждого овина, сколько бы он ни посадил, будет получать только по пять мер». Услыхал это Николай Чудотворец и говорит мужичку: «Хлеб с поля ты не убирай в кучу: Илья обещал отнять у тебя споркость. Так ты сади на овин по пять снопов; четыре снопа на овин, а пятым заткни; и с пяти снопов ты все пять мер намолотишь». – «Да правда ли это?» – «Делай так, будет правда – по-моему». Весь хлеб обмолотил так мужичек и намолотил столько хлеба, что все дивятся, откуда что берется – два засека насыпал хлебом.

Когда мужик обмолотил хлеб, Николай Чудотворец опять зовет Илью Пророка закупать хлеб в ту деревню, в которой жил бедный мужичек. Приехали, пораспросили и узнали, что у бедного мужика хлеба выросло больше всех. И Илья отдал полный амбар жита и пшеницы. Николай Чудотворец оглянулся на него и улыбнулся, а дорогой стал подсмеиваться над Ильей: «Не поддразнивай ты меня, – говорит Илья, – я и теперь сумею отнять у него споркость». – «А как же ты это сделаешь?» – «А вот как: возьмет мерку и уйдет пять». Тогда Николай Чудотворец встречает мужичка, сообщает ему о беде, которую грозит послать Илья, и говорит: «В это воскресенье ты иди пораньше в церкву, а мы попадем тебе встречу на лошадях, я у тебя спрошу: «Далеко ли ты идешь, мужичек?», а ты отвечай: «Иду к обедни, вот ещё летом завет дал поставить свечу Илье Пророку в десять копеек, а Николаю Чудотворцу в пять копеек»».

Наступает воскресенье. Мужичек идет и встречает Николая Чудотворца и Илью Пророка. На вопрос Николая Чудотворца мужичек отвечает, как велел Чудотворец. Тогда Илья Пророк и говорит Николаю Чудотворцу: «Ну, вот, Николай, сколько ты добра ни делал мужику, а между тем свечку-то он мне поставит дорожке, а тебе дешевле». Тогда Николай Чудотворец и говорит: «Так ты теперь не отнимай у него споркости!» На том и порешили. (Боровичский у. 1903 г.)

Отнюдь не один Громовержец Илья-Перун, становится предметом розыгрыша Трикстера Николы-Велеса.

Обратим внимание на сказку «Чудесная молотьба»,⁴³⁵ где Николай Чудотворец и Иисус Христос пришли в дом одного бедного мужика, работали на него неузнанными на молотьбе, принесли крестьянину удачу. По тексту русский бог Николай Чудотворец подставляет не кого-нибудь, а самого Иисуса Христа, кроме того, он наказывает жадного мужика, который при помощи Николы Чудотворца разбогател, да душою очерствел:

«И вот, опять пошли странствовать Иисус Христос с Николаем Чудотворцем. И зашли посмотреть, что из этого мужичка вышло? Пришли и опять зашли к нему. Мужичок их и не пустил сразу, как сперва, и только после настойчивых просьб странников пустил их, с условием, что они пойдут завтра молотить.

3. Когда странники легли спать, тогда, ночью, хозяин уделал и насадил овин и пошел сушить овин. Когда высушил, тогда приходит и зовет странников молотить. Те не соглашаются, говорят, что надо им с дорожки отдохнуть. Он рассердился и одного странника, с краю, набил. А

⁴³⁵ Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д.К.Зеленина. –СПб.: Тропа Троянова, 2002. СС. 409-410 (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.7).

с краю-то лежит Иисус Христос. И говорит мужик: «После приду и другова также налуплю!»

Походил там около овина, посмотрел и опять идет будить странников. А тем временем, когда он ходил, Иисус Христос с Николаем Чудотворцем переменился местами, и лег к стенке. Тот приходит и опять будит их. Оне опять не встают. Мужик рассердился и набил, да опять Иисуса жо Христа! И третьей раз тоже случилось, и тоже Иисусу Христу досталось.

4. После третьяго разу странники встали и пошли молотить. Каким-то чудом всё у них – и зерно отделялось, и мякина, и пелёва, и всё: не надо было переивать (на веялке). Мужичок, видя таких даровых работников, попросил их остаться и обещал хорошо платить им за работу. Те не согласились. А когда пошли, так сказали: «Этак жо молоти, через огонь, как и мы!»

5. На другой жо день мужик захотел попробовать: как это так «молотить через огонь?» Взял, вывез из кладух весь хлеб и хотел в один день весь измолотить. Когда он зажог – так же, как делали Иисус Христос и Николай Чудотворец, – тогда у него весь хлеб сгорел; головошки перетащило на ево дом и всё спалило.

И мужик остался ещё беднее, чем был прежде».

Итак, можно утверждать, что функции Николы Чудотворца в период двоеверия у славян совпадают с основными чертами Бога-трикстера, подобного Гермесу и Велесу.

По-видимому, архетип Трикстера находит полное функциональное выражение в индоевропейском фольклоре и Северной Традиции – в текстах, относящихся к смене социальных эпох или смене базовых мировоззренческих парадигм.

В большинстве случаев Трикстер, несмотря на его разрушающую роль, в текстах рассматривается как положительный герой. Результат работы Трикстера до момента смены социально-культурной системы несет положительный вектор.

ЧАСТЬ VII. ТРИКСТЕР МЕРЛИН, СЫН НЕЧИСТОГО

VII.1. Источники сведений о Мерлине

Несмотря на то, что большинству читателей имя Мерлина хорошо знакомо, я подробнее остановлюсь на этом образе, ибо при взгляде более пристальном, чем есть у потребителя фэнтезийной литературы, становится очевидной его, Мерлина, скрытая сущность не просто мага, а трюкача

(Тригстера).

Итак, год 1485-й – первая публикация сочинения Томаса Мэлори «Смерть Артура». Благодаря многочисленным переизданиям этого труда, в том числе и в наши дни, спустя почти что пять с половиной веков, а также благодаря современным авторам, например, Нику Перумову и Мэри Стюарт, у читателя сложился стереотип, который сейчас будет разрушен. Поскольку большинству читателей те источники, на которых я основывался в своих построениях, недоступны – они цитируются по мере возможности ниже. Одно из первых упоминаний Мерлина относится к XII-му веку. Обратимся прежде к сочинению «Жизнь Мерлина»⁴³⁶, хотя этот маг упоминается и собственно в «Истории бриттов». Будучи переведенной на французский язык, книга Гальфрида Монмутского породила немало подражаний. Одним из первых является стихотворный «Роман о Бруте» норманнского поэта Васа, который добавил в сюжет об Артуре и Мерлине кое-что из бретонских легенд. Да и затем почти два столетия трубадуры обращались к этой теме ещё не раз. Текст Гальфрида воспроизводит рукопись, которая была выполнена, вероятно, около 1139 года.⁴³⁷ Она до сих пор хранится в Кембридже, в библиотеке Колледжа Св.Троицы (№ 1125).

VII.2. Безумие Мерлина

Мерлин, король и пророк, отказывается от светской власти, что с точки зрения окружающих выглядит полным безумием, и уходит из мира людей в Лес. Король Родарх, равный Мерлину по рождению и статусу, просит его восстановить «статус кво»:

*«...не удаляться в леса, не стремиться жизнью звериной
Жить средь дерев, меж тем как носить мог бы по праву
Жезл и под властью держать немало народов свирепых.
Щедро его одарить обещает король и тотчас же
Ткани доставить велит, и одежды, и псов, и пернатых,
И быстроногих коней, и злато и самоцветы,
Кубки, что сам Гвиеланд чеканил в граде Сигенском.
Каждую вещь Мерлину Родарх протянул, предлагая,
С ними остаться просил и лесные дебри покинуть,
Но, презирая дары, вещей муж ответил Родарху:
«Это отдай ты вождям, которых бедность смущает:
Малым довольны они не бывают, хватают побольше.*

⁴³⁶ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. –М.: «Наука», 1984.

⁴³⁷ Подробнее см. Иванов К.А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. –М.: Алетей, 2001. – 360 с.

*Заросли я предпочту ветвистых дубов калидонских,
Гор высоких хребты и зелень лугов у подножья:
Вот что мне по душе...»⁴³⁸*

Мерлин, рис. О.Бердслея

Таким образом, Мерлин нарушает сложившуюся социальную традицию, способствует деидеализации представлений о истинном правителе, способствует превращению мира идеального в реальный.

Король, чтобы удержать Мерлина от подобной провокаторской деятельности, приказывает заключить пророка в цепи. В этот момент к королю выходит его жена Ганеида. Родарх, заметив в волосах жены листочек, любовно вынимает листик, чем вызывает приступ буйного смеха у Мерлина. На новые предложения даров с одной только просьбой короля объяснить причину столь странной реакции, Мерлин отвечает, продолжая обличать сословие, из которого сам уже вышел:

*«Жадный любит дары, алчный трудится за обладанье;
«Эти, куда им велят, готовы душою склониться,
Ежели их подкупить. Мало им того, что имеют,
Ну а с меня желудей на дубах калидонских довольно,
Хватит прозрачных ручьев, по лугам душистым текущих.
Ты на дары не поймаешь меня, пусть алчный берет их.
Если свободы не дашь и в лесные зеленые доли
Я не вернусь, – не открою тебе и смеха причины»».⁴³⁹*

⁴³⁸ Гальфрид Монмутский. Жизнь Мерлина. 228-244.

⁴³⁹ Гальфрид Монмутский. Жизнь Мерлина. 272-279.

Король освобождает Мерлина и тот открывает королю глаза: королева спит с любовником по кустам. А надо сказать, что жена короля – это родная сестра Мерлина – Ганеида. Королева отрицает обвинение: *«Мерлин рассудка лишен и правду путает с ложью»*. Впрочем, время доказывает правоту и пророческий дар Мерлина.

VII.3. Истоки Силы Мерлина

Откуда же мог получить свой дар видения мира сэр Мерлин?

Всё дело в том, что ещё в мифологии валлийских кельтов, то есть задолго до Мэлори, и даже до Гальфрида Монмутского⁴⁴⁰, существовал персонаж по имени Мирддин, противоречивые деяния которого в точности совпадают с более поздним осмыслением его как Мерлина. Мирддин⁴⁴¹ – сын монахини, то есть непорочной, девственницы и Нечистого Духа. Своего рода сын Сатаны, Антихрист. Однако материнское доброе начало в нем всё-таки перевешивает, что не мешает Мерлину-Мирддину, творить «безумное», причём результат неизвестен и самому инициатору (что характерно и для Трикстера вообще).

Вот как описывает происхождение Мерлина Гальфрид Монмутский в эпизоде, когда король Вортигерн (Вортигирн) пытается понять, почему рушится раз за разом возводимая им башня замка:

«Когда Вортегирна уведомили об этом, он снова обратился к своим прорицателям, дабы те разъяснили причину происходящего. А они на это ответили, что ему следует разыскать юношу, у которого нет и не было никогда отца, и, разыскав такового, предать его смерти, дабы кровью убитого окропить щепень и камни. Они утверждали, что через это будет обеспечена устойчивость основания башни. Немедленно во все области

⁴⁴⁰ К слову, Гальфрид Монмутский был уроженцем Уэльса и сохранил в своем творчестве интерес к валлийским легендам и преданиям. В 1129-1151 гг. Гальфрид был связан с монастырской школой Оксфорда в документах которой он именуется магистром. Созданные за этот период сочинения Гальфрида свидетельствуют о его блестящем знании латинского языка и римских классиков. В 1152 незадолго до смерти Гальфрид становится епископом в Сент-Асафе в Северном Уэльсе. см. *Алексеев М.П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. М., 1984.

⁴⁴¹ Называют и двух реальных прототипов Мирддина, это Мирддин Виллт Шотландец, а другой – Мирддин Эмрис Уэльский. Подробнее см. Кельтская мифология: Энциклопедия. –М.: Издательство Эксмо, 2002. – 640 с. СС. 366-367, 400-400. Подробнее исторические корни Мерлина-Мирддина рассмотрены в книге: *Комаринец А.* Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола. –М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. СС. 278-284. Нас же интересует в большей степени сам архетип волшебника-Трикстера в Традиции, поэтому мы не станем останавливаться на этом увлекательном моменте.

государства рассылают гонцов, чтобы те отыскивали подходящего человека. Прибыв в город, который позднее был назван Каермердином (234), они, заметив у городских ворот увлеченных игрой юношей, подошли к ним. Усталые с дороги, они присели возле ристалища, собираясь узнать, не отыщется ли среди них тот, кто им нужен. По миновании большей части дня, между двумя юношами, которых звали Мерлин и Динабуций, вспыхнула ссора. И вот в разгар их препирательств Динабуций крикнул Мерлину: «Что ты равняешь себя со мною, глупец? Тебе далеко до меня. Ведь я и со стороны отца и со стороны матери происхожу из королевского рода, а кто ты, никому неизвестно, ибо нет у тебя отца». Услышав эти слова, гонцы встрепетались и стали расспрашивать окружающих, кто этот юноша. Те ответили, что кому он обязан рождением, неизвестно, а его мать – дочь короля Деметии и проживает в их городе среди монахинь в церкви святого Петра.

107. Получив эти сведения, гонцы поторопились к правителю города и от имени их короля потребовали доставить к ним Мерлина с матерью. Правитель, узнав о возложенном на них поручении, направил Мерлина с матерью к Вортегирну, дабы тот поступил с ними по своему усмотрению. И когда их привели перед королевские очи, государь принял мать Мерлина с должной почтительностью, так как знал, что она происходит от знатных родителей. Затем он начал её расспрашивать, от кого зачала она Мерлина. Та ответила: «У тебя живая душа и живая душа у меня, владыка мой король, но я и вправду не знаю, от кого я его понесла. Мне ведомо только то, что однажды, когда я находилась вместе со своими приближенными в спальном покое, предо мной предстал некто в облике прелестного юноши (235) и, сжимая в цепких объятиях, осыпал меня поцелуями; пробыв со мною совсем недолго, он внезапно изник, точно его вовсе и не было. Позднее он многократно обращался ко мне с речами, когда я бывала одна, но я его ни разу не видела. И он долгое время посещал меня таким образом, как я рассказала, и часто сочетался со мною, словно человек во плоти и крови, и покинул меня с бременем в чреве. Да будет ведомо твоей мудрости, что по-иному я не сходилась с этим юношей, породившим моего сына». Пораженный король приказал вызвать к нему Мауганция, дабы тот разъяснил, возможно ли то, о чем поведала женщина. Доставленный к Вортегирну Мауганций, выслушав все по порядку, сказал ему так: «Из книг наших философов и многих исторических сочинений я узнал, что немало людей появилось на свет именно так. Ибо, говоря о божестве Сократа, Апулей сообщает (236), что между луной и землей обитают бесплотные духи, которых мы именуем инкубами. Частично они обладают естеством человека, частично – ангелов и, когда пожелают, присваивают себе человеческое

обличив и сочетаются с нашими женщинами. Один из них, быть может, и предстал перед этою женщиной и породил в ней вот этого юношу».

108. Внимательно выслушав Мауганция, Мерлин подошел к королю и сказал: «Для чего меня и мою мать доставили к тебе и сюда привели?» Вортегирн ответил: «Мои прорицатели подали мне совет разыскать человека, появившегося на свет без отца и окропить его кровью мою постройку, дабы она обрела устойчивость». Тогда Мерлин молвил: «Прикажи твоим прорицателям явиться сюда, и я изблечу их в том, что они измыслили ложь». Озадаченный тем, что сказал юноша, король повелел прорицателям явиться безотлагательно и сесть перед Мерлином, и тот обратился к ним с такими словами: «Не разумея, что препятствует устойчивости основания начатой башни, вы заявили королю, будто нужно обрызгать щепень моею кровью. Но скажите, что, по-вашему, сокрыто под основанием? Ведь под ним находится нечто мешающее его устойчивости». Оробевшие прорицатели промолчали. Тогда Мерлин, прозывавшийся и Амброзием (237), проговорил: «Владыка король, призови строителей и прикажи им выкопать в земле яму поглубже, и ты обнаружишь озеро, которое не дает башне должной опоры». Когда это было исполнено, под землей действительно оказалось озеро, в котором и крылась истинная причина неустойчивости основания башни. Вслед за тем Амброзий-Мерлин подошел к прорицателям и сказал: «Ответьте мне, лживые вы льстецы, что находится на дне озера?» Не промолвив ни слова в ответ, они промолчали, словно немые. «Распорядись, властитель, спустить озеро по канавкам, и ты увидишь на его дне два полых изнутри камня и в них двух спящих драконов». Король поверил и этому предвещанию юноши, ибо все, что тот говорил об озере, полностью оправдалось, и приказал его осушить, пораженный больше, чем всем остальным, самим Мерлином. Да и все окружающие были поражены его мудростью и сочли, что в нем обитает божественный Дух... (далее следуют знаменитые пророчества)⁴⁴²».

Мерлин своим гермесовским красноречием склоняет в пользу культурного героя – короля Артура (при котором состоит наставником и советником) – немало прежде недовольных королей, подобно Трикстеру он выступает посредником между разными социальными группами британцев.⁴⁴³

⁴⁴² Гальффрид Монмутский. История бриттов...

⁴⁴³ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Главы VI-VIII.

VII.4. Пророчества, речи и деяния Мерлина

Король Лот обзывает Мэрлина «толкователем снов», что, впрочем соответствует истине, так как Мерлин приоткрывает людям области непознанного. Он, как и трикстер, делает неявное явным, вторгаясь в область неизведанного первым. *«Ему всё известно через дьявольские чары,»* – по мнению современников.⁴⁴⁴ Он предвещает и прозревает будущее, предсказывая и Артуру, и себе и рыцарям цикла их неизбежные судьбы.⁴⁴⁵ Именно Мерлин согласно «Роману о Бруте» (1155 г.) предсказал королю Вортигерну, что строительство самой высокой и крепкой башни не спасет его от смерти, и он будет сожжен в этой башне. Впрочем, это есть и у Гальфрида Монмутского:

«Так как Мерлин напрозорил всё это и прочее, он удивил окружающих неопределенностью своих слов. Вортегирн, однако, восхитившись ими, как никто из присутствовавших, восхваляет ум и прорицания юноши. Ведь то время не произвело никого, чьи уста источили бы перед ним нечто подобное. Итак, желая узнать, каков будет исход его жизни, он предложил юноше поведать ему все, что тому было известно, и на это Мерлин сказал: «Беги огня сыновей Константина (286), если сможешь от него убежать. Ибо уже снаряжаются корабли, они уже покидают берег Арморики. Паруса их уже распускаются в море; они поплывут к острову бриттов, они нападут на племя саксов и поработят нечестивый народ, но прежде сожгут тебя в башне, в которой ты затворишься. На свое горе предал ты их отца и призвал саксов на остров. Ты призвал их, чтобы они тебя защитили, а они прибыли сюда на твою погибель. Тебе угрожают две смертельные опасности, и не ясно, какая из них минует тебя. С одной стороны твое королевство опустошают саксы и жаждут тебя погубить, с другой – на остров высаживаются два брата, Аврелий и Утер, которые постараются отмстить за смерть своего отца. Ищи для себя убежища, если можешь – ведь уже завтра они захватят тотонское побережье. Тела саксов они обагрят кровью, и, убив Хенгиста, Аврелий Амброзий возложит на себя королевский венец. Он успокоит народы, восстановит церкви, но погибнет от яда. Вслед за ним взойдет на престол его брат Утерпендрагон, дни коего пресекутся также от яда. Твоих потомков постигнут величайшие бедствия...»⁴⁴⁶

⁴⁴⁴ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть III. Глава XIV.

⁴⁴⁵ см. например его предсказание Артуру, что Гвинивера изменит тому с Ланцелотом – Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть III. Глава I. Или о смерти Артура и самого Мерлина – Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Глава XIX.

⁴⁴⁶ Гальфрид Монмутский. История бриттов

Мерлин – великий волшебник и мастер. Об этом говорит ясно такой эпизод:

«... король Артур велел отлить и поставить двенадцать фигур из бронзы и меди, покрытых золотом, в виже тех двенадцати королей(которых он победил), и каждая держала в руке восковую свечу, и горели эти свечи день и ночь. А над ними воздвигли фигуру короля Артура с обнаженным мечом в руке, и всем тем двенадцати фигурам был придан вид побеждённых. Всё это сделал Мерлин тонким своим искусством.»⁴⁴⁷

По версии Гальфрида Монмутского именно Мерлин обучает искусству сложения песен и стихов величайшего поэта древней Британии Телиесина (Талиесина, жившего в VII веке).⁴⁴⁸

Мерлин сотворяет колдовскую кровать, «в которую кто бы ни лег, становился безумным». ⁴⁴⁹ Делает он и погибельное сидение – одно из пятидесяти кресел рыцарей Круглого стола, на котором не усидит недостойный. Даже Круглый Стол по одной из версий «был сооружен Мерлином как знак истинной круглости мира, и людям так надлежит понимать значение Круглого стола. Ибо весь мир, и языческий и христианский, стремится к Круглому Столу...»⁴⁵⁰

В другом случае Мерлин спас Балина, который лежал, погребенный обрушенным замком.⁴⁵¹ Это вовсе не первый случай, когда силой магии Мерлин двигал камни, Традиция ему приписывает строительство знаменитого Стоунхенджа.⁴⁵²

128. И вот, созвав отовсюду искусных в своем ремесле каменщиков и плотников, он⁴⁵³ повелел им хорошенько подумать и измыслить новое и доселе невиданное сооружение, которым он бы увековечил память столь многих мужей⁴⁵⁴. Но все они, как один, не доверяя своим дарованиям, отказались выполнить его повеление. Пред королем, однако, предстал архиепископ Города Легионов по имени Треморин и сказал: «Если существует кто-либо способный взяться за приказанное тобой, то это

⁴⁴⁷ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть II. Глава XI.

⁴⁴⁸ Обращает на себя внимание, что Вещий Боян – наследник Велесов, как мы указывали выше. Наследники Гермеса также обладают особым даром владения языка, наконец, и Один дарует скальдам «мед поэзии». Подробнее о Талиесине и его творениях см. История Талиесина(Hanes Taliesin)/ Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. –М.: Аграф, 2002. – 416 с. СС. 379-381, 237-260.

⁴⁴⁹ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть II. Глава XIX.

⁴⁵⁰ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга III. Часть II. Глава II.

⁴⁵¹ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть II. Глава XV.

⁴⁵² Гальфрид Монмутский. История бриттов. 128-130, см. также: Кельтская мифология: Энциклопедия. –М.: Издательство Эксмо, 2002. С. 366.

⁴⁵³ Полулегендарный король Британии Аврелий.

⁴⁵⁴ ... погибших ранее под ножами врагов в великом множестве

прорицатель Вортегирна Мерлин. Полагаю, что во всем королевстве твоём нет никого, чей ум был бы пронзительнее и прозорливее как в предсказаниях будущего, так и в придумывании хитроумных орудий. Прикажи доставить его к тебе. Пусть он покажет свои дарования и соорудит то, чего ты так страстно желаешь». Расспросив о Мерлине и немало узнав о нём, Аврелий разослал гонцов в различные области государства, чтобы те его разыскали и привезли к нему. Объездив многие земли, гонцы нашли Мерлина в краю гевиссеев у галабского источника, который он имел обыкновение посещать. Рассказав ему, чего от него хотят, они привезли его к государю...»

Здесь я вынужден обратиться к другому источнику, ибо не всё так гладко проходило у родника на Валийской земле, как то описывает Гальфрид. Я же обратил на эту недомолвку особое внимание, поскольку она укладывается в характерное поведение Мерлина, как Трикстера:

*«Родник этот Мерлин очень любил и часто купался в нём. Воины нашли его там, когда он сидел на берегу. Как только они его встретили, то учтиво приветствовали его, и тотчас сказали ему два воина так: «Будь здоров, Мерлин, мудрейший из людей! Через нас добрый король этой страны по имени Аврелий, благороднейший из всех королей, приветствует тебя и почтительно просит, чтобы ты пришёл к нему; он даст тебе землю, серебро и золото, если ты пожелаешь подать королю совет в его королевском деле.» Тогда Мерлин ответил так, что огорчил воинов: **«Меня не влечет ни его земля, ни его серебро, ни его золото, ничего из прочих его даров – ни его одежды, ни его кони; я и сам имею достаточно.»** Затем он долгое время сидел безмолвный.⁴⁵⁵ Воины стали бояться, что он хочет бежать. Когда же он дал волю словам, речь его была благосклонна: «Вы два воина, что пришли сюда от короля: уже вчера до полудня я знал, что вы придёте; и если бы я пожелал, то вы не смогли бы меня найти. Вы принесли мне привет от короля Аврелия. Я знал его свойства до того, как он явился на свет, и я знал также другого – его брата Утера; я знал их обоих до того, как они родились, хотя в глаза их никогда не видел. Но увы! увы! так уж суждено, что добрый государь не*

⁴⁵⁵ В данном отрывке Мерлин сидит безмолвный и недвижимый, прежде чем делает предсказания или вообще что-то предпринимает. Должно быть, это связано с той Традицией, на которую опирается автор сочинения, приписывая её своему герою – Мерлину. Практикующий славянский волхв, Велимир – Николай Сперанский в своей книге «Шаманский дар волхования» (С.89, –М.: Ладога 100, 2005) обращает внимание на то, что «волхвы перед тем, как сделать предсказание, надолго замирали». При этом он ссылается на книгу Е.В. Анничкова («Язычество и древняя Русь», 1915).

проживет долго! Теперь же я пойду и буду вашим попутчиком; я последую за вами к королю и исполню его желание.»⁴⁵⁶

Снова предоставим слово Гальфриду Монмутскому:⁴⁵⁷ *«...Тот (Аврелий) с радостью⁴⁵⁸ принял Мерлина и повелел ему предсказать грядущее, рассчитывая услышать нечто поразительное. На это Мерлин ответил: «Тайны этого рода не подлежат раскрытию, если того не потребует крайняя необходимость. Ибо, если бы я изложил их ради забавы или теша свое тщеславие, во мне бы умолк просвещающий меня дух, и, буде в нем явилась бы надобность, он бы меня покинул». Сообщив Мерлину об отказе всех выполнить его, Аврелия, повеление, он не стал настаивать на прорицаниях будущего и рассказал ему о сооружении, которое он задумал. На это Мерлин заметил: «Если ты хочешь украсить могилу убитых мужей отменно прочным сооружением, пошли к Кольцу Великанов, которое находится на горе Килларав в Ибернии. Оно выложено камнями, с которыми никто из людей нашего времени не мог бы управиться, не подчинив искусства уму. Камни огромны, и нет никого, чья сила могла бы их сдвинуть. И если расположить эти глыбы вокруг площадки, где покоятся тела убиенных, так же, как это сделано там, они тут встанут навеки».*

129. Услышав эти слова, Аврелий усмехнулся, заметив: *«Как это так? Везти столь огромные камни из столь отдаленного королевства, точно в Британии не найдется камней для задуманного мною сооружения!»* На это Мерлин ответил: *«Понапрасну не смейся, ибо то, что я тебе предлагаю, отнюдь не пустое. Камни исполнены тайн и придают лечебные свойства различным снадобьям. Некогда великаны вывезли их из крайних пределов Африки и установили в Ибернии, где тогда обитали. Выдолбив в этих камнях углубления, они устроили для себя купальни, которыми пользовались, когда их одолевали недуги. Они поливали камни водой, углубления в них наполнялись ею, и недужные, погрузившись в неё, исцелялись. Они также примешивали истолченные в порошок камни к отварам из трав, и раны быстро затягивались. Там нет камня, который был бы лишен лекарственных свойств».* Выслушав про всё это, бритты

⁴⁵⁶ Уэльс: Хроники бриттов. Книга сказаний/ Перевод с английского, сост. и коммент. С.Шабалова. – М.; – Спб., 2005. СС. 59-67. (извлечение из «Бруга» Лайамона – Layamon's Brut, or Chronicl of Britain... London, 1847, Vol.2, PP.286-309)).

⁴⁵⁷ Гальфрид Монмутский. История бриттов. 128-130.

⁴⁵⁸ *«Велико было ликование среди людей, и все ради прибытия Мерлина, который не был сыном человека. Жаль, что на свете не было муореча, который бы знал, чьим сыном Мерлин был, – лишь Господь один знал это, который все пронизает ясно!»* – Layamon's Brut, or Chronicl of Britain... London, 1847, Vol.2, PP.286-309.

порешили послать за камнями и сразиться с жителями Ибернии, если те воспротивятся их намерениям. Для выполнения этого замысла назначается брат короля Утер Пендрагон с пятнадцатую тысячами вооруженных. Вместе со всеми король отправляет и Мерлина, **дабы всё вершилось по его указаниям и советам.** Снарядив корабли, бритты выходят в море и с попутным ветром достигают Ибернии.»

И снова прерываем конспективное повествование Гальффрида, опускающего весьма интересные для нашего исследования моменты. Король изумляется, что если камни столь огромны и их ворочали великаны, то как же ему, простому смертному, даже при помощи войска, перенести эти камни:

*«Тогда Мерлин ответил королю, с которым беседовал: «О да, владыка король, в старину говорили, что **лучше уменье, чем дурная сила, ибо умеючи можно овладеть тем, чего не достигнешь силой.**»⁴⁵⁹*

«130. В ту пору царствовал в Ибернии Гилломаурий, юноша редкостной доблести. Узнав, что в его королевство прибыли бритты, он собрал сильное войско и двинулся им навстречу. Когда же ему сообщили, чем именно вызвано их прибытие, он рассмеялся и обратился к окружающим с такими словами: «Не удивляюсь, что невежественный народ мог разорить остров бриттов, ибо они неотесанные глупцы. Кто когда-нибудь слышал про такую нелепость? Неужто скалы в Ибернии лучше, чем на их острове, и в этом причина их вторжения в наше королевство? Вооружитесь, мужи, и защищайте родину вашу; пока я жив, им не взять из Кольца Великанов ни одного даже самого ничтожного камешка». Обнаружив, что войско короля Ибернии намерено сопротивляться, Утер поторопился вступить с ним в сражение. Возобладали бритты; искромсав и перебив неприятеля, они принудили Гилломаурия удариться в бегство.

*Одержав победу, бритты поднялись на гору Килларао и, овладев каменным сооружением, возрадовались и дивились ему. И вот, когда они столпились вокруг него, подошел Мерлин и сказал: «Приложите, юноши, все свои силы и, двигая эти камни, **постарайтесь понять, что могущественнее, сила или разум, разум или сила.**»⁴⁶⁰ Повинуясь его приказанию, они единодушно взялись за всевозможные орудия и приступили к разборке Кольца. Иные приготовили бечеву, иные канаты, иные лестницы, дабы довести до конца задуманное, но ничего не добились. Наблюдая за бесплодными их усилиями, Мерлин рассмеялся и измыслил свои **собственные орудия. Затем, применив кое-какие необходимые приспособления, он сдвинул камни с невероятною легкостью;***

⁴⁵⁹ Layamon's Brut, or Chronical of Britain... London, 1847, Vol.2, PP.286-309.

⁴⁶⁰ Типичная черта Трикстера, умаление чувства значимости у спутника-героя.

сдвинутые им глыбы он заставил перетащить к кораблям и на них погрузить.⁴⁶¹ Ликуя, они отплыли в Британию и с попутными ветрами достигли её, после чего привезенные камни доставляют к могилам убиенных мужей. Когда об этом доложили Аврелию, тот разослал гонцов в различные части Британии и повелел оповестить духовенство и жителей о доставке камней, а также, чтобы оповещённые им об этом собрались на горе Амбрия и с радостью, воздавая убитым почести, украсили их могилы. По его указу туда явились епископы и аббаты и прочие его подданные из всех сословий. И когда все собрались, и настал заранее назначенный день, Аврелий, возложив на свою голову королевский венец, отметил торжественно праздник Троицы и три последующих дня посвятил торжествам. Между тем он пожаловал своим приближенным ещё свободные почетные должности, дабы вознаградить их за преданность и труды. Поскольку два архиепископства, а именно Эборакское и Города Легионов, не имели над собой глав, он, вняв единодушным пожеланиям их населения, Эборакское отдал Самсону, мужу знаменитому и прославленному величайшим своим благочестием, а Города Легионов-Дубрицию, на которого, как на достойного пастыря, указал божественный промысел. Уладив эти и другие дела в своем государстве, Аврелий повелел Мерлину установить вокруг мо-гил убиенных камни, привезенные им из Ибернии⁴⁶², и тот, повинуясь королевскому приказанию, установил их вокруг могил не иначе, чем они были расставлены на горе Килларао в Ибернии, **и доказал тем самым, что разум сильнее мощи.**»⁴⁶³

⁴⁶¹ По другой версии, когда воины убедились, что никак не могут сдвинуть камни с места... «Мерлин узрел Утера, что был братом короля, и вот что сказал Мерлин-провидец: «Утер, отступи назад и собери своих воинов; станьте все неподалеку и прилежно смотрите, и замрите так, чтобы ни один человек не шевельнулся до того, как я скажу вам, что пора начинать». Утер отступил назад и собрал своих воинов, так как что никого не осталось возле камней на расстояние брошенного камня. И Мерлин обошел вокруг и пристально поглядел. Трижды он обошел вокруг, и снаружи, и внутри, и при этом он шевелил своим языком, как будто пел молитвы. Затем он позвал Утера: «Поспеши ко мне, Утер, со всеми своими воинами и забирайте все эти камни. Не оставляйте ни одного: ибо теперь вы сможете поднять их, как комки из перьев. И по моему велению несите их к нашим кораблям...» Так и было сделано. – Layamon's Brut, or Chroni-cl of Britain... London, 1847, Vol.2, PP.286-309.

⁴⁶² Ирландия

⁴⁶³ Гальфрид Монмутский. История бриттов... Отметим, что мы уже приводили выше по тексту многочисленные примеры из эпоса финно-карельских народов «Калевалы». Воздействие слова представляется в «Калевале» доминирующим по отношению к действию, которое в большинстве случаев без слова бессильно. При

Sedentes est deliberant. Sedente namq; eo. i. delibante r. d. s. p. n. e. n. t. e.
 de obedienda tunc qm magy gliserint in p. s. i. d. u. m. l. i. b. i. o. s. t. r. e. r. e.
 ex illi l. i. r. d. u. o. d. r. a. c. o. n. e. s. C. O. n. u. i. c. t. o. a. n. u. a. t. i. r. u. a. r. t. a. q. u. e. m.
 r. o. d. u. a. r. u. t. l. i. c. o. n. u. a. t. o. a. d. l. y. s. t. r. a. m. I. n. f. i. t. o. c. o. n. t. r. a. m. a. n. o.
 u. g. e. r. f. i. l. i. o. e. u. s. c. o. n. s. u. a. t. e. V. o. r. t. i. g. e. r. n. u. s. f. u. r. t. i. p. u. e. r. e. g. n. u. m. a. u. t. p. d. i.
 o. n. e. u. t. q. u. e. r. e. g. n. u. m. a. p. r. e. d. i. c. t. a. s. o. c. c. u. l. u. s. e. s. t. p. a. t. r. i. s. V. e. r. t. i. c. o. n. e. s. u. i. g. n. u. m. t. o.
 m. a. n. a. p. a. b. i. n. e. c. e. a. n. d. o. H. o. c. f. r. a. g. m. e. n. t. u. s. l. i. b. e. a. r. t. e. e. i. u. s. r. o. p. u. s. o. m. n. i.
 e. i. u. d. e. b. a. t. V. i. d. e. s. t. a. g. u. s. q. u. a. n. t. u. m. i. l. l. u. d. m. o. r. t. i. n. o. h. a. e. m. o. n. e. n. s. e.
 H. o. c. f. r. a. g. m. e. n. t. u. s. l. i. b. e. a. r. t. e. e. i. u. s. r. o. p. u. s. o. m. n. i. e. i. u. d. e. b. a. t. V. i. d. e. s. t. a. g. u. s. q. u. a. n. t. u. m. i. l. l. u. d. m. o. r. t. i. n. o. h. a. e. m. o. n. e. n. s. e.

юноша Мерлин и король Вортигерн, миниатюра из рукописи XIII века

обращении к богам акцент делается не на ответной помощи богов, а на магической силе самого вызывания, т.е. название желаемого в будущем действия превращается в совершение этого в настоящем. Из всех возможных видов заклятий наиболее мощным является рассказ о первотворении мира и отдельных его частей, это знание делает героя практически непобедимым. Величайшим оказывается не самый воинственный, а самый мудрый.

VII.5. Инициаторская деятельность Мерлина

Мерлин, конечно же, аморален, с точки зрения существующей христианской этической системы средневекового читателя и слушателя. Он сводник (как и породивший его Нечистый, или же инкуб⁴⁶⁴), он помогает обманом овладеть чужой женой⁴⁶⁵ – королю Утеру Пендрагону леди Игрейной. Однако без этого не было бы рождено самого Артура и не было бы его воспитания сэром Эктором (Мерлином)⁴⁶⁶, равно как не существовало бы ни самого Круглого Стола, ни даже самих рассказов о нем. Именно с этого возмутительного проступка чародея и начинается сам Артуровский цикл. Таким образом, хотя Мерлин и выступает нарушителем социального запрета, он инициирует последующее мифологическое действие. Именно Мерлин собирает Артуру сорок восемь участников Круглого Стола.⁴⁶⁷ Именно он направляет действия рыцарей к поиску языческой святыни – Чаши Грааля и в конце концов помогает Персевалу проникнуть в замок Грааля, добыть Грааль и стать королем.⁴⁶⁸

⁴⁶⁴ Демоны, принимающие мужской (инкуб, от лат. incubare – «лежать на») или женский (суккуб, от лат. succubare – «лежать под») облик и вступающие в половую связь с человеком (или искусно имитирующие половую связь). В основе идеи инкубата – присутствующие в мифологии многих народ представление о некоем ночном агрессоре («мара»), садящимся на грудь и вызывающим удушье или обездвиживание. Латинское *incubus*, германское *mar/mare*, старонорвежское *maга*, староанглийское *maege*, староирландское *mar/mog* – все эти именованья ассоциируются с тем, кто прыгает сверху, давит, стискивает.

Знаменитый «Роберт Дьявол», персонаж в средневековой литературе и в то же время вполне историческое лицо, герцог Нормандии, отец Вильгельма Завоевателя, прославившийся своей невероятной жестокостью, во французской средневековой литературе превратился в мифическое порождение демона и герцогини Нормандии; прожив полную злодеяний жизнь, он покаялся и стал святым отшельником, – из этого следует, что согласно средневековым представлениям, сын демона «за отца не отвечает» и может, в отличие от самого дьявола, рассчитывать на искупление грехов и спасение. Так и Мерлин не в ответе за породившего его «Нечистого», и, стало быть, в нем борется и Бог, и Сатана. Он противоречив, как положено всякому Трикстеру.

⁴⁶⁵ *Томас Мэлори*. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Глава I.

⁴⁶⁶ Хотя Мерлин, прежде чем обернуть Утера истинным мужем леди Игрейны, выторговывает у него право взять у него ребенка от этой связи, по версии Томаса Мэлори Мерлин в одежде нищего принимает младенца Артура, именованья его, и относит в семью Эктора, то есть выполняет функции посредника, подобного Гермесу (если вспомнить его «беготню» с Дионисом). В XIX главе, книги первой, части первой, Игрейна сама утверждает, что её ребенок был отдан Мерлину на воспитание.

⁴⁶⁷ *Томас Мэлори*. Смерть Артура. Книга I. Часть III. Глава II.

⁴⁶⁸ *Stewart, R.J. & Matthews, John (ed.s)*. Merlin through the Ages: A.Chronolpgical

И это Мерлин измышляет хитрый трюк с погружением меча⁴⁶⁹ в камень (Скалу Времени в самом раннем значении), чтобы постоянно держать соревнующихся баронов и претендентов на трон в одном месте и в боевой форме.

Именно Мерлин советует людям Артура (вопреки рыцарской традиции биться в чистом поле при свете дня и пред очами Господа) нападать на противников в полночь, когда те спят по шатрам.⁴⁷⁰ Хотя на следующий же день дает прямо противоположный совет.⁴⁷¹

Мерлин неправому дарует победу, словно Гермес он усыпил короля Пелинора, который в честном поединке одолел Артура, и тот упал в глубоком сне. Кроме того Мерлин крадет рыцарского коня усыпленного им Пелинора.⁴⁷² Поведение по меркам эпохи рыцарства тоже неэтичное.

Мерлин помогает Артуру добыть Экскалибур у Владычицы озера, но ценен даже не сам меч, а ножны, ибо пока они на боку у владельца, как бы он ни был ранен, из его ран не прольется ни капли крови.⁴⁷³ И надо думать, что использование такого оружия в турнирах не вполне этично.

VII.6. Мерлин-оборотень

Как было отмечено в первой части этой книги, Трикстер стоит на грани мира человеческого общества и первобытного мира Дикой Природы, поэтому с точки зрения социального человека смешон, нерассудителен или бессознателен.

У Гальфрида Монмутского, одного из первых авторов, у кого встречается имя Мерлина в поэме 1130-1140 гг. «Жизнь Мерлина», рассказывается о том, как потеряв друзей во время одной из битв убитыми, Мерлин обезумел и ушел в Лес, став его частью:

*«Тою порой, как Мерлин бесчетными стонами воздух
Полнил, безумье его обуяло: покинув украдкой
Всех, в леса он бежал, чтоб люди его не видали.
В дебри вводит Мерлин, он рад, что под вязами скрылся,
Диким дивится зверям, на полянах щиплющим травы.
То за одним побежит, то другого резво обгонит,*

Anthology and Source Book. London, 1995.

⁴⁶⁹ Как мы помним, в германских сагах это делает Трикстер Один – «Сага о Волсунгах», III. в пер. Б. Ярхо/ Корни Иггдрасила (Эдда. Скальды. Саги), сб. под ред. О.Смирницкой, –М.: «Терра», 1997.

⁴⁷⁰ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Глава XI.

⁴⁷¹ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Глава XII.

⁴⁷² Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Глава XXII.

⁴⁷³ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Глава XXIII.

*В пищу коренья трав и в пищу идут ему травы,
В пищу идут с деревьев плоды, ежевика лесная.
Стал он лесным дикарем, как будто в лесах и родился.
Лето всё напролет, ни одним человеком не найден,
Он скрывался в лесах, щетиной, как зверь, обрастая».⁴⁷⁴*

Заметим, что не уходит в монахи, не запирается в келье, возвращается в Дикую Природу. Любопытно, что «безумье» Мерлина было укрощено песней путника, встретившегося ему в лесу и посланного на розыски Мерлина. Этот эпизод, кстати, указывает на отношение к самой песне, как независимой форме сознания. Вспомним, хотя бы, как Орфей спас своей песней аргонавтов, обезумевших от пения сирен. Упомянутый же здесь Одиссей предусмотрительно залепил своим гребцам уши воском, а себя велел привязать к мачте - и тем самым он услышал их магическое пение, оставшись целым и невредимым.

Ещё один примечательный эпизод биографии Мерлина по Гальфриду Монмутскому, когда, проведя годы в лесу,⁴⁷⁵ Мерлин является за обещанной ему женщиной – Гвендолоеной, прознав, что она вышла замуж за другого. Тут найдём и лицедейство, и звериную натуру трикстера-Мерлина, и вожделение – словом всё то, что обнаружим и у Пана и отца его Гермеса:

*«Верно, в разлуке меня покинула Гвендолоена,
К мужу новому льнет, его обьятиям рада.
Значит, я побежден, и другой наслаждается ею!
Значит, пока я вдали, у меня моё отняли право!
Значит, так! Ведь ленивых в любви всега одолеет
Тот, кто в любви не ленив, кто далеко нейдет, кто под боком.
Я не завидую: пусть в добрый час берет себе мужа,
Счастливо с новым живет – с моего изволенья – супругом.
Завтра, лишь только рассвет заблестит, туда я отправлюсь
И отнесу я дары, что ей обещал при уходе.»
Молвив, он обошел лесистые доли и дебри,
Много оленьих стад собрав в единое стадо,
Ланей прибавил к нему и косуль, на оленя уселся
И, чуть лишь день занялся, пред собою погнал свое стадо,
В дом поспешая, куда вышла замуж Гвендолоена.
Прибыл туда, терпеливо стоять заставил оленей*

⁴⁷⁴ Гальфрид Монмутский. Жизнь Мерлина. 72-83.

⁴⁷⁵ Мерлин по одной из версий друид и является «вепрем Броселиандского леса». См. Н.С. Широкова Культура кельтов и нордическая традиция в античности. –СПб.: Евразия, 2000. СС.229, 236.

*Перед дверьми он, а сам стал кликать Гвендолоену:
«Гвендолоена, спустись: тебя дары ожидают».
Быстро спустилась к нему, улыбаясь, Гвендолоена,
Стала дивиться, что муж верхом на олене приехал
И что послушен олень, и что столько диких животных
Мог Мерлин и собратъ, и гнать один пред собою,
Словно отару пастух на пастбище гонит привычно.
Новый супруг подошел к окну высокому, глянул,
Всадник какой у порога стоит, и дивясь, засмеялся.
Вещий Мерлин, как увидел его, как понял немедля,
Кто он, и рог отломил у оленя, верхом на котором
Ехал, и с силой тот рог в окно метнул, размахнувшись.
Так что совсем размозжил новобрачному череп и сделал
Вмиг бездыханным его, и жизнь по ветру развеял...»⁴⁷⁶*

Эта жестокая проделка, достойная разве обиженного юнца, сошла бы Мерлину с рук, но он, «нашкодив», пустился наутек на том самом олене, которому обломил рог. И вот представьте себе вещь царственную особу, которая свалилась в лесную реку со своего «коня». Слуги, конечно, мигом изловили Мерлина и в путях привели его снова к сестре (жене короля). Но Мерлину за убийство ровным счетом ничего не будет. Король над безумцем, мигом впавшим в печаль, сжалился и повел его развлекаться на рынок. Мерлин снова становится мудрым Стариком, прозревая, что де нищий, просящий там подающие, переодетый скупой богач...

У Мелори Мерлин-оборотень более удачлив, он почти что всемогущий Старик, он способен неожиданно исчезать с глаз.⁴⁷⁷ А также вообще очень быстро перемещаться и всюду на всех путях и дорогах успевать, удивляя тем Артура и его сподвижников.⁴⁷⁸ Мерлин является разным людям в разном обличии, для них неузнаваемом, потом от открывается им, становится попутчиком, сопровождающим и советчиком.⁴⁷⁹ Не чужд Мерлин и карнавалному переоблачению с последующим розыгрышем, он оборачивается жонглером, отшельником, старцем, карликом и оленем.⁴⁸⁰

«Наряжен же Мерлин был так, что король Артур его не признал, ибо он был весь укутан в черную овчину, обут в грубые сапоги, за спиною лук со стрелами, поверх плащ грубоотканый, и в обеих руках держал по

⁴⁷⁶ Гальфрид Монмутский. Жизнь Мерлина. 441-470.

⁴⁷⁷ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Глава VII.

⁴⁷⁸ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Глава XI; Часть II. Глава IX.

⁴⁷⁹ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть II. Глава VIII.

⁴⁸⁰ Иванов К.А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. –М.: Алетейя, 2001. С.213

дикому гусю. Было это наутро после Сретения Господня. Артур не признал его.

– Сэр, – сказал Мерлин королю, – пожалуйста меня подарком.

– Зачем же, – спросил король Артур, – должен я делать тебе подарок, мужчина?

– Сэр, – ответил Мерлин, – уж лучше вы отдайте мне в подарок то, чего нет у вас в руках, иначе утратите великие богатства. Ибо здесь, в этом самом месте, где велась великая битва, лежит упрятанное в землю бесценное сокровище..

– Кто тебе это сказал, мужчина?

– Сэр, это сказал мне Мерлин, – ответил он.

Тут Ульфюус и Брастиас узнали его и стали смеяться.

– Сэр, – сказали эти два рыцаря, – ведь это Мерлин говорит с вами.

Король Артур тут сильно смутился и удивился он Мерлиновой хитрости, а равно и короли Бан и Борс. Так он их всех потешил.»⁴⁸¹

Как отмечено Вудман, «сконцентрированность на игре, включающей в себя противоположности и выходящей за их рамки, оказывается именно той энергией, которая заставляет колдуна и мага измениться.»

В своей книге Мэрион Вудман рассматривает великого Мерлина в несколько необычном ракурсе для этого, ставшего каноническим образа мудрого Старика, усматривая в его величественной натуре очевидные теперь черты трикстера.⁴⁸²

Клоунская натура делает его образ исцеляющим, – пишет исследовательница, – раскрывая однобокую, эгоистичную, трагичную перспективу.

«Мерлин является тем архетипическим волшебником с чертами клоуна. Он сын дьявола, рождённый девственницей. Наследственность делает его очень важным трансформирующим образом для зависимых людей, ибо совмещает в себе свет Люцифера и самые приземленные черты зрелой девственницы. На первый взгляд, его двойственная или даже многомерная натура и его мошеннические и клоунские черты придают ему качества Мефистофеля, однако его знание прошлого и предвидение будущего свидетельствуют о более высокой степени сознания по сравнению с Артуром и его рыцарями, которые, действительно, совершенно бездумны и бессознательны. Именно благодаря этой более высокой степени осознания Мерлин, как и Грааль, выступает в образе спроецированного сознания,

⁴⁸¹ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Глава XV.

⁴⁸² Мэрион Вудман. Волшебники, Трикстеры и клоуны: проявление маскулинности в зависимостях и пристрастиях/ Мэрион Вудман. Опустошенный Женит. Женская маскулинность: Аналитическая психология/Пер. с англ. Валерия Мершавки. –М.: ИНФРА –М.: 2001. – с 36 – 59.

позволяющего выставлять напоказ человеческие ошибки и преступления. В качестве пророка дьявола, отправленного в мир Сатаной, он в большинстве случаев определенно считается Антихристом... Благодаря материнской добродетели дьявольское наследие Мерлина не может проявляться само по себе. Наиболее характерные дьявольские черты проступают в его колдовских чарах и в наслаждении от своих шуток над окружающими и желании их одурачить. Но по большому счету ни одна из этих черт не является губительной».⁴⁸³

Мерлин очень значителен, в особенности для людей с крайне обостренными противоположностями, ибо он близок к природе, воплощает божественные энергии и обладает сознанием, позволяющим удерживать напряжение противоположностей. Как клоун он компенсирует ригидность изношенного коллективного сознания, открывая путь к иррациональным глубинам с присущим им богатством инстинктивных и архетипических энергий.⁴⁸⁴

Трикстер-Мерлин выступает, как Старый Мудрец с одной стороны и как юнец – с другой, дабы умалить чувство значимости Артура. У Мэлори встречаем весьма характерный для Трикстера эпизод, когда Мерлин, дабы преподнести очередной урок культурному герою Артуру предстает пред ним в нескольких ипостасях:⁴⁸⁵

«И в это время подошел к нему Мерлин в облике юноши четырнадцати лет, приветствовал короля и спросил, отчего он так задумчив.

– Тут поневоле задумаешься, – отвечал король, – ведь я видел сейчас величайшее на свете диво.

– Я знаю об этом, – сказал Мерлин, – не хуже тебя и самого, и знаю все твои мысли. Но ты глупец, что так близко к сердцу принимаешь то, в чем ты бессилён. Также знаю я, кто ты таков, и кто твой отец, и кем был ты зачат: ибо отец твой – король Утер, и зачала тебя от него Игрейна.

– Это ложь! – молвил король Артур. – Откуда тебе знать это, ведь ты годами не настолько стар, чтобы знать моего отца.

– Всё равно, – отвечал Мерлин, – я знаю всё это лучше, чем любой другой человек на свете.

– Не верю я тебе, – молвил король Артур, сильно гневаясь на отрока.

Тут удалился Мерлин и явился вновь в облициии древнего старца восьмидесяти лет. И Артур возрадовался, ибо этот старец был с виду

⁴⁸³ Emma Jung and Marie-Louise von Franz, The Grail Legend, p. 355.

⁴⁸⁴ Мэрион Вудман. Волшебники, Трикстеры и клоуны: проявление маскированности в зависимостях и пристрастиях...

⁴⁸⁵ Томас Мэлори. Смерть Артура. Книга I. Часть I. Глава XIX.

очень мудр. Спросил его старец:

– Отчего ты так печален?

– Поневоле будешь тут печален, – отвечал Артур, – ибо много к тому причин. Только сейчас был здесь отрок, который поведал мне, чего, думается мне, не должен был он знать, ибо не вышел годами, чтобы знать моего отца.

– Нет, – сказал старец, – тот отрок поведал вам правду, и он многое рассказал бы вам, пожелай вы его выслушать. Но в недавнее время вы совершили поступок, за который Господь гневается на вас, ибо вы возлежали с сестрой вашей и от неё зачали сына, от руки которого погибнете вы и все рыцари вашего королевства.

– Кто ты таков, – спросил Артур, – что приносишь мне такие вести?

– Сэр, я – Мэрлин, и я же являлся вам в обличи отрока.

– А-а, – сказал король, – ты удивительный человек. Но я более всего дивлюсь твоим словам, что я должен погибнуть в бою.

– Не дивитесь, – сказал Мерлин, – ибо такова Божья воля, чтобы тело ваше понесло кару за ваши дурные дела. Но сокрушаться должно более мне, – сказал Мерлин, – ибо мне предстоит погибнуть позорной смертью: быть заживо зарытым в землю; вы же умрете смертью славною.»

Так, и ещё не раз, Мерлин проверяет претензии Артура на Силу и Власть, право установить новый (справедливый) социальный порядок.

VII.7. Гибель Мерлина

Наконец, и гибель Мерлина случается, как у всякого Трикстера нелепо, по вине женщины, в которую Мерлин безумно влюбляется. Проявляя **традиционные черты гиперсексуала**, он «покою ей не давал, он все время хотел быть с нею. И она была с ним ласкова и приветлива, пока не вызнала у него все, что хотела, и не переняла его искусство, а он без ума её любил, так что жить без неё не мог... следовал он за ней повсюду, куда бы она ни направлялась. По пути не раз замыслил он овладеть ею тайно силою волшебных чар своих... (Увы, Мерлин опрометчиво – по словам Мэлори – дал клятву, что против своей возлюбленной не употребит магии). По пути он показывал ей многие чудеса, и так прибыли они в Корнуэлл. А он все замыслил овладеть её девственностью, и так ей докучал, что она только и мечтала, как бы избавиться от него, ибо **она страшилась его, как сына дьявола**, но отделаться от него не могла никаким способом. И вот однажды стал он ей показывать великое чудо – волшебную пещеру в скале, прикрытую тяжелой каменной плитой. Она же хитро заставила его лечь под тот камень, чтобы могла она убедиться, в чем заключалась

вошебная сила, а сама так наколдовала, что он со всем своим искусством уже не мог никогда поднять каменную плиту и выйти наружу...»⁴⁸⁶

Существует много версий гибели Мерлина, но во всех он становится добровольным или вынужденным пленником женщины на острове ли, в пещере ли, или в хрустальном замке. Эта тема подробно исследована, и вряд ли здесь можно сказать что-то новое.

Трикстер, увы, не всегда выходит победителем из затеянной игры, и может попасть впросак, оказаться жертвой собственной хитрости. И потому многочисленным подражателям славного Мерлина я не рекомендовал бы примерять его одежды и его судьбу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Подведем некоторые промежуточные итоги. Итак, по-видимому, архетип Трикстера находит наиболее полное функциональное выражение в индоевропейском фольклоре – в текстах, относящихся к смене социальных эпох или смене базовых мировоззренческих парадигм.

В большинстве случаев Трикстер, несмотря на его разрушающую роль, в текстах рассматривается как положительный герой. Результат работы Трикстера до момента смены социально-культурной системы несет положительный вектор.

На основе анализа ряда фольклорных и литературных источников выявлены особенности архетипа Трикстера и его функции в евроазиатском фольклоре. Показано, что несмотря на особенности этнических культур для Трикстера наблюдается сохранение общих архетипических черт.

Во втором томе книги мы обратимся к Трикстерам как в народных сказках разных стран, так и в позднем литературном авторском тексте 18-20 веков, рассмотрим идею ученичества у колдуна или дьявола.

Приложение №1

ВВЕДЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНУЮ МИФОЛОГИЮ. ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Субъективизм

Рассматривая вопросы, связанные с Традиционной культурой индоевропейцев⁴⁸⁷

⁴⁸⁶ *Томас Мэлори*. Смерть Артура. Книга I. Часть IV. Глава I.

⁴⁸⁷ Эта культура может быть также названа по большому счёту традиционными политеистическими верованиями и/или языческим мировоззрением. То, что политеизм не исключает понимания Единого (Рудры, Рода-Свентовита) показано нами ранее на примере языческой Традиции древних индийцев и славян:

вообще, и так называемой Северной Традицией – в частности, необходимо помнить, что **господствующий ныне объективный подход в науке не учитывает ряд важных обстоятельств, главное из которых заключается в том, что сам мир культуры и информации субъективен. Таким образом, не последнюю роль в нём играют такие понятия, как вера и доверие, более приличествующие сфере религиозной.**

Безусловно, основной вопрос любого исследования – это правильный выбор критериев истинности, но уже А.Ф. Лосев, предпринявший удачную попытку рассмотрения Традиционного античного мировоззрения в рамках диалектической философии, отмечал: **«Когда наука разрушает миф, то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией».**⁴⁸⁸

«Оценка упорядоченности является актом *личностного* знания, так же, как и оценка вероятности, которая весьма близка к ней. Порядок созданный самими нами для нас очевиден... « – считал М. Полани, один из видных теоретиков психологии научного творчества, хотя тут же писал, что «научная теория, если она соответствует реальности, имеет истинные следствия, глубина коих значительно превосходит то понимание, которое вкладывает в теорию её создатель».⁴⁸⁹

Мышление человека Традиционной культуры обусловлено диалектикой мифа, основано на обожествлении природы и космоса, признании всех вещей во Вселенной живыми, «сущностными» (т.е. личностями). Индоевропейская Традиция населила Мир богами и духами, с которыми, если индивид чего-то желал добиться, следовало бы дружить, ну, в крайнем случае – иметь договор, что является выражением субъективизма.⁴⁹⁰

Подобный принцип субъективности еретичен с позиции ординарной науки, но обычен для Традиционной (политеистической, языческой) культуры, где на самых ранних стадиях её развития **миф был способом влияния индивида и его Традиционного (родового) общества на окружающую действительность, их системным орудием в познании мира.**

Э.Б. Тайлор подчеркивал: «Божественные» аналогии, которые почитаются не больше чем за вымысел, были действительностью в глазах людей прошлого... То, что мы называем поэзией древних, было для них действительной жизнью, а не маскарадом богов и героев».⁴⁹¹

О том же аспекте говорит А.Ф. Лосев: сам по себе «миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел, разумеется, если применить к ней категории науки, она таковым оказывается». Однако миф необходимо рассматривать только с точки зрения самого мифа, т.е. мифологического мировоззрения. «Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже

Гаврилов Д. Род и Свентовит. Имена Единого Бога у древних славян// Вестник Традиционной Культуры: статьи и документы. Вып. №3/ под ред. докт. филос. наук Наговицына А.Е., М., 2005. –192 с., СС.30-33.

⁴⁸⁸ Диалектика мифа/ *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. –М.: Правда, 1990. С.407

⁴⁸⁹ *Полани М.* Личностное знание, –М.: Прогресс, 1985, –344 с.

⁴⁹⁰ Его также следовало бы назвать «магичностью».

⁴⁹¹ *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура, М., 1989.

просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по конкретности, максимально интенсивная и высшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, это наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола. **Миф – это диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще**.⁴⁹²

Насколько же объективно может быть научное исследование Традиции, если ученый не считает за действительность саму Традицию и относится к ней, как мертвому прошлому? Следует особо отметить то обстоятельство, что **мифы долгое время являлись каналом, по которым одно поколение передавало другому накопленный опыт и знания, а вместе с ними менялось и восприятие истины**. Будет уместно обратиться к Г.В.Ф Гегелю, который сказал по поводу истины и достоверности (а это существенно как в плане опыта поколений, так и с точки зрения самого исследователя Традиции): «Мы все хорошо знаем, что люди *достоверно* знали и знают многое, но это ещё не делается истинным. Люди долгое время достоверно знали... что Солнце вращается вокруг Земли... Простой достоверности вечно противостоит истина, и об истине не судят достоверность, непосредственное знание, вера».⁴⁹³

В другом месте Гегель указывает на аксиоматический характер истины: «Истина открывается вначале человеку, как нечто предпосланное, признанное, значимое, т.е. вначале открывается с необходимостью, как авторитет»⁴⁹⁴. Логическая истинность понятий по Гегелю сводится к тождественности, к непротиворечивости, т.е. к возможности «быть». Но именно противоречие, согласно тому же Гегелю – это соединение двух различных определенностей обретает «высокое назначение служить пульсом жизненности, импульсом, движением, беспокойством духовной и природной жизни». Таким образом, истина есть единство непосредственного и опосредованного знания⁴⁹⁵. Гегелевская диалектика вплотную подходит к осознанию целесообразной человеческой деятельности – практики в качестве средства доказательства правильности своих идей. Гегель также считал, что «истина есть форма абсолютно конкретного, полностью и совершенно гармоничного в себе». «Истину составляет не содержание, а соответствие понятию... Содержание без понятия лишено сущности... Так как логика есть наука об абсолютной форме, то это формальное для того, *чтобы быть истинным*, должно иметь в себе самом некоторое содержание, адекватное своей форме...» «Идея есть *адекватное понятие*, объективная истина или истина как таковая. Если что-либо истинно, оно истинно через свою идею или, иначе говоря, *нечто истинно лишь постольку, поскольку оно есть идея*».⁴⁹⁶ Наконец, «*истина –*

⁴⁹² Диалектика мифа/ Лосев А.Ф. Из ранних произведений. –М.: Правда, 1990. СС. 393-599.

⁴⁹³ Гегель Г.В.Ф. Философия религии, тт.1-2, пер. М.И. Левиной. –М.: АН СССР Институт философии, Издательство Соц.-Эконом. Лит. «Мысль», 1976, Т.2, С.357.

⁴⁹⁴ там же, Т.2, С.316.

⁴⁹⁵ там же, Т.1, С.250.

⁴⁹⁶ Гегель Г.В.Ф. Наука Логики, т. VI, пер. Б.Г.Стоппнера, –М.: АН СССР Институт философии, Гос.Соц.-Эконом.Издат, 1939. С.24, С.215. См. также. Гегель

это такая сила, которая наличествует и в ложном, и требуется только правильное внимание и пристальное взглядывание, чтобы истинное было найдено или, вернее, увидено и в самом ложном...».⁴⁹⁷

В контексте идей Гегеля видно, что сама Традиция и любое её исследование могут восприниматься истиной только изнутри самих себя, то же самое следует сказать и о научной картине мира, как целостной картине, связанной с определенным типом мировоззрения и идеей. Любые попытки изучать языческую Традицию, различные мифологические системы и вообще мифологическое мышление находясь вовне, не следуя их логике и символически, – представляется мне некорректными. В данном случае, когда говорят о научной и мифологической картине мира, уместно сравнение с эмоциональным и когнитивным мышлением, которые хоть и связаны между собой, но представляют разные стороны человеческой психики.

Под терминами «языческая Традиция», «политеистическая традиционная культура» зачастую скрывается высокоразвитая философско-этическая система⁴⁹⁸, направленная на развитие члена рода, приобретение им необходимых способностей. Традиция начиная с младенчества, с колыбельной матери и сказки бабушки, детской игры – закладывала принципы физического и нравственного здоровья в представителя рода; обеспечивала его умение жить в гармонии с законами социума, природы, мироздания.

2. Инициационность

Большинство священных текстов языческой эпохи, сохранившихся до нашего времени, представляют собой своеобразные методические указания по инициации – вхождению человека в природу, род, народ, социум, как например, «Бхагават Гита» – самый первый и наиболее удачный учебник по йоге в форме разговора между Кришной-колесничим – духовным учителем и Арджунной – учеником.

К той же категории инициационных источников можно отнести песни «Старшей Эдды», записанные в XII веке. В работе Мэнли П. Холла⁴⁹⁹ предлагается реконструкция мистерий Одина, в ходе которых посвящаемый последовательно проходил девять пещер, отвечая высшим жрецам и, спрашивая их, подобно тому, как Гюльви (через Одина-Ганглери) из «Видения Гюльви» общается с тройкой – Высокий, Равновысокий и Третий. Очевидно, что тройка эта – воплощение самого Одина, Великого Водчего, (или жрецы, посвященные, что играют роль богов). Тексты Эдды содержали при этом как набор вопросов, так и набор ответов на эти вопросы. Отдельные аспекты инициаций на примере текстов «Песни о Риге»,

Г.В.Ф., Наука Логика, –СПб.: Наука, 1997, –800 с.

⁴⁹⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия религии... т.2., С.437.

⁴⁹⁸ Гаврилов Д., Наговицын А. Боги славян. Язычество. Традиция. –М.: Рефл-Бук, 2002. – 464 с.

⁴⁹⁹ Мэнли П. Холл. Языческие учения кельтов и скандинавов с точки зрения современного масонства// Мифы и магия индоевропейцев, N1. –М.: Менеджер, 1995.

«Речей Высокого», «Речей Вафтруднира» рассмотрены нами ранее⁵⁰⁰.

Инициационные техники являлись необходимой составляющей развития личности ребенка, отрока и юноши в Традиционных социальных структурах. Изначально передаваемы устно, а затем отраженные в мифологических текстах, инициации связаны с изменением психического состояния человека. Эффект смещения сознания при этом трактовался, как вхождение в Иную реальность, путешествие в Иной мир.

На Калиновом мосту, в избе бабы-яги, перед очами Вяя, на Перекрестке Миров, в туманной долине запредельного мира, на пороге Иного встречаются старый и молодой; молодому предстоит доказать старому, что он готов к чему-то. К чему именно он готов – один из кардинальных вопросов Традиции, так как связан с ведущей деятельностью человека в социуме.

Под психическим изменением состояния человека в мифологических техниках здесь понимается восприятие мира через призму конкретных идеологических детерминант (типологических образов, Юнговских архетипов). Идею о «инициационности» языческой Традиции подтверждают отечественные исследования⁵⁰¹. Этот важный аспект Традиционной культуры прежде оставался без внимания. **Таким образом, Традиция инициационна.**

3. Архетипичность

Архетипами К.Г. Юнг называл некие врожденные психические структуры, порождающие общезначимую символику сновидений, мифов, сказок и других созданий фантазии⁵⁰². Это сложные состояния сознания, передаваемые по наследству и воспроизводящие глубинные мифологические символы, самые важные из которых – по Юнгу: Тень, Анима, Анимус, Мать, Ребенок, Старик... Как один из основателей аналитической психологии, Юнг верил, что так же, как гены определяют наше физиологическое развитие, так и его архетипы определяют характер нашего психологического развития. Самая распространенная формулировка определения: архетип – форма без собственного содержания, определяющая и канализирующая психический материал. Юнг сравнивает архетип с пересохшим руслом реки, которая определяет направление психического потока,

⁵⁰⁰ Д. Гаврилов. Хеймдалль. Белбог против Чернобога// «Мифы и магия индоевропейцев», альм. вып. 9, Киев: «София», 2000. СС. 40-49; Д. Гаврилов. Белбог против Чернобога. Один против Одина// Мифы и магия индоевропейцев, альм. вып. 10, –М.: «София», 2002. СС. 23-35.

⁵⁰¹ Громов Д. Возрастные инициации: пути историко-психологической реконструкции (по фольклорным и историческим источникам)// Тезисы докладов. Международная конференция «История и филология»: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. СС. 100-103; В. Г. Балушок. Инициации древних славян//Этнографическое обозрение. 1993. № 4; Платов А. Путь и три ступени посвящения в северо-западной традиции// Мифы и магия индоевропейцев, №8. –М.: «Менеджер», 1998.

⁵⁰² Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // К.Г. Юнг Архетип и символ. – М., 1991.

но сам характер течения зависит только от самого потока.

Архетипы – содержания коллективного бессознательного. Они сами по себе бессознательны, но могут представлены в сознании в виде архетипических образов. причём, каждый архетип может представиться в сознании в совершенно разных образах, в частности, это зависит и от культуры, к которой принадлежит человек и от его личных представлений об окружающем мире. Речь у нас идет о Традиционной культуре, и потому вряд ли у её носителя, язычника, образ Великой Матери может выразиться через образ Пречистой девы Марии, или ведьмы (в христианском понимании этого слова). Но вот посредством образа Бабы-яги, и через образ двуликой богини Кали, которая является и богиней рождения, и богиней смерти – Ужасной Матерью – вполне и даже закономерно – этот архетип найдет себе дорогу в языческом сознании.

Среди «языческих» архетипов ранее я рассмотрел так называемых Черного⁵⁰³ и Белого Богов⁵⁰⁴, Темного и Светлого начал⁵⁰⁵, предполагая в их бинарной оппозиции начала диалектики в Традиции. Особое место мы также уделили в прежних исследованиях Великой Матери.⁵⁰⁶ Почему? Как отмечал ещё сам Юнг⁵⁰⁷: «понятие Великой Матери принадлежит к области сравнительной религии и охватывает множество разнообразных типов богини-матери. Само по себе оно не имеет прямого отношения к психологии, потому что в этой форме образ Великой Матери редко встречается на практике, да и то при специфических обстоятельствах.»

Я полагаю, что восстановление родовой Традиции и есть те самые особые обстоятельства, к которым человеку Традиционной культуры стоит подойти со всей ответственностью. Их игнорирование привело к немалым бедствиям для современной цивилизации людей. Не нами замечено, впрочем – теория архетипов Юнга содержит гипотезу о том, что влияние, оказываемое матерью на своих детей, не обязательно исходит от самой матери как реальной личности со своими особенностями характера. Существуют и такие качества, воплощенные в конкретной матери, которые в действительности вытекают из архетипической

⁵⁰³ *Гаврилов Д.* Мифологический образ Тёмного Бога в языческой Традиции индоевропейцев// Вестник Традиционной Культуры. Вып.№2/ под ред. докт. филос. наук Наговицына А.Е., М., 2004. –176 с., СС. 53-84.

⁵⁰⁴ *Д. Гаврилов.* Аполлон Гиперборейский, Свентовит Арконский и другие белые боги индоевропейцев//журнал «Мир истории», № 6, М., 2001. СС. 18-23; Свентовит – белый бог славян/ *Д.А. Гаврилов, А.Е. Наговицын.* Боги славян. Язычество. Традиция. М., «Рефл-Бук», 2002. – 454 с.

⁵⁰⁵ *А.Е. Наговицын, Д.А. Гаврилов.* Развитие принципа бинарных оппозиций в мифологических системах раннего государства / в кн. *Наговицын А.Е.* Древние цивилизации: общая теория мифа. –М.: Академический проект, 2005. – 656 с. СС.557-644.

⁵⁰⁶ *А.Е. Наговицын, Д.А. Гаврилов.* Родоплеменное общество и раннегосударственный период / в кн. *Наговицын А.Е.* Древние цивилизации: общая теория мифа. –М.: Академический проект, 2005. – 656 с. СС.248-556.

⁵⁰⁷ *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. Пер. с англ. – М.- К.: ЗАО «Совершенство» – «Port-Royal», 1997. С. 211-217.

структуры, статуирующей любую мать, качества, которые с неизбежностью проектируются на неё ребенком, т.е. родом – на свою прародительницу.

4. Недостаточность определения язычества и Традиции как политеизма

Указав на значение для развития человечества так называемой Традиционной культуры или же язычества, следует рассмотреть некоторые уже имеющиеся определения этого явления в современной энциклопедической литературе. Так в Большой Советской Энциклопедии язычество некогда было определено как традиционная, изначально народная вера:

«Язычество (от церк.-слав. языцы – народы, иноземцы), обозначение нехристианских, в широком смысле политеистических религий в литературе христианских народов. Боги язычества олицетворяли стихии природы: древнегреческий Зевс, индийский Индра, кельтский Таранас, скандинавский Тор, балтийский Перкунас, славянский Перун – громовержцы; древнегреческий Гелиос, египетский Ра, славянский Дажбог – боги солнца, его света; древнегреческий Посейдон, индийский Варуна – боги вод и т. п. Наряду с ними почитались низшие демоны, духи лесов, источников – нимфы, дриады, леший, водяной и т. п. Суть языческих культов – магическое воздействие на природу. Циклы постоянного возрождения природы, биологической и хозяйственной жизни коллектива (рода, общины) в представлении язычников были взаимосвязаны. Поэтому «календарные» сельско-хозяйственные праздники включали также «семейные» торжества – свадебные обряды, пиршества и т. п. ... Язычество было вытеснено официальной религией в область народной культуры: соблюдение христианской обрядности (церковные службы, посты и т. п.) сочеталось с обычным отправлением аграрных культов, участием в пирах и играх, с которыми боролись средневековые церковники, объявлявшие также языческими и различные формы искусства и народного творчества. С другой стороны, церковь включила в число христианских главные языческие праздники, чтобы подчинить своему влиянию общинные культы (например, Масленица). Сложившееся таким образом «двоеверие» сохранилось до начала XX века».

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в некогда главной энциклопедии страны признано, что язычество противостоит официальной религии (по крайней мере, в России) и отождествлено с народной культурой.

Но, как можно видеть из этого определения, оно не дает полного объяснения явлению язычества, не раскрывает сути этого этапа общественного развития, через которое прошли все народы мира. Перечисление в качестве основных признаков традиционной культуры – наличия системы политеизма и связи языческих богов с явлениями природы – далеко не так верно, как может показаться.

В священных текстах того же иудаизма мы без труда обнаружим политеистические тенденции, но от этого иудаизм не становится тем, что здесь подразумевается под Традиционной (языческой) культурой, и уж тем более – «Северной Традицией»:

«Ныне я узнал что Господь велик паче всех богов» (Исход 18,11)

«Нет между богами как Ты, Господи, и нет дел как Твои» (Псалом 85,8)

«Ибо Господь есть Бог великий и царь великий над всеми богами» (Псалом

94,3)

*«Ибо ты, Господь, высок над всею землёю, превознесён над всеми богами»
(Псалом 95,4)*

«Славлю Бога богов» (Псалом 135,2)

«Славлю Тебя всем сердцем моим. Пред богами пою Тебе» (Псалом 137,1)

В этой связи отметим, что политеистичность не является достаточным признаком, для отнесения к Традиционной культуре той или иной веры.

5. Мифологизм мышления

В принципе традиционное мифологическое мировоззрение является предшествующей, гораздо более тонкой, чем религиозное, изначальной формой общественного сознания.

В подходе к методологии исследования Традиционной культуры нами выявлены три основных типа мышления: мифологическое, религиозное и научное мышление. Следует отметить тот факт, что в чистом виде ни один из этих типов в современном обществе не присутствует. В каждом социальном образовании может идти речь о преобладании того или иного типа мышления. В историческом плане можно условно принять, что в древнем мире, мире Традиционной культуры (до появления основных мировых религий, в первую очередь христианства) преобладал мифологический тип мышления.

Он давал непосредственное кодирование информации через принятую знаковую традицию в данном социальном образовании. Кодирование было обусловлено древнейшими космогоническими и мифологическими представлениями человека и строилось на методе аналогии – соотнесении подобных или «псевдоподобных» предметов, объектов или явлений. Основой такого соотнесения до сих пор является представление древнейшей космогонии об общей взаимосвязи всего в мире.

На определенной стадии исторического и социального развития более или менее развитая мифологическая система существовала практически у всех известных науке Традиционных культур, о чем свидетельствует наличие так называемых «бродячих» и «архитипичных» тем и сюжетов. Отметим, что в какой-то мере традиционное мировоззрение имеет наднациональный характер, так как законы развития психики и социальных систем применимы ко всему человечеству.

До наших дней, к счастью, сохранилось некоторое количество первоисточников, из которых должно черпать сведения о действительном положении вещей в Традиционной культуре, такие как «Ригведа», «Авеста», Орфические и Гомеровские гимны, песни «Старшей Эдды», «Слово о полку Игореве» и другие.

При изучении Традиционной культуры по указанным источникам нами выявлен следующий важный аспект – **в мире, где преобладает мифологическое мышление, в отличие от религиозного типа в рамках одной религии, образ мира не является чем-то незыблемым и неизменным. В зависимости от социальной структуры, детерминирующей социальной системы образ мира может постоянно изменяться. Он зависит от основной ведущей деятельности в обществе. Это же подтверждает жизнеспособность и практичность Традиции.**

Так, например, в обществе, где преобладает охота и собирательство, а также

первые социальные отношения, происходит «означиваемость» мира, его попредметное называние. Процесс этот происходит одновременно с развитием мышления и языка, согласно Л. С. Выготскому. Называние и адаптация под деятельность все новых предметов и объектов аналогична присвоению этих предметов, которая аналогична акту «сотворения» этих вещей. Происходит одновременный акт сотворения знака, например имени и, как бы сотворение самой вещи.

Поэтому становится понятным, что в противоположность большинству существующих концепций о происхождении мифологии и мировоззрения народов, у которых появление мифологических систем связывается с обозначением и обожествлением сил природы, происходящем параллельно с их персонификацией, первые мифологические и мировоззренческие конструкты связывались с актами творения и сотворения. Человек как бы становился сотворителем предметного мира совместно с богом. В силу этого можно говорить о монизме первоначального мифологического мышления. Подобное развитие общества находит отражение в возрастной психологии, когда ребёнок осваивает предмет в соответствии с общественной логикой предмета, или, используя природные объекты, осваивает и присваивает как их самих, так и их функции.

Подобное традиционное воззрение, связанное с первичным освоением «враждебного» чужого пространства и присущих ему предметов с их символизацией является только первым этапом появления традиционных космогонических и религиозных воззрений. Присвоение, связанное с означиваемостью, происходит на нескольких уровнях. В первую очередь это фонетическое означивание – называние, дача имени, означиваемость, связанная с присвоением и освоением предмета или объекта. Даже по тексту Библии Бог, делая Адама царем над живой природой, предлагает ему дать всему живому имена и слушает его, так как данным актом Адам утверждает свое господство над миром⁵⁰⁸. Оно может иметь и графическое выражение, которое вначале происходит через рисунок, на который также воздействуют. Например, рисунки времен неолита в пещерах Франции носят следы такого магического воздействия, связанного с освоением и присвоением. Далее при «типизации» изображений происходит их символизация, понятная всем входящим в данное социальное образование, она происходит по принципу «выделения» основных качеств, которые в присвоенном предмете или объекте могут уже выделяться как отдельные самоценности. Так рога быка или их изображение могут быть символом силы и плодородия, а волнообразная линия становится изображением воды.

Тот, кто изобретал и наносил знаки, тот, кто давал имена и имел право это делать на ранних этапах развития человечества обладал несравненно более объемным практическим опытом в той или иной социальной группе.

В связи с вышеизложенным, кратко остановимся на этапах развития общества, потому, что само развитие Традиции и мифологических систем, как говорилось выше, связано с этими этапами.

Анализируя исторические этапы развития общества Богданов А. А. отмечал ещё в 1904 году: «При всей своей неподвижности первобытный мир обладает

⁵⁰⁸ Бытие, 2, 19-20.

своими собственными силами развития. Это, конечно, стихийные биологические силы: размножение, перенаселение, голод... Они вынуждают развитие, и оно совершается – в долгом ряду тысячелетий, с такой медлительностью, которая недоступна нашему воображению.

Сначала это развитие имеет чисто количественный характер: поле опыта расширяется, сумма переживаний возрастает, – но «общество» остается комплексом однородных единиц, «человек» – существом цельным и стереотипным.

Это продолжается до известного предела, за которым изменения становятся качественными.

Сумма коллективного опыта возрастает до таких размеров, что отдельный человек овладевает ею только в поздних стадиях своей жизни, да и то не каждый в полной мере. Так выделяется старший в роде, как носитель всего опыта группы, в протиположность остальным её членам, располагающим лишь неполным опытом⁵⁰⁹.

В дальнейшем меняется социальная структура общества, и происходит его централизация. Это объективно связано с освоением территорий и распределением «зон влияний» между различными племенными группами. Происходит переход от основной деятельности, связанной с охотой и собирательством – или к культурному скотоводству, или к земледелию, или чаще всего к смешанному типу этих двух видов деятельности. При этом скотоводческие общества, в силу своей мобильности и большей зависимости от погодных условий (засуха являлась важнейшей причиной целого ряда переселений народов) часто вступают в конфликт с земледельческими обществами, происходит эффект «присвоения» целых социальных структур с их мировоззрением и космогонией.

Параллельно внутри как охотничьих групп, так и сообществ скотоводов и земледельцев, развивается класс организаторов социально-культурной жизни – вождей и жрецов, их функции выполняют уже не просто старейшины, а именно лидеры, обладающие особыми навыками.

Богданов А. А. отмечал: «первоначальная однородность отношений внутри общественной группы шаг за шагом исчезает. Один, опираясь на свой накопленный опыт начинает указывать, остальные – следовать указаниям. Это различие в дальнейшем возрастает, потому что неоднородность жизненной роли людей сама обуславливает неоднородность последующего развития.

Чтобы в пределах своей психики охватить наибольшую сумму опыта, тот, кто указывает другим, все в большей мере суживает свою «физическую» активность: он реже и реже действует лично, чаще и чаще – через других; он превращается в распорядителя по преимуществу, в организатора групповой жизни. Остальные, напротив, сохраняют все меньше личной инициативы, привыкают подчиняться, становятся постоянными исполнителями чужих приказаний...

Так совершилось первое дробление человека – отделение «головы» от «рук», повелевающего от повинующегося, так возникла авторитарная форма жизни. В дальнейшей истории человечества она, развиваясь и усложняясь и разрушаясь, выступает в бесчисленных вариациях; до сих пор это – основное и главное

⁵⁰⁹ Новый мир: Собрание человека/ Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. –М.: Политиздат, 1990. – 479 с.

разделение общества. В виде мягкого матриархата и сурового патриархата, в виде облеченной силою оружия власти феодальной, в виде чуждой всех формальностей системы рабства и полной холодного формализма системы наемного труда... – во всех этих изменяющихся формах авторитарное дробление человека сохраняет одну и ту же основу: отчетливо или смутно опыт одного человека признается принципиально неравным опыту другого человека, зависимость человека от человека становится односторонней, воля активная отделяется от воли пассивной...»⁵¹⁰

Итак, формируются государственные образования с царской властью во главе государства. Происходит объединение мелких родовых поселений вначале в селения городского типа, а в некоторых случаях создаются древние империи типа империй Древнего Египта, Вавилонской империи, Ассирии, Хеттской империи, империи инков и т.д.

Меняется и образ мира в Традиционной культуре, а значит, эволюционирует восприятие роли бога, культурного героя и харизматического лидера в общественном сознании.

«Дробление человека вызывает дробление мира. Дело начинается с того, что мышление людей перестает быть «сплошным», что один человек в их сознании отделяется от другого как особый, своеобразный мир опыта... Далее авторитарное дробление распространяется (человеком) на всю природу... Первобытному мышлению мир представлялся как хаос действий, потому что именно в форме действий являлась человеку его собственная борьба за жизнь. При этом «действие» выступало в сознании как единый и цельный жизненный акт среди других таких актов. Теперь же «действие» дробится на опыте, разлагается на два отдельных момента, – на активно-организаторскую волю и пассивное её выполнение. И вся природа, как мир действий, становится такой же двойственной: во всяком явлении принимается активная воля как определяющее; и пассивная сила как определяемое: это «дух» и «тело». Сам человек – явление в ряду явлений – подвергается такому раздвоению наряду со всем остальным: он приобретает «душу», как приобретают её в то же время камни, растения, животные, светила. Развивается анимизм, как всеобщая форма мышления... Этот дуализм именно там и тогда возникает в сознании людей, где и когда в общественной жизни уже существует авторитарное дробление. И дальше, по мере того, как авторитарное дробление развивается, усложняется, меняет свои формы, то же самое происходит с авторитарным дуализмом мышления, – писал А.Богданов. – Когда сознание группирует обширные ряды явлений в сложные единства, то за каждым таким рядом выступает организующая его высшая сила, и божества политеизма занимают свои почетные места в человеческом мышлении... Вместе с авторитарным дуализмом возникло то, что мы называем «познанием»: различая в явлениях активное и пассивное начало, человек тем самым уже «объясняет» через первое проявление второго».

Мифологическое мировоззрение, по нашему мнению, было древнейшей формой познания мира, космоса, общества и человека. Таким образом, миф по необходимости возник из потребности индивида, его семьи, рода и социума в целом, в осознании окружающей природной и социальной стихии, сущности

⁵¹⁰ Новый мир: Собрание человека/ *Богданов А.А.* Вопросы социализма ...

человека и передачи их единства через различные символические системы.

В мифологических системах человек и социум, как правило, не выделяют себя из окружающего мира. Космос, природа, общество и человек – различные проявления одного и того же божественного закона, передаваемого через символическую или символично-мифологическую системы. Природа, общество и человек слиты в единое целое, неразрывное и единое, однако сами они внутри неоднородны и уже авторитарны, авторитаризм общества перенесен, как отметил Богданов на всю природу.

Как правило, в раннем мифе, до его полной литературной обработки (Овидий «Метаморфозы», Апулей «Золотой осел», отчасти Гомер «Илиада» и «Одиссея» в их классическом виде и т.д.), нет абстрактных в современном понимании, понятий. В мифе все выражено конкретно, персонифицировано, одушевлено. При этом парадоксально, что одновременно с этим мифологическое сознание мыслит символами: каждый образ, бог, культурный герой, действующее лицо обозначает стоящее за ним явление или понятие. Это возможно потому, что в мифологическом мировоззрении существует постоянная и неразрывная связь между «однотипными» явлениями и объектами в социуме, личности, природе и космосе. Собственно, эти понятия в мифологическом мировоззрении, строго говоря, не однотипны, а одни и те же. Ярче всего данный принцип сформулирован в «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста: «как вверх, так и вниз».

Важнейшим аспектом Традиционной культуры и мифологического мировоззрения является и то, что мифы изначально живут в своем, особенном времени – времени «первоначала», «первотворения», к которому неприменимы линейные представления о течении времени. Подобное отношение к времени хорошо прослеживается в народных, в частности русских сказках, где время действия определяется как «давным-давно», «в стародавние времена» и т.д.

Кроме того, миф, особенно на начальных стадиях своего развития (в долитературном виде), мыслит образами, живет эмоциями, ему чужды доводы современной формальной логики. При этом он объясняет мир, исходя из ежедневной практики. Данный парадокс объясним, по нашему мнению, тем, что социум, где преобладает мифологическое мировоззрение, напрямую соотносит особенности своего восприятия мира с реальным миром, индивидуальные психические процессы с природными и социальными явлениями, зачастую не делая различия между причиной и следствием, а часто меняя их местами.

При этом является ошибочным распространенное мнение, что на ранних стадиях социального развития общество руководствовалось верой, а не ежедневной практической деятельностью и её результатами. Сама вера проистекала из связи результатов практической деятельности и деятельности психической, а также связи природных космических и социальных явлений. Одним из древнейших подтверждений данного постулата является наличие того же земледельческого календаря, практически у всех народов мира.

6. Эвгемеризм

Поставив изначально вопрос о различии между научным и мифологическим мировоззрениями, между религией и Традицией обратим внимание ещё на один существенный аспект, который во многом является основополагающим при

рассмотрении той или иной религиозной системы. Речь идет о соотношении человека и бога в религии – с одной стороны, и Традиционной культуре – с другой.

По Традиционному мифологическому мировоззрению, в отличие от того же христианства, её последователь способен подняться до уровня бога, а значит для человека, рода и социума миф о странствиях и подвигах культурного героя, в юольшинстве случаев, читай «бога», был практически полезен и являлся руководством к действию.

Традиционная культура эвгемеристична, что показывает направленность Традиционной культуры на развитие индивида. Эвгемеризмом я называю здесь Традиционное философское учение, объясняющее происхождение богов посмертным или прижизненным обожествлением знаменитых или наделенных властью людей, культурных героев. Эвгемер дает свое объяснение происхождению религии: боги – это некогда существовавшие выдающиеся люди, члены людского рода, строители общественной жизни, объявившие себя богами и учредившие свой культ.

Эвгемер был одним из первых, кто начал задумываться о корнях мифа, как операционной среды язычества. Уже вслед за ним изучением мифов в разные периоды времени занимались: Шеллинг, Мюллер, Афанасьев, Фрейзер, Фрейд, Юнг, Лосев, Топоров, Мелетинский и другие.

Итак, в язычестве, в Традиции нынешние боги – это в ряде случаев вчерашние культурные герои, опередившие свое время и достигшие того, чего не сумели современники, в том числе и на уровне сознания. Последнее отличает в основном индуистскую ветвь Традиции.

Имена богов – это историческая память о носителях тех идей, что некогда волновали человечество и продолжают это делать поныне.

Вот лишь некоторые из смертных, ставших по преданию богами или достигших уровня просветления, что ставит их в ранг богов: Геракл, Диоскуры, Таргитай, Будда, Гермес Трижды Великий, Асклепий, Один, Фрейр, Ньерд, Фрейя... В данном случае для нас важен сам факт, что по Традиционным верованиям древних народов, человек принципиально может достичь уровня бога, через ежедневную практику жизни, героические поступки или внутреннее просветление.

Например, культурный герой – Один, будущий верховный бог пантеона древних германцев – Один. В первом веке до. н.э., согласно «Младшей Эдде» и «Кругу Земному» Снорри Стурлусона, привел роды асов в Скандинавию с далекого юга, из «страны турок. За это и прочие достижения он был обожествлен.

«Один был великий воин, и много странствовал, и завладел многими державами. Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним. Посылая своих людей в битву или с другими поручениями, он обычно сперва возлагал руки им на голову и давал им благословение. Люди верили, что тогда успех будет им обеспечен. Когда его люди оказывались в беде на море или на суше, они призывали его, и считалось, что это им помогало. Он считался самой надежной опорой»⁵¹¹.

⁵¹¹ Снорри Стурлусон. Круг Земной/ перевод, статьи, примечания: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. –М.: «Наука»,

Римские Фортуна и Меркурий, они же — Фригг и Один у германцев

«Он славился своею мудростью и всеми совершенствами. Жену его звали Фригида, а мы зовем её Фригг. Одину и жене его было пророчество, и оно открыло ему, что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имен всех конунгов. Поэтому он вознамерился отправиться в путь, оставив Страну Турков. Он взял с собою множество людей, молодых и старых, мужчин и женщин, и много драгоценных вещей. И по какой бы стране ни лежал их путь, всюду их всячески прославляли и принимали скорее за богов, чем за людей»⁵¹².

В целом ряде случаев эвгемерическая традиция является определяющей и у германцев, и у славян, и у греков, и у кельтов. Приведем ещё несколько характерных выдержек из таких текстов.

«IX. Один умер от болезни в Швеции. Когда он был при смерти, он велел пометить себя острием копья и присвоил себе всех умерших от оружия. Он сказал, что отправляется в Жилище Богов и будет там принимать своих друзей. Шведы решили, что он вернулся в древний Асгард и будет жить там вечно. В Одина снова стали верить и к нему обращаться...и т.д. Ньёрд из Ноатуна стал тогда правителем шведов и совершал жертвоприношения. Шведы называли его своим владыкой. Он брал с них дань. В его дни царил мир, и был урожай во всем, и шведы стали верить, что Ньёрд дарует людям урожайные годы и богатство. В его дни умерло большинство диев. Все они были сожжены, а потом им приносили жертвы. Ньёрд умер от болезни. Он тоже велел посвятить себя Одину, когда умирал. Шведы сожгли его и очень плакали на его могиле. X. Фрейр стал

1980.

⁵¹² Младшая Эдда/ в пер. О. А. Смирницкой, под ред. М. И. Стеблин-Каменского. —М.: НИЦ Ладомир, 1994, —256 с.

правителем после Ньёрда. Его называли владыкой шведов, и он брал с них дань. При нем были такие же урожайные годы, как и при его отце, и его так же любили. Фрейр воздвиг в Уппсале большое капище, и там была его столица. Туда шла дань со всех его земель, и там было все его богатство... Его почитали больше, чем других богов, потому что при нем народ стал богаче, чем был раньше, благодаря миру и урожайным годам...»⁵¹³.

Хорошо известны случаи, когда Традиция именует людей прямыми потомками богов. Так славяне – «внуки Даждьбожи» согласно «Слову о Полку Игореве».

Бога «Фрейра звали также Ингви. Имя Ингви долго считалось в его роде почетным званием, и его родичи стали потом называться Инглингами»⁵¹⁴.

В средневековых древнеславянских текстах находим такие строки:

*«в прельсть великоу не видят мняще богы многы пероуна и хорса дья и трояна и инѣи мнози ибо яко то человецы были суть старейишны пероунъ в елинахъ, а хорсь въ Кипре, Троянь бяше царь в риме».*⁵¹⁵ Или:

*«О Ермии. По смерти же Дыеве сына Кронова царствова в Италии сын его Ермии лет 45. Бе же муж хитр и умоучен, иже изобрете руду златую перве и ковати злато. И разуме яко завилят ему братия его, иже от многих суть жен, яже имя Пик отец его и хотят и убити, бе бо их боле 70, многих бо жен примеси ся Пик отец его, а Ермеи бе ему от первья жены. Ермеи же разуме нянь творяшуща братию отиде взем злата многа и иде в Египет к колену Хамову. И прияша и с честью. И живяше ту в великой чести, ризу же нося злату, волховаше, поведаше им хотящее быти, бе же хитр беседам, муж дивен и мудр и тривелик нарицаем Египтяны, иже сказа три великы силы суша, сказает бо в различных своих словесех еже к Асклипию о божестве сице».*⁵¹⁶

*«Ермий от древних царей по разделении язык во скоре бысть, прежде Авраама великаго. Сей повеле во своем царствии мужу едину жену держать, и добродетели его ради спадоша ему железная клещи с небесе. Ими же коваши орудия на противники».*⁵¹⁷

В Ипатьевской летописи⁵¹⁸ 1425 года (под 1114 г) в подтверждении нашим словам тоже находим замечательный отрывок о деятельности царя Сварога и начале железного века (в противоположность веку золота): *«А в Африки трие камени спадоша превелици и бы по потопе и по разделены языкъ. поча*

⁵¹³ Снорри Стурлусон. Круг Земной...

⁵¹⁴ Снорри Стурлусон. Круг Земной...

⁵¹⁵ из поучения против язычества «Слово и откровение святых апостолов», см. Гальковский Н. М., Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т.2 – Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе, М., 1913.

⁵¹⁶ Из «Креховской Палеи»// Труды отделения древнерусской литературы Института русской литературы. Т.65. пер.И.Франко. Л., 1985.

⁵¹⁷ Слово «О елинских мудрецах» // Труды отделения древнерусской литературы Института русской литературы. Т.67. Л., 1985.

⁵¹⁸ Ипатьевская летопись, Полное собрание Русских летописей, том. 2., –М.: Языки Русской Культуры, 1998, – 648 с.

црствовать первое Местромъ. от рода е Хамова. по немъ Еремия. по немъ Феоста иже. и Соварога. нарекоша Егуптяне црствующю. сему Феосте въ Египте въ время црства его. спадоша клещъ съ небесе нача ковати оружье прежде бо того палицами и камениемъ бяхуся...

...и по семь црствова сынъ его именемъ Снце егоже наричють Дажьбъ. семь тысящъ и у семьдесятъ днии яко быти летома. двемадесатьма ти по луне видяху бо Егуптяне. инии чисти ови по луне чтяху. а друзии. днии лът чтяху. двою бо на десять мсцю число потомъ оуведаша. отнележе. начаша члвци дань давати црмъ Снце црь снь Свароговъ. еже есть Дажьбъ бе бо мужь силенью...»

Традиционный культурный герой, затем бог, в одном случае Еремий (т.е. Гермес), в другом – Сварог установил некий закон о порядке замужества и женитьбы, а также практически научил людей ремеслам. Дажьбог же ввел новую календарную систему.

Эвгемерическая традиция прослеживается и у кельтов:

*«Некогда правил Ирландией славный король из рода Племен Богини по имени Эохайд Оллатар. А ещё звался он Дагда, ибо умел творить чудеса и был властен над стихиями и оружьем людей. Говорили, что оттого-то и прозван он Дагда».*⁵¹⁹

Или вспомнить эпизод о приходе и испытании вождя Луга, искусного во многих ремеслах⁵²⁰.

«И случилось Племенам Богини заключить мир с фоморами, и Балор, внук Нета, отдал свою дочь Этне Киану, сыну Диан Кехта. Чудесным ребенком разрешилась она, и был это сам Луг»...

Будущий бог Луг опять-таки описан, как вполне реальный герой, который, правда, хранит в себе знания целого народа. Отвечая на вопросы у врат Тары – цитадели божественного Нуаду, а по сути, проходит самую настоящую инициацию, как отмечалось выше. При этом Самилданах позиционирует себя, как плотник, кузнец, герой, арфист, воитель, «филид и сведущий в делах старины», чародей, врачеватель, кравчий, медик.

Каждый раз, когда Луг называет свое умение, привратник отказывается его пропустить, мотивируя, что в священном городе уже есть кто-то, обладающий похожим даром или ремеслом.

«И тогда снова заговорил Луг:

– Спроси короля, – сказал он, – есть ли при нем человек, что искусен во всех тех ремеслах. Если найдется такой, то покину я Тару.

Когда же рассказали о том Нуаду, то король молвил:

– Пропустите его, ибо до сей поры равный ему не приходил к этой крепости.

Тут пропустил Луга привратник, а тот вошел в крепость и воссел на место мудреца, ибо и вправду был сведущ во всяком искусстве».

Таким образом, можно сказать, что древние народы освоили антиномию Ницше⁵²¹ «культура как дух / культура как жизнь», неосознанно применили её в исторической парадигматике.

⁵¹⁹ Сватовство к Этайн/ «Предания и Мифы средневековой Ирландии», под редакцией Г. К. Косикова. –М.: МГУ, 1991.

⁵²⁰ Кельты. Ирландские сказания. –М.: Арт-Флекс, 2000.

⁵²¹ Ницше Ф. Собр соч. в 2-х тт. М. 1990. СС.892, 833.

В эпосе древних славян, скандинавов и других народов бог, вождь или культурный герой, сам индивид, наконец, член рода, выступает инструментом «делания» Традиционной культуры, её создания и существования, и в то же время её результатом. Он сам себе главный инструмент.

7. Диалектичность, или же Инвариантность

Традиционное языческое мировоззрение играло для наших предков ту же роль, какую для науки являет собой диалектика ныне. Если диалектика выступает по сути, как метод научного познания, язык междисциплинарного общения⁵²², то мифологическое мировоззрение – это такой же язык, система соединяющая знания всего социума воедино, структура, пронизывающая все сферы жизнедеятельности общества древнего мира: «Абсолютная мифология ... понимает все *диалектические категории как магические имена*, ибо раз бытие увенчивается магическим именем, то, значит, оно и есть это магическое имя, а стало быть, в свете этого последнего должны быть мыслимы и все частичные категории. Диалектика, как чистое мышление – не есть мифология. Но такая диалектика неосуществима. Она всегда имеет под собой определенную мифологию, так как самое направление и распределение категорий может варьироваться на тысячу ладов.»⁵²³

Отметим, что, главнейший аспект исследования Традиционной культуры заключается в том, что имена богов (как, впрочем, и иные знаки, например имена героев, мест, рун и т.д.) – это магические операторы или инварианты для перехода из системы мифа одного народа в параллельную.

Разные авторы традиционной культуры, по свидетельству Диогена Лаэртского (2 в. н. э.), сопоставляли греческих и персидских богов: «*Аристотель в первой книге «О философии» считает, что маги древнее, чем египтяне, что они признают два первоначала – доброго демона и злого демона и что первого зовут Зевс и Оромазд, а второго – Аид и Ариман, с этим согласны также Гермипп («О магах»), Евдокс («Объезд Земли») и Феомп («Истории Филиппа»)»⁵²⁴.*

Отец истории Геродот, побывав в Причерноморье, говорит о единых богах, которых эллины называют на греческом, а скифы – на своем родном языке: «*Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего – Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса), после них Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы ещё и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (и, по-моему, совершенно правильно) – Папей, Аполлон –*

⁵²² Гаврилов Д.А., Елкин С.В. Язык диал как средство междисциплинарного общения и интенсификации изобретательской деятельности //Ильенковские чтения. Международная научная конференция 18-20 февраля 1999. Тезисы выступлений. Институт Философии РАН: М. Зеленоград, 1999; Елкин С.В., Гаврилов Д.А., Исчисление смыслов и симметрии в системе универсального языка / Научная сессия МИФИ-98. Сборник научных трудов в 11 частях. Ч5, –М.: МГИФИ, 1998, СС. 31-34.

⁵²³ Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. –М.: Мысль, 1994, С.200.

⁵²⁴ «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. I, 8.

Гойтосир, Афродита Небесная – Аргимпаса, Посейдон – Фагимасад. У скифов не в обычаи воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения»⁵²⁵.

Грек Плутарх⁵²⁶ легко отождествляет богов греческих и египетских, например Гора он именует Аполлоном, Сета – Тифоном, Геба – Кроном, Тота – Гермесом, смешивая божественные имена из разных языков в одном контексте. Плутарху вторит Цицерон, нумеруя греческие и римские инварианты и выстраивая их в историческом развитии. В трактате «О природе богов», он, например, так описывает римского Вулкана⁵²⁷, подразумеваемая греческого Гефеста: *«XXII.(55) И Вулканов тоже много. Первый родился от Неба. От этого Вулкана Минерва родила того Аполлона, которого древние писатели считают поровителем Афин. Второго, рожденного Нилом, египтяне называют Фта (Опас) и считают хранителем Египта...»* Составитель Ипатьевской летописи продолжил традицию, связав Фта со славянским богом Сварогом. А римлянин Страбон, например, описывая Фивы, применяет к египетскому Тоту имя той же магической сути, но греческое, более удобное для понимания современников и сограждан: *«Тамошние жрецы, как говорят, были преимущественно астрономами и философами... Всю мудрость такого рода они возводят преимущественно к Гермесу»⁵²⁸.*

Тождество бога мудрости и магии древних германцев Одина-Вотана-Водена и Гермеса-Меркурия засвидетельствовано двумя первоисточниками, вообще разделенными десятилетиями непрерывающейся традиции. Так в 740-х годах Павел Диакон в «Истории Лангобардов»⁵²⁹ писал: *«Кн. I. 8. Старое предание рассказывает по этому поводу забавную сказку: будто бы вандалы обратились к Годану с просьбой даровать им победу над винилами и он ответил им, что даст победу тем, кого прежде увидит при восходе солнца. После этого, будто бы Гамбара обратилась к Фрее, супруге Годана, и умоляла её о победе для винилов. И Фрея дала совет приказать винильским женщинам распустить волосы по лицу так, чтобы они казались бородой, затем, с утра пораньше, вместе со своими мужьями, выйти на поле сражения и стать там, где Годан мог бы их увидеть, когда он, по обыкновению, смотрит утром в окно. Все так и случилось. Лишь только Годан при восходе солнца увидел их, как спросил: «Кто эти длиннородые?» Тогда Фрея и настояла на том, чтобы он даровал победу тем, кого сам наделил именем. И таким образом Годан даровал победу винилам. Все это, конечно, смешно и ничего не стоит, потому что победа не зависит от человеческой воли, а скорее даруется провидением. 9. И тем не менее верно то, что лангобарды, первоначально называвшиеся винилами, впоследствии получили свое название от длинных бород, не тронутых бритвой. Ведь на их языке слово «lang» означает «длинный», а «bart» – борода». А Годан, которого они, прибавив одну букву, называли Гводаном, это тот самый, кто у римлян зовется Меркурием*

⁵²⁵ Геродот. История. IV, 59.

⁵²⁶ Плутарх. Об Исиде и Осирисе, 12-13.

⁵²⁷ Цицерон. Философские трактаты. –М.: Наука, 1997.

⁵²⁸ Страбон. География. –М.: НИЦ «Ладомир», 1994, см. кн XVII. I. 46.

⁵²⁹ Средневековая латинская литература IV-IX вв. М. 1970

и кому поклонялись как богу все народы Германии, не наших, однако, времен, а гораздо более древних. И не Германии он собственно принадлежит, а Греции».

Норманнский автор Гальфрид Монмутский в «Деянии бриттов» писал: «Мы чтим отчих богов – Сатурна, Юпитера и прочих правящих миром, но в особенности Меркурия, которого на своем языке называем Воденом». Наши предки посвятили ему день четвертый недели, который и посейчас зовем по его имени воденесдей»⁵³⁰. Римлянин Корнелий Тацит за тысячу лет до этого сообщал о материковых германцах: «Из богов они больше всего чтят Меркурия (Вотан) и считают должным приносить ему по известным дням в жертву также людей. Геркулеса и Марса они умилоствуют заклятиями обрекаемых им в жертву животных»⁵³¹. Есть древнеисландский текст Rymbegla, где прямо написано «...Зевс, которого мы зовем Тором, и Меркурий, которого мы называем Одином...» Англо-норманнский хронист Ордерик Виталий в 1068 году пишет о славянах: «Лютичи не знали истинного Бога, но, опутанные сетями невежества, поклонялись Гводену, Туру и Фрее и другим ложным богам или скорее бесам».

Из всего вышеперечисленного следует, что исходная Традиция индоевропейцев не знает никаких национальных богов, есть Единые Мировые Силы, которые каждый народ, вышедший из общей колыбели, в последствии называет на своем языке и дает этой каждой Силе свои эпитеты. Последнее не исключает, впрочем, наличия национальных эвгемерических богов-предков.

Судить о правомочности таких соотнесений дает возможность функциональный анализ. Множество примеров такого функционального анализа даны ранее⁵³².

Таким образом, Традиционная культура, предмет нашего исследования, определена нами как субъективистская, инициационная, эвгемеристичная, архетипичная и инвариантная, исконная и практичная по сей день. При этом традиционная культура преимущественно базируется на мифологической форме мышления.

ЛИТЕРАТУРА И ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Abrahamian L.* Lenin As a Trickster // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 1999. V.38. № 2. P.7-26.
2. *Babcock-Abrahams B.* «A Tolerated Margin of Mess»: The Trickster and His Tales Reconsidered // *Journal of the Folklore Institute*. 1975. V.11. 1. 3. P. 147-186.
3. *Hyde L.* Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art. New York, 1998.
4. *Hynes W.J., Doty W.J.* (eds.). *Mythical Trickster Figures. Contours, Contexts, and Criticism*. Tuscaloosa and London, 1993.

⁵³⁰ «История бриттов», 98, цит. по *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина. –М.: Наука, 1984, СС. 5-137.

⁵³¹ «О происхождении германцев», 9, цит. по *Корнелий Тацит*. Собр. соч. в двух томах. т.1., –Л.: Наука, 1969.

⁵³² *Гаврилов Д., Наговицын А.* Боги славян. Язычество. Традиция. –М.: Рефл-Бук, 2002. – 464 с.

5. *Kotula F.* Znaki przeszlosci. Odchodzace slady zatrzymac w pamieci. Warszawa, 1976.
6. *Magistri Adam Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum.* Ed. B. Schmeidler, 3. Aufl., Hannover, 1917.
7. *Maranda E.K., Maranda P.* Structural Models in Folklore and Transformational Essays. – The Hague, Paris, 1971.
8. *Olearius A.* Offt beehrte Beschreibung der neuen orientalischen Reise... Schlesswig, 1647.
9. *Radin P.* The Trickster: A Study in American Indian Mythology (with commentaries by C.G.Yung and Karl Kerqny). London, 1956.
10. *Samuels A.* A Critical Dictionary of Jungian Analysis, London, 1968.
11. *Stewart, R.J. & Matthews, John* (ed.s). Merlin through the Ages: A Chronolpical Anthology and Source Book. London, 1995.
12. Анекдоты о хожде Насреддине. –М.: Издательство восточной литературы, 1957.
13. Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. –М.: Наука. 1996.
14. *Алексеев М.П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. М., 1984.
15. Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д.Григорьевым. В 3-х т.т. Том 1 –СПб.: Тропа Троянова, 2002.
16. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1-3. –М.: Ладомир, 1994.
17. *Богданов А.А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. –М.: Политиздат, 1990.
18. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах, –М.: Художественная литература, 1975.
19. *Белкин И.* Как выглядел Черный бог// Мифы и магия индоевропейцев, N4-5, – М.: Менеджер, 1997.
20. *Бурцев А.Е.* Полное собрание этнографических трудов. Т. 6. СПб., 1910.
21. Былины/ сост. и прим. Ю. Г. Круглова, –М.: Просвещение, 1993.
22. Былины новой и недавней записи, под ред. *В. Ф. Миллера*, М., 1908.
23. Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи. – М. –Л.: Издательство Академии наук СССР. 1961.
24. Великорусские сказки архива Русского географического общества. Сборник А.М. Смирнова. В двух книгах. Книга 1. –СПб.: Тропа Троянова, 2003.
25. Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д.К.Зеленина. –СПб.: Тропа Троянова, 2002.
26. *Вудман Мэрион.* Опустошенный Жених. Женская маскулинность: Аналитическая психология/Пер. с англ. Валерия Мершавки. –М.: ИНФРА. 2001.
27. *Гаврилов Д.А. Ёлкин С.В.* Протоязык и традиционализм. Пути реконструкции. – М.: МГИФИ, 1997.
28. *Гаврилов Д.* От ритуалов – к игре и обратно// «Мифы и магия индоевропейцев», альм. вып. 6, –М.: Менеджер, 1997. СС. 67-73.

29. *Гаврилов Д.* Хеймдалль. Белбог против Чернобога// «Мифы и магия индоевропейцев», альм. вып. 9, Киев: София, 2000. СС. 40-49;
30. *Гаврилов Д.* Аполлон Гиперборейский, Свентовит Арконский и другие белые боги индоевропейцев // журнал «Мир истории», № 6, М., 2001. СС. 18-23.
31. *Гаврилов Д.* Белбог против Чернобога. Один против Одина// Мифы и магия индоевропейцев, альм. вып. 10, –М.: «София», 2002. СС. 23-53.
32. *Гаврилов Д., Наговицын А.* Боги славян. Язычество. Традиция. –М.: Рефл-Бук, 2002.
33. *Гаврилов Д.* Особенности традиционной культуры //Вестник Традиционной Культуры: статьи, изведник. вып №1/ под ред. Наговицына А.Е., М., 2004. СС.18-26.
34. *Гаврилов Д.А.* К вопросу об исследовании традиционной политеистической культуры // Schola-2004. Сборник научных статей философского факультета МГУ/ Под ред. И.Н. Яблокова, П.Н. Костылева. –М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2004. СС.96-102.
35. *Гаврилов Д.* Мифологический образ Тёмного Бога в языческой Традиции индоевропейцев// Вестник Традиционной Культуры. Вып.№2/ под ред. Наговицына А.Е., М., 2004. СС. 53-84.
36. *Гаврилов Д.* Традиционная культура и современный мир/ Наговицын А.Е. Древние цивилизации: общая теория мифа. –М.: Академический проект, 2005. СС.3-28.
37. *Гаврилов Д.* Род и Свентовит. Имена Единого Бога у древних славян// Вестник Традиционной Культуры: статьи и документы. Вып. №3/ под ред. Наговицына А.Е., М., 2005. СС.30-33.
38. *Гаврилов Д.* О функциональной роли Трикстера. Локи и Один как эддические трикстеры// Вестник Традиционной Культуры: статьи и документы. Вып. №3/ под ред. Наговицына А.Е., М., 2005. СС.33-59.
39. *Гаврилов Д.А.* Трикстер в период социо-культурных преобразований: Диоген, Уленшпигель, Насреддин // Experimentum-2005. Сборник научных статей философского ф-та МГУ / Под ред. Е.Н. Мошелкова. –М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2006. СС. 166-178.
40. *Гаврилов Д.А.* К определению трикстера и его значимости в социо-культурной реальности // Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы», 15 мая 2006 г. [материалы]. –Омск: СИБИТ, ИПЭК, СРШБ (колледж), 2006. СС. 359-368.
41. *Гаврилов Дмитрий.* Царь трикстеров Одиссей // «Реальный Мир», ежем. журнал, вып. №1, М., 2006, СС.198-210.
42. *Гаврилов Дмитрий.* Царь-трикстер Одиссей// «Порог», ежем. журнал, №5(132), 2006. СС.1-5.
43. *Гальковский Н. М.,* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т.2 – Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе, М., 1913.
44. Труды отделения древнерусской литературы Института русской литературы. Т.65. пер. И.Франко. Л., 1985.

45. *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина. –М.: Наука, 1984
46. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии, тт.1-2, пер. М.И. Левиной. –М.: АН СССР Институт философии, Издательство Соц.-Эконом. Лит. «Мысль», 1976.
47. *Гегель Г.В.Ф.* Наука Логики, т. VI, пер. Б.Г.Столпнера, –М.: АН СССР Институт философии, Гос.Соц.-Эконом.Издат, 1939.
48. *Гегель Г.В.Ф.*, Наука Логики,–СПб.: Наука, 1997.
49. *Гельмолд*. Славянская Хроника. пер. Л.В.Разумовского, –М.: Наука, 1963.
50. Гермес Трисмегист и герметическая традиция востока и запада, –М.: Алетея, Киев.: Ирис, 1998.
51. *Гильфердинг А. Ф.*, Онежские Былины, СПб., 1895–1898.
52. *Гоголь Н.В.*. Собрание соч. в 6-и т.т., М., 1952, т.1.
53. *Горсей Дж.* Записки из России XVI-начало XVII в. М., МГУ, 1990.
54. *Грацианская Н.Н.* Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития. – М. 1975.
55. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции, М., 1992.
56. *Ганс Якоб Кристоф Гриммельсгаузен*. Симплициссимус. –М.: Художественная литература, 1976. (Библиотека всемирной литературы. том 46).
57. *Громов Д.* Три взгляда Вия// Мифы и магия индоевропейцев. вып.8, М., 1999.
58. *Громов Д.* Восточно-славянские дуалистические легенды о сотворении мира// Вестник Традиционной Культуры: статьи и документы. Вып. №3/ под ред. Наговицына А.Е., М., 2005. СС.8-29.
59. *Гуревич Е. А., Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. Отв. Ред. Е. М. Мелетинский. –М.: РГГУ, 1999.
60. *Гуревич Арон*. Избранные труды. В 4-х т.т. Том 1. Древние германцы. Викинги. –М. –СПб.: Университетская книга, 1999.
61. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства, – М.: Искусство», 1990.
62. *Даль В.* Пословицы русского народа, изд. 3-е, т. I. М., 1904.
63. Двадцать три Насреддина. –М.: «Главная редакция восточной литературы издательства «Наука, 1978.
64. *Диакон Павел*. История лангобардов// Средневековая латинская литература IV-IX вв. М. 1970.
65. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов/ Ред. тома А.Ф.Лосев; перевод М. Л. Гаспарова. –М.: Мысль. 1986.
66. Древние российские стихотворения Кириши Данилова, изд. 2-е, М., 1818.
67. Древности славян и Руси. –М.: Наука. 1988.
68. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей, т.1-2, –М: РИА День, 1991.
69. *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива имп. Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 2.
70. *Зелинский Ф.Ф.* Гермес Трижды-Великий. СПб, 1907.
71. *Иванов Вяч. Вс.* О последовательности животных в обрядовых фольклорных текстах // Проблемы славянской этнографии: (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д.К.Зеленина). Л., 1979.
72. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей.

- Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
73. *Иванов К.А.* Трубадуры, труверы и миннезингеры. –М.: Алетей, 2001.
 74. Иван Меньшой – разумом большой. Русские сказки. –М.: Детская Литература, 1972.
 75. Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т. 2., –М.: Языки Русской Культуры, 1998.
 76. *Ирасек А.* Старинные чешские сказания, М. Л., 1952.
 77. Калевала. Избранные руны карело-финского народного эпоса в композиции О.В.Куусинена. Петрозаводск: Карелия, 1973.
 78. Кельты. Ирландские сказания. –М.: Арт-Флекс, 2000.
 79. Кельтская мифология: Энциклопедия. –М.: Эксмо, 2002.
 80. *Киревский П. В.*, Песни, собранные К-м, десять выпусков, М., 1860–1874.
 81. Книга Орфея. –М.: Издательство Духовной Литературы «Сфера», 2001.
 82. *Комаринец А.* Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола. М., 2001.
 83. Корни Иггдрасила (Эдда. Скальды. Саги), сб. под ред. О.Смирницкой, –М.: Terra, 1997.
 84. *Шарль де Костер.* Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях. Пер. с фр. – Н.Любимов. – М.: Художественная литература, 1983.
 85. *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. –М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1955.
 86. Лаврентьевская летопись, ПСРЛ, т. 1., –М.: Языки Русской Культуры, 1997.
 87. *Лащенко С.К.* Заклятие смехом. Опыт истолкования языческих ритуалов восточных славян. –М.: Ладомир, 2006.
 88. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым, кн. 2. М., 1859.
 89. *Лосев А.В.* Античная мифология с античными комментариями к ней. Энциклопедия олимпийских богов. Собрание первоисточников, статьи и комментарии. – Харьков: Фолио; –М.: Эксмо, 2005
 90. *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. –М.: Правда, 1990.
 91. *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. –М.: Мысль, 1994.
 92. Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. –М.: Аграф, 2002.
 93. *Марков А. В.*, Беломорские Былины, М., 1901
 94. *Миллер В. Ф.*, Исторические песни русского народа XVI и XVII вв., СПб., 1915.
 95. *Миролюбов Ю.* Сакральное Руси. т.1. Русский языческий фольклор, –М.: Золотой век, 1997.
 96. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера /Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб., 1996.
 97. Мифы народов мира. В 2-х т.т. –М.: Советская энциклопедия, 1982.
 98. Младшая Эдда, в пер. О.А. Смирницкой, под ред. М.И. Стеблин-Каменского. – М.: НИЦ «Ладомир», 1994.
 99. Молла Насреддин. Пер. с перс. Н. Османова, –М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970.
 100. *Мюллер В.К.* Новый англо-русский словарь. –М.: Русский Язык, 2002.

101. *Наговицын А.Е.* Древние цивилизации: общая теория мифа. –М.: Академический проект, 2005.
102. Немецкие легенды и саги. М., 2001.
103. *Ницше Ф.* Собр соч. в 2-х т.т. М. 1990.
104. *Нонн Панополитанский.* Деяния Диониса, –СПб.: Алетейя, 1997.
105. Новгородские былины, –М.: Наука, 1978.
106. *Ончуков Н.Е.* Неизданные сказки из собрания Н.Е. Ончукова. –СПб.: Алетейя, 1998.
107. *Ончуков Н. Е.,* Печорские Былины, СПб., 1904.
108. О происхождении богов, сб. (Гомер, Гесиод и др.) –М.: Советская Россия, 1990.
109. *Орфей.* Языческие таинства. Мистерии восхождения. –М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
110. Парламент дураков (серия «Азбука Средневековья»). –СПб.: Азбука-классика, 2005.
111. Первая новгородская летопись младшего извода. М., Л., 1950.
112. *Петрухин В.Я.* Мифы о творении мира. –М.: Астрель, АСТ, ЛЮКС, 2005.
113. *Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. –М.: Астрель – АСТ, 2003.
114. *Пиндар, Вакхилид.* Оды. Фрагменты. –М.: Наука, 1980.
115. *Платов А.* Путь и три ступени посвящения в северо-западной традиции// Мифы и магия индоевропейцев, №8. –М.: Менеджер, 1998.
116. *Полани М.* Личностное знание, –М.: Прогресс, 1985.
117. Пoesия скальдов. В пер. С. В. Петрова. –Л.: Наука, 1979.
118. Приключения барона Мюнхгаузена. –М.: Наука, 1985.
119. Предания и Мифы средневековой Ирландии, под редакцией Г. К. Косикова. – М.: МГУ, 1991.
120. Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель.(серия «Литературные Памятники»). –М.: Наука, 1986.
121. *Пропт В.Я.* Морфология волшебной сказки. –М.: Лабиринт, 2003.
122. *Пропт В.Я.* Проблемы комизма и смеха. –М.: Лабиринт, 2002.
123. *Пропт В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958.
124. *Пуришев Б.И.* Очерки немецкой литературы XV-XVII вв. М., 1955.
125. *Радин П.* Трикстер. –СПб.: Евразия, 1999.
126. *Реутин М.Ю.* Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. – М., 1996.
127. Русские былины старой и новой записи, под ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Ф. Миллера*, М., 1894
128. Русский демонологический словарь /Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995.
129. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
130. Рода нашего напевы. Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов. Петрозаводск: Карелия, 1985.
131. Северные сказки. Сб. Н.Е. Ончукова. т.1. –СПб.: Тропа Троянова, 1998.
132. Сербские народные сказки. –М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

133. Сказания Новгорода Великого (IX-XIV вв.) под. ред. Ю.К.Бегунова, –СПб.: Политехника, 2004,
134. Сказки и песни Белозерского края, кн.1. –СПб.: Тропа Троянова, 1999.
135. Сказки и предания Самарского края. Сб. Д.Н. Садовников. –СПб.: Тропа Троянова, 2003.
136. Скандинавская мифология: Энциклопедия. –М.: Эксмо; –СПб.: Мидгард, 2004.
137. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого, Т.1-Т.3, М., 1995-1999,2004.
138. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964-1987. тт.1-7. Т.7.
139. Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск, 1986-1989. Вып. 1-4.
140. *Соболевский А. И.*, Великорусские народные песни, т. I, 1895 (Низшие эпические песни).
141. *Соловьев Л.В.* Повесть о Ходже Насреддине. –Л.: Лениздат, 1980.
142. *Софокл.* Трагедии. –М.: Искусство, 1979.
143. *Сперанский Н. (Велимир).* Шаманский дар волхования. –М.: Ладога 100, 2005.
144. Средневековая латинская литература IV-IX вв. М. 1970
145. Старофранцузские новеллы. М., 1971.
146. Старшая Эдда. Песни о божествах: Скандинавский эпос / Пер., введ., предисл. И коммент. С.Свириденко. Изд. 2-е, стереотипное. –М.: Едиториал УРСС, 2004.
147. *Стеблин-Каменский М. И.* Древнескандинавская литература. –М.: Высшая Школа, 1979.
148. *Страбон.* География. –М.: Ладомир, 1994.
149. *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. –М.: Наука, 1980.
150. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура, М., 1989.
151. *Тацит Корнелий.* Собр. соч. В 2-х т.т. –Л.: Наука, 1969.
152. Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.
153. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). – М.: Издательство Московского Университета, 1982.
154. Уэльс: Хроники бриттов. Книга сказаний/ Перевод с английского, сост. и коммент. С.Шабалова. – М.; – СПб., 2005.
155. *Фроянов И.Я., Юдин Ю.А.* Былинная история (работы разных лет). –СПб.: Издательство СПбУ, 1997.
156. *Хлезов А. А.* Предвестники викингов. Северная Европа в I – VIII веках. –СПб.: Евразия, 2002.
157. Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. 2-е изд./ сост. Б. В. Пуришев, М., 1975.
158. *Цицерон.* Философские трактаты. –М.: Наука, 1997.
159. Чародейство. Волшебство. Знахарство. Заклинания. Заговоры, –М.: Терра, 1998.
160. Чешскія глоссы въ Матер Верборум / разборъ А.О. Патеры и дополнительные замечания И.И.Срезневскаго, СПб., 1878. –152 с. (Приложение к XXXII-му тому Записок Имп. Академіи Наук. №4.)

161. *Широкова Н.С.* Культура кельтов и нордическая традиция в античности. – СПб.: Евразия, 2000.
162. *Штепа В.В.* ИNверсия. –М.: АСТ, 1996.
163. Эллинские поэты VII-III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. –М.: Ладомир, 1999.
164. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.
165. *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. М., 1997.
166. *Юнг К. Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. Мн., 2004.

Внимание! Мы предупреждаем заинтересованного читателя о том, что Время не стоит на месте, и некоторые авторские взгляды и представления, изложенные этой книге, получили продолжение и развитие, были уточнены и скорректированы в последующих исследованиях:

Гаврилов Д.А. Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре. – М.: Ганга; ИЦ «Слава!», 2009. – 288 с.

Гаврилов Д.А., Ермаков С.Э. Боги славянского и русского язычества. Общие представления. – М.: Ганга, 2009. – 288 с.

Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А. Напиток жизни и смерти. Мистерия Мёда и Хмеля. – М.: Ганга, 2009. – 288 с.

Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А. Опора Мироздания. Мировое Древо и Скала Времени в традиционной культуре. – М.: Ганга, 2009. – 288 с.

Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А. Время богов и время людей. Основы славянского языческого календаря. – М.: Ганга, 2009. – 288 с.

Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А. Ключи к исконному мировоззрению славян. Архетипы мифологического мышления. – М.: Ганга, 2010. – 256 с.

Гаврилов Д.А., Ермаков С.Э. Были и Небыли сказки. О необычном, обыденном и искусстве перехода между ними. – М.: Ганга, 2011. – 288 с.

Гаврилов Д.А., Ермаков С.Э. Древние боги славян. – М.: Вече, 2011. – 320 с.

Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А. Священное опьянение. Языческие таинства хмеля. – М.: Язуз-Эксмо, 2012

Связь с авторами: <http://northernwind.ru>, <http://aeninform.org>